

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

№ _____
Уч. заведения

СЛАВЯНО ·

2000

· ВЕДЕНИЕ

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт славяноведения

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

1
2000
ЯНВАРЬ •
ФЕВРАЛЬ •

Содержание

Статьи

- Аксенова Е.П.* (Москва). Славяноведение в Академии наук: Краткий очерк. К 275-летию Российской Академии наук 3
- Провозглашение суверенитета Болгарии как этап развития болгарской государственности. Материалы конференции 14
- Кареева Е.И.* (Москва). Автономия Воеводины – поиск возможных решений 38
- Краль Л.* (Любляна). Период экспрессионизма в словенской драматургии (обзор) 47
- Ефимова В.С.* (Москва). Об употреблении прилагательных в роли существительных в старославянских текстах 56

Сообщения

- Стыкалин А.С.* (Москва). Советско-югославская полемика вокруг судьбы "группы И. Надя" и позиция румынского руководства (ноябрь – декабрь 1956 года) 70
- Жидов Н.* (Любляна). Традиции словенского народного целительства и современная альтернативная медицина 82
- Менцей М.* (Любляна). Славянские народные верования о воде как границе между миром живых и миром мертвых 89
- Верниковская Т.В.* (Минск). Судьба дательного падежа в польском языке 98

Публикации

- Никитин О.В.* (Москва). "В судьбе моей произошли значительные перемены". Три письма Н.С. Трубецкого 1922 года 104

Обзоры и рецензии

- Лабынцев Ю.А.* Białokozowicz. Między Wschodem a Zachodem: Z dziejów formowania się białoruskiej świadomości narodowej 112
- Куманов М.* Георги Димитров. Дневник (9 марта 1933 – 6 февруари 1949) 115
- Серапионова Е.П.* J. Rychlík. Češi a Slováci ve 20. století. Česko-slovenské vztahy, 1945–1992 118
- Дуличенко А.Д.* N. Mikhailov. Frühslowenische Sprachdenkmäler. Die schriftliche Periode der slowenischen Sprache (XIV. Jh. Bis 1550) 120

Мито Цеков Исусов (1928–1999).....	124
Новые издания Института славяноведения РАН.....	126

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ю.С. НОВОПАШИН (главный редактор), **А.В. БОЛДОВ** (отв. секретарь),
М.А. ВАСИЛЬЕВ, **Г.К. ВЕНЕДИКТОВ**, **В.К. ВОЛКОВ**, **Р.П. ГРИШИНА**,
А.А. ГУГНИН, **В.И. КОСИК**, **Г.Ф. МАТВЕЕВ**, **Г.П. МЕЛЬНИКОВ**,
В.В. МОЧАЛОВА, **С.В. НИКОЛЬСКИЙ**, **В.Я. ПЕТРУХИН**,
М.А. РОБИНСОН (первый зам. главного редактора),
Л.А. СОФРОНОВА (зам. главного редактора), **Б.Н. ФЛОРЯ**,
В.А. ХОРЕВ, **Т.В. ЦИВЬЯН** (зам. главного редактора)

Заведующие отделами: *Адельгейм И.Е.* (отдел литературоведения),
Белова О.В. (отдел культурологии), *Валенцова М.М.* (отдел лингвистики),
Васильев М.А. (отдел истории).

Зав. редакцией *И.И. Бизьева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А.*, *Веслова И.Ю.*, *Кошкина Е.А.*

© 2000 г. Е.П. АКСЕНОВА

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ В АКАДЕМИИ НАУК: КРАТКИЙ ОЧЕРК.

К 275-летию Российской Академии наук

В 1725 г. была создана Академия наук, которая с тех пор и до настоящего времени является важнейшим в России центром изучения общеславянской проблематики, а также истории, языков, этнографии, культуры всех славянских народов.

Зарождение академической славистики относится к начальному периоду деятельности Академии. В ее структуре был выделен третий (гуманитарный) класс, одному из академиков которого предписывалось "отправлять" филологические и исторические науки [1. С. 17].

Первые опыты академической славистики связаны с именем И.П. Коля, который за время службы в Академии (1725–1727) подготовил такие сочинения, как "О обращении славянского народа в веру христианскую", "О языке славенском и его начале", "Совет о сочинении лучшего лексикона славянского", "Совет о устройении славянской библиотеки", "История славянского перевода Священного писания" и др. [1. С. 17]. Подобное внимание к славянской тематике свидетельствует не только о научном и общественном интересе, но и об определенном аспекте государственной политики Петровской эпохи.

Первыми учеными в Академии наук, так или иначе затрагивавшими в своих трудах славянскую проблематику, были выходцы из немецких земель. Наряду с упомянутым уже И.П. Колям, следует назвать Г.Ф. Миллера, внесшего существенный вклад в развитие славянского источниковедения и археографии [1. С. 18], а также Г.З. Байера, основоположника "норманнской теории", работы которого о древнейшем населении Восточной Европы представляли некоторый интерес для изучения славян [1. С. 19].

В соответствии с академическим Уставом 1747 г., класс гуманитарных наук был выведен из состава Академии и передан в академический Университет. Такое положение сохранялось до принятия академического Устава 1803 г. [1. С. 19]. Однако, несмотря на это, русские ученые, служившие в Академии, продолжали вести исследования, ориентированные на славянство. Предпринятые в этом направлении шаги были поддержаны В.К. Третьяковским. Разрабатывая силлабо-тоническую систему русского стихосложения, Третьяковский изучал образцы сербской и хорватской поэзии. Обратившись к слабо разработанной в то время проблеме происхождения славянских народов в трактате "Три рассуждения о трех главнейших древностях рос-

сийских", автор отмечал общность всех славян, но порой произвольное этимологизирование позволяло ему находить славянские корни у скифов и сарматов и даже варягов считать славянами [1. С. 20].

Более пристальное внимание к широкому кругу славяноведческих проблем мы находим в сочинениях В.Н. Татищева. Не будучи членом Академии наук, он направлял туда многие свои труды, в том числе и первую редакцию "Истории Российской". На уровне знаний эпохи Просвещения он давал классификацию славянских племен, рассматривал вопросы происхождения письменности и языческого пантеона славян, подчеркивал генетическую и языковую общность славянских народов [1. С. 21].

Первый русский академик М.В. Ломоносов развил идеи, заложенные в трудах Татищева. Знакомый со многими работами современных ему зарубежных ученых о славянах, он неоднократно обращался к вопросам истории, культуры, сравнительного изучения языков славянских народов, в том числе и в незавершенной "Древней российской истории". Ломоносов был решительным противником "норманнской теории" и принижения роли славян в мировой истории (правда, сам неправомерно относил варягов к славянам и отстаивал "сарматское" происхождение славян). Касаясь проблем славянского этногенеза, Ломоносов указывал на необходимость изучения связей славян с соседними племенами, учета географического фактора и широты распространения славянского языка, многочисленности и древности славянских племен. Ученый сделал первые шаги в направлении сравнительно-исторического изучения славянских языков. В "Российской грамматике", изданной Академией наук в 1755 г., Ломоносов наряду с русским, польским, болгарским, сербским, чешским выделяет словацкий и "вендский" (лужицких сербов, полабских и поморских славян) языки, что было для того времени новаторской точкой зрения [1. С. 23–25].

В 60–80-х годах XVIII в. по инициативе Академии наук были осуществлены переводы некоторых книг, посвященных Польше и южным славянам. Выпуску этих изданий способствовало созданное при Академии в 1768 г. "Собрание, старающееся о переводе иностранных книг", центральной фигурой которого был филолог ломоносовской школы Г.В. Козицкий [1. С. 26].

Изучение российской истории усилило интерес к истории сопредельных народов и поставило задачу расширения круга письменных и печатных источников, которые составляли документальную базу для исследования не только истории России, но и зарубежных славян. Однако учрежденные при Академии наук в 1748 г. Исторический департамент и Историческое собрание (существовавшее до 1760 г.) не выполнили задач сбора, критического изучения и публикации необходимых для этого источников. Тем не менее, в 1767 г. Академией наук была осуществлена публикация подготовленной И.С. Барковым "Летописи Нестеровой", а в 1770–1775 гг. – четырехтомной работы академика И.М. Стриттера (или Штриттера), посвященной истории славян и других народов Восточной Европы, "Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времен и переселения народов" [1. С. 27–28].

Книжные фонды Библиотеки Академии наук (основанной в 1714 г., затем вошедшей в состав Академии) пополнялись во второй половине XVIII в. изданиями, содержание которых касалось общеславянских проблем, а также отдельных славянских земель и народов [1. С. 31].

Ученые эпохи Просвещения, имея многогранные научные интересы, ввели славянскую тему в круг систематических исследований в области гуманитарных наук, что дает возможность говорить о зарождении в это время отечественного славяноведения. Основные работы в этой области выполнялись в рамках Академии наук и выходили в свет благодаря ее издательским возможностям. Академия наук на протяжении долгого времени оставалась единственным центром славяноведения в России.

В 1787–1789 гг. в Петербурге были изданы две части "Сравнительного словаря всех языков, собранных десницею всевысочайшей особы" (Екатерины II). Подготовку словаря к печати осуществил академик П.С. Паллас. В словаре был систематизирован

обширный материал, почерпнутый из 200 европейских и азиатских языков, в том числе (впервые) и славянских, среди которых были выделены как самостоятельные словацкий и украинский языки, хорватский ("иллирийский") отделен от сербского, и специальное внимание обращено на полабские и поморские языки [1. С. 32–33].

"Словарь Академии российской", изданный в 1789–1794 гг. в шести частях в Петербурге, сделал еще один шаг в разработке проблем славянского языкознания. Словарь был подготовлен основанной в 1783 г. Российской академией, специально созданной для занятий отечественной словесностью и восполнявшей гуманитарную "лакуну" Академии наук. Возглавляемое Е.Р. Дашковой новое научное учреждение включило в свои ряды почти всех русских членов Академии наук. Большую роль в работе Российской академии играл И.И. Лепехин. Членами академии являлись И.Н. Болтин и И.П. Елагин [1. С. 33].

В 1789 г. членом Российской академии стал адмирал А.С. Шишков, который возглавлял ее с 1813 до 1841 гг. [1. С. 41]. Несмотря на консервативные общественно-политические позиции и устаревшие, не выдерживавшие никакой критики научные взгляды адмирала, руководимое им учреждение и в XIX в. оставалось важным славистическим центром. Действительными и почетными членами академии избирались лучшие представители российской науки и культуры: Н.Н. Бантыш-Каменский, Е.А. Болховитинов, А.Х. Востоков, В.А. Жуковский, Н.М. Карамзин, М.Т. Каченовский, И.А. Крылов, А.Ф. Малиновский, А.И. Мусин-Пушкин, А.С. Пушкин, Н.П. Румянцева и др. Многие из них выступали против дилетантизма и произвольного этимологизирования Шишкова [1. С. 42].

В изданиях Российской академии ("Трудах", "Повременном издании", "Известиях") публиковались работы известных русских ученых А.Х. Востокова, В.М. Перевощикова, Е.А. Болховитинова. К.Ф. Калайдович поднес в дар академии свой труд "Иоанн, экзарх Болгарский" [1. С. 42–43].

В Российской академии обращалось внимание на развитие сравнительного славянского языкознания. Шишкову принадлежала мысль о создании сравнительного словаря и грамматики славянских языков. К тому же он хотел организовать при академии славянскую библиотеку и с этой целью попытался (правда, безуспешно) пригласить для работы в ней чешских ученых В. Ганку, П.И. Шафарика, Ф.Л. Челакоского [1. С. 43]. Были налажены связи академии со славянскими учеными С.Б. Линде, Й. Добровским, П. Шафариком, Е. Копитаром, Й. Юнгманом, В.С. Караджичем и др. Сообщения об их деятельности и некоторые их научные работы помещались на страницах академических изданий. Российская академия стала организатором научных экспедиций в славянские страны [1. С. 44].

В целом Российская академия внесла весомый вклад в изучение языков, истории и культуры славянских народов и, следовательно, сделала еще один шаг в развитии академического славяноведения, которое в первой трети XIX в. стало самостоятельной областью науки.

В 1841 г. Российская академия вошла в состав Академии наук в качестве ее второго отделения – Отделения русского языка и словесности (ОРЯС). Второе отделение издавало "Известия ОРЯС" (в 1852–1861 гг. они выходили под редакцией И.И. Срезневского), на страницах которых публиковались материалы по славянской филологии и истории [1. С. 99, 339]. Академия продолжала развивать научные контакты с зарубежными славянскими учеными, оказывая порой и материальное содействие их исследовательской или издательской деятельности (П. Шафарик, В. Ганке и др.) [1. С. 97]. Академия наук многократно удостоивала своими премиями (Демидова, Уварова, Ахматова и др.) исследования в области славяноведения [1. С. 110].

При поддержке Академии наук российским ученым к середине XIX в. удалось выявить и собрать значительное количество памятников письменности южных и западных славян [1. С. 109]. В тот же период появляются исследования по сравнительному славянскому источниковедению. Были заложены основы методики изучения источников [1. С. 110–111].

К середине XIX в. интеграционные процессы в славяноведении начали уступать место тенденциям к дифференциации научных дисциплин славистического комплекса. Вторая половина столетия ознаменовалась выдвиганием новых методологических принципов, формированием научных школ (например, московской и казанской лингвистических школ) и направлений, конкретизацией исследовательских проблем. Особенно интенсивная специализация шла в славянском языкознании (работы в области общего языкознания, сравнительной грамматики, диалектологии, фонетики, акцентологии, лексикографии, текстологии, изучения отдельных славянских языков и их истории [2. С. 19–23]).

Параллельно интенсифицировалось развитие славянского литературоведения (прежде всего в рамках сравнительно-исторического направления и культурно-исторической школы). Российские филологи занимались историей славянских литератур и творчеством отдельных писателей. Выдающимся сводным трудом явилась "История славянских литератур" (СПб., 1879–1881. Т. 1–2) А.Н. Пыпина и В.Д. Спасовича. Больше внимание стало уделяться изучению фольклора славянских народов [2. С. 23–26].

В пореформенный период активизируется изучение истории славян, на которое оказывают влияние основные течения общественной мысли в России (охранительное, славянофильское, панславистское, "почвенническое", революционно-демократическое, народническое и др.). Заметно продвинулось изучение этногенеза славянских народов, их средневековой и новой истории, русско-славянских связей и т.д. История славянских народов становится самостоятельной научной дисциплиной (хотя и не имеет еще своей организационной базы в Академии наук) в рамках славяноведения, имевшего преимущественно филологическую направленность. Определенные успехи сделали славянская этнография, историческая география, вспомогательные исторические дисциплины, историография [2. С. 27–34]. Наряду с работами по истории, исторические вопросы находили отражение в трудах по этнографии, фольклору, в описаниях путешествий и т.п.

На протяжении XIX и в начале XX в. разработка вопросов славяноведения приобретала все большее значение среди направлений академических исследований. Большой вклад в развитие этой отрасли науки внесли в разное время академики И.И. Срезневский, Я.К. Грот, А.Н. Веселовский, И.В. Ягич, Н.А. Лавровский, А.А. Шахматов, А.Н. Пыпин, В.И. Ламанский, А.И. Соболевский, И.С. Пальмов, В.А. Францев, члены-корреспонденты АН Н.А. Попов, М.С. Дринов, Т.Д. Флоринский и др.

После реорганизации Академии наук в 1890-х годах ОРЯС стало интенсивно заниматься славянскими языками, литературами и историей и к началу XX в. превратилось в организационный и координационный центр российской славистики [1. С. 196]. Во главе отделения стоял сначала А.Н. Веселовский, затем А.А. Шахматов. Наряду с действительными членами отделения (В.И. Ламанский, А.Н. Пыпин, А.И. Соболевский и др.), в его состав в качестве членов-корреспондентов входило большинство университетских профессоров-славяноведов [1. С. 339]. Активное участие в деятельности ОРЯС в конце XIX в. принимал академик И.В. Ягич [1. С. 282]. Отделение продолжало издавать "Известия ОРЯС" и "Сборник ОРЯС", на страницах которых публиковались славистические исследования и материалы не только российских, но и зарубежных ученых. Кроме того, ОРЯС способствовало выходу в свет отдельными изданиями многих славистических трудов. Отделение оказывало материальную помощь исследователям, учредило премии за работы в области славяноведения (имени М.В. Ломоносова, А.А. Котляревского и др.), выделяло средства на заграничные командировки для работы в библиотеках и архивах. ОРЯС поддерживало широкие научные связи со многими славистами славянских и неславянских стран, которые являлись, как правило, членами-корреспондентами отделения [1. С. 339–340].

По инициативе и под эгидой ОРЯС был проведен в 1903 г. предварительный съезд

русских филологов-славистов, на котором обсуждались назревшие вопросы славяноведения: об организации международного съезда славистов, о создании славянской энциклопедии¹, о подготовке словаря церковнославянского языка, о межславянском книжном обмене, о славянской библиографии, об издании церковнославянских памятников [1. С. 340].

После окончания съезда русских славистов ОРЯС приступило к подготовке международного съезда славистов, но начавшаяся русско-японская война, а затем революция 1905–1907 гг. в России помешали его проведению. В 1910 г. в ОРЯС возник проект Союза славянских академий и были проведены необходимые подготовительные работы, однако первая мировая война перечеркнула и эту инициативу [1. С. 343–344].

Академия наук наряду с другими организациями приняла участие в создании Русского археологического института в Константинополе (1894–1914), внесшего немалый вклад в изучение истории и быта славян Балканского полуострова. Бессменным руководителем института был академик Ф.И. Успенский [1. С. 345].

В академическом Музее антропологии и этнографии в Отделе европейских народов содержались коллекции предметов быта украинцев, белорусов, болгар, македонцев [3. С. 274]. По направлению Академии наук многим славяноведам удалось побывать в командировках в славянских странах, причем такая возможность предоставлялась не только членам Академии [1. С. 356]. Достижения российских ученых в различных областях славяноведения в начале XX в. нашли отражение в указателях славистической литературы [4; 5].

Большую научно-вспомогательную роль в развитии академического славяноведения играла Библиотека Академии наук. При Русском отделении библиотеки в 1882 г. образовался Славянский отдел (с 1921 г. ставший самостоятельным отделением), являвшийся самым богатым в стране собранием книг и периодики на славянских языках. Академия наук выделяла на покупку славянских книг в 1890-х годах 246 марок ежегодно, в начале XX в. эта сумма постепенно увеличилась до 4 тыс. марок. Кроме того, осуществлялся интенсивный обмен "Известий ОРЯС" и других академических изданий на славяноязычные книги и журналы. Польские и украинские собрания пополнялись в основном за счет поступления обязательных экземпляров. В отдел поступали также частные пожертвования. Славянский отдел планировал комплектовать и литературу, относящуюся к славянству, на русском и иностранных (неславянских) языках. В Рукописном отделении БАН (организовано в 1904 г.) содержался богатый источниковый материал по славяноведению [3. С. 31–32; 6. С. 9].

Вскоре после Октябрьской революции начался процесс включения науки в сферу партийно-государственного влияния. Перестройка научной работы происходила с учетом внедрения в нее марксизма как "единственно верной" методологической основы всех отраслей знания. Однако Академия наук сохраняла еще относительную самостоятельность в организационном отношении и в вопросах научного творчества. В ней работали старые специалисты, получившие подготовку в дореволюционный период и в методологическом отношении стоявшие на позициях, далеких от марксизма. В первые послереволюционные годы многие ученые добровольно эмигрировали или были высланы из России. Академия наук с трудом входила в новые условия существования, но постепенно и в ней происходили изменения в идеологическом и тематическом плане, а также в кадровом составе. На рубеже 1920–1930-х годов идет дальнейший процесс "советизации" и "большевизации" Академии, происходит "переоценка ценностей" и ломка старых традиций [7]. В первой половине 1930-х годов Академия превращается в "штаб" советской науки, и ее основные учреждения переводятся в Москву.

¹ Издание по инициативе И.В. Ягича "Энциклопедии славянской филологии" начало осуществляться в 1908 г.

Преобразовательные процессы захватили и славистику, положение которой оказалось очень уязвимым. Она подвергалась критике как "отжившая", "буржуазная" наука, которая отождествлялась с панславистской идеологией. Ощутимый удар по славяноведению нанесла яфетическая теория Н.Я. Марра. Многие ученые – члены Академии, подверглись нападкам за свои научные взгляды и общественные позиции, среди них и те, кто внес немалый вклад в славяноведение – В.М. Истрин, М.К. Любавский, В.Н. Бенешевич и др. На выборах 1931 г. академиком был избран славист Н.С. Державин, последователь Марра. В целом же академическое славяноведение плохо пополнялось новыми кадрами, подготовка которых в вузах была почти прекращена. Удар по славяноведению нанесло и сфабрикованное ОГПУ в конце 1920-х годов "академическое дело" [8–10].

Существовавшие в Академии наук в 1920-х годах Комиссия по научному изданию славянской Библии, Комиссия по научному изданию текстов кирилло-мефодиевской традиции (затем – Комиссия по изданию памятников старославянской литературы), Комиссия по изданию Славянской энциклопедии, образованные еще до Октябрьской революции, а также Славянская научная комиссия (основана в 1922 г., председатель – академик А.И. Соболевский, затем академик П.А. Лавров) не отвечали интересам новой власти (хотя последняя комиссия, объединявшая свыше 40 ученых, наряду с традиционными проблемами ставила новые – по изучению образованных в 1918 г. славянских государств [11. С. 9–10; 12. С. 40, 42]. На рубеже 1920–1930-х годов эти комиссии были упразднены.

В 1931 г. Академия наук приняла решение о создании в Ленинграде института славяноведения (директор – академик Н.С. Державин). Это решение было направлено на укрепление организационной базы академического славяноведения. Институт должен был с позиций марксистской идеологии начать комплексное изучение славянства (предполагалось, наряду с зарубежными славянами, изучать и восточных славян, а также южно- и западнославянское население, жившее на территории СССР). Кроме того, в круг исследований входили и неславянские народы, являвшиеся соседями славян. Таким образом, в основу был положен региональный принцип подхода к объекту изучения. Наряду с филологическими работами, значительное место в планах Института занимали исторические исследования, особенно касавшиеся современности [6. С. 13–15, 19]. Несмотря на конъюнктурный подход к разработке некоторых тем, объективно происходило расширение тематических и хронологических границ исследований. Славяноведение утвердилось как комплексная научная отрасль.

За время своего существования Институт славяноведения выпустил два тома "Трудов" (Л., 1932–1934). Однако развернуть работу по всем намеченным направлениям не удалось как из-за нехватки научных сотрудников, так и по другим причинам (в том числе материальным и идеологическим). Репрессии 1930-х годов обескровили и без того небогатое кадрами славяноведение, которое было объявлено "реакционной наукой" [10; 12]. В 1934 г. Институт славяноведения, несколько сотрудников которого подверглись аресту по "делу славистов", был закрыт.

В последующие годы славяноведение оказалось "изгнанным из стен Академии" (по выражению Н.С. Державина). Работы в этой области были распределены руководством АН между различными учреждениями Академии, что нарушало прежде всего комплексность подхода к изучению славянских народов. Отдельные исследования в области славянского языкознания (порой отражавшие влияние теории Марра) велись в ленинградском Институте языка и мышления, в котором был организован специальный кабинет славянских языков (руководитель – академик Б.М. Ляпунов, затем профессор В.Г. Чернобаев). Печатная продукция кабинета была невелика и в ней почти не отразилась тематика языков зарубежных славян. Проблемы славянского языкознания входили в круг исследовательских задач московского Института языка и письменности народов СССР (в 1938 г. перешедшего в ведение Академии наук), но и здесь работы в этой области были единичными [13. С. 84–88; 14. С. 19–25].

История славянских литератур должна была разрабатываться в двух академи-

ческих институтах – Институте русской литературы (Ленинград) и Институте мировой литературы (Москва), но эти планы не были реализованы. Недолгое время в Библиотеке Академии наук существовал Кабинет славяноведения², но и этой книжной базы ученые-слависты лишились в 1936 г. [13. С. 88–91]. Славистические труды почти не издавались; не имелось ни одного специального славистического периодического органа.

Изучение истории славян начало осуществляться, вначале эпизодически, лишь после образования в Москве Института истории АН СССР, где в 1939 г. был создан сектор славяноведения под руководством члена-корреспондента АН СССР В.И. Пичеты. Исследование исторического развития славянских народов стало приобретать планомерный, целенаправленный характер [15. с. 11; 16. С. 165].

По времени это совпало с принципиально важными изменениями в судьбе отечественного славяноведения. В связи с корректировкой во внутренней и внешней политике СССР изменилось отношение и к славянской идее, и к изучению славян. Реальная угроза фашистской агрессии против Восточной Европы привела к тому, что на смену борьбе с "панславизмом" пришла пропаганда единства и вековых связей славянских народов, близости и родства их языков. Объединение сил славянских и неславянских народов перед лицом нависшей опасности, проводившееся под руководством Советского Союза, требовало необходимого идеологического обеспечения и определенного уровня знаний о славянах и их соседях. Таким образом, общественные запросы сделали славяноведение (особенно его историческую часть) на рубеже 1930–1940-х годов наукой, получившей поддержку со стороны властей. В общественном сознании также произошли положительные изменения в отношении к славяноведению [15. С. 11–12; 16. С. 162–165].

Сочетание научных и политических факторов усиливало важность и своевременность изучения вопросов славянского этногенеза (в связи с подготовкой первого тома фундаментальной "Истории СССР"). При Отделении истории и философии АН СССР была учреждена Комиссия по этногенезу (председатель – А.Д. Удальцов). В дискуссии по этой проблеме приняли участие ведущие специалисты Института этнографии, Института истории материальной культуры, другие ученые (А.Д. Удальцов, А.В. Мишулин, Н.С. Державин, М.И. Артамонов, В.И. Пичета, Ю.В. Готье и др.). В программе исследований по этногенезу должны были принять участие также сотрудники Института языка и мышления и Института археологии. В ходе дискуссии были выявлены различные трактовки вопросов славянского этногенеза (в духе учения Марра и отрицавшие его концепцию). Хотя академические дискуссии конца 1930 – начала 1940-х годов не привели к решению проблемы происхождения славянства, они создали базу и открыли перспективы для широкого комплексного исследования в области этногонии славянства в будущем [17].

В этот же период в Отделении литературы и языка пристальное внимание было обращено на состояние и дальнейшее развитие славянской филологии (перспективный проект представил академик С.П. Обнорский) [14. С. 4–11].

Перелом в отечественном славяноведении, произошедший на рубеже 30–40-х годов, не привел к немедленному заметному подъему славистических исследований, не ставился пока вопрос о создании комплексного по своему характеру Института славяноведения, но, безусловно, наметилось оживление разработок в разных областях славистики, прежде всего в исторической. К этому времени был в основном преодолен вульгарно-социологический подход к историческим и историко-культурным явлениям, но еще прочнее утвердился "марксистский", "классовый" подход; славистические труды имели явственную политическую и идеологическую окраску. Историки-слависты Института истории приняли участие в кампаниях критики "школы М.Н. Покровского" и борьбы с фашистской фальсификацией истории. Сектор славяноведения

² В 1930 г. Славянское отделение БАН перестало быть самостоятельной единицей, а его книги включены в общий книжный фонд.

Института истории (В.И. Пичета, Ю.В. Готье, З.Р. Неедлы, Х.С. Кабакчиев и др.) вместе с сотрудниками ленинградской группы (Н.С. Державин, М.В. Джервис, У.А. Шустер и др.) начал подготовку трудов по истории славянских стран, однако, до войны они не увидели свет [16. С. 163–165, 167–168].

Великая Отечественная война скорректировала планы научных и практических разработок ученых-славяноведов. Особое внимание обращалось на исторические примеры борьбы славянских народов с германской агрессией. Соответствующие разработки велись в Институте истории, Институте русского языка, Славянской комиссии Академии наук. В годы войны Славянская комиссия (1942–1946 гг., руководитель – Н.С. Державин), сосредоточившая в своем составе многих ученых-славистов Академии наук и других научных учреждений и учебных заведений страны, занималась не только научной и координационной деятельностью, но и вела большую работу по популяризации знаний о славянских народах. Вместе с тем стала очевидной необходимость планомерного и широкого изучения славянских народов, поэтому уже в годы войны обсуждались перспективы создания научного учреждения, способного вести комплексное изучение славянства (которое, однако, не включало восточных славян, отнесенных к отечествоведению) [18].

В 1946 г. было принято решение о создании в Москве в составе Академии наук Института славяноведения с целью объединения всей научно-исследовательской работы в этой области (некоторое время существовала ленинградская группа Института). Институт был образован на базе сектора славяноведения Института истории, сектора славянского языка Института русского языка и Славянской комиссии. Основная задача Института заключалась в научной разработке истории, языков и культуры зарубежных славянских народов³, а также в подготовке квалифицированных специалистов-славяноведов. На начальном этапе Институт возглавили академики Б.Д. Греков (директор), С.П. Обнорский и В.И. Пичета (заместители директора). Впоследствии Институтом руководили П.Н. Третьяков, И.И. Удальцов, И.А. Хренов, Д.Ф. Марков. В настоящее время директором Института является доктор исторических наук, профессор В.К. Волков. Институт организационно входит в состав Отделения истории РАН, но будучи комплексным по характеру деятельности и по своей структуре, он находится также в тесном контакте с Отделением литературы и языка РАН.

С самого начала своей деятельности Институт славяноведения становится научным и координационным центром славистических исследований не только в системе Академии наук, но и в целом в стране. За пятьдесят с лишним лет своего существования Институт славяноведения проделал немалый научный путь. За это время существенно расширилась тематика научных исследований.

В первые два десятилетия проводились преимущественно страноведческие исследования и готовились коллективные обобщающие труды по истории славянских стран, истории национальных литератур и языков славянских народов. Несмотря на определенный идеологический отпечаток, присущий работам того времени, труды Института объективно вносили вклад в развитие отечественного и мирового славяноведения [15. С. 17; 19. С. 35–39].

Научная продукция Института славяноведения постоянно находила и находит отражение в его печатных органах: "Ученых записках" (1948–1966. Т. 1–30), "Кратких сообщениях" (1951–1965. Вып. 1–43) и журнале "Советское славяноведение" (выходит с 1965 г. по шесть номеров в год; с 1992 г. – "Славяноведение"), ставшем специализированным славяноведческим периодическим изданием Академии наук и трибуной для отечественных и зарубежных славистов [19. С. 41–42].

С годами деятельность Института становилась более многогранной: возникли

---

³ Практически ученые-славяноведы нередко выходили за рамки этого вынужденного, искусственного ограничения.

новые направления научных исследований, расширялась тематика работ, все большее внимание уделялось изучению новейшего периода в жизни славянских народов. В методическом плане выросла доля сравнительно-исторических исследований. Наряду с индивидуальными и коллективными монографиями получили распространение серийные издания ("Вопросы славянского языкознания", "Литературы славянских народов", "Славянское источниковедение", "Славянский архив" и др.), а также издания документов [19. С. 39–41].

Изучение славянских народов в Академии наук и в целом в отечественном славяноведении традиционно осуществлялось в контексте взаимосвязей славян с соседними неславянскими народами. Для решения ряда научных задач важен был региональный подход к изучению процессов, проходивших в Центральной и Юго-Восточной Европе. В 1968 г. Институт славяноведения был преобразован в Институт славяноведения и балканистики, включив в сферу своих научных интересов Албанию, Венгрию, Румынию, Грецию, Кипр и некоторые другие страны. Это привело к существенному расширению исследовательской проблематики при сохранении основных направлений деятельности Института. В рамках сравнительных и комплексных исследований, которые обеспечивались междисциплинарным характером самого Института, велись разработки проблем национального возрождения и формирования наций, национальных языков и литератур, международных отношений в регионе и т.д. [15. С. 19–21; 19. С. 42–45].

Институт осуществлял тесные научные контакты с другими институтами Академии наук, с учреждениями Академий наук Украины и Белоруссии, проводя совместные конференции и участвуя в межинститутских изданиях. Будучи координационным центром в области славянских исследований в масштабах всей страны, Институт проводил совещания славистов (1961, 1987 гг.), на которых подводились итоги и намечались направления дальнейшего развития славяноведения [19. С. 40–41, 49–50].

В 1970–1980-е годы значительно расширились связи с Академиями наук зарубежных славянских стран, с зарубежными коллегами и научными учреждениями славистического профиля, увеличилось количество двусторонних и многосторонних проектов и совместных изданий (в том числе публикаций документов и сборников статей по актуальным проблемам межславянских связей и отношений). Сотрудники Института, наряду с представителями других академических и неакадемических учреждений, принимали участие во всех международных съездах славистов, начиная с послевоенного времени [19. С. 45–47, 51].

Важным видом деятельности Института была и остается подготовка высококвалифицированных славистов через аспирантуру и докторантуру.

Со второй половины 1980-х – начала 1990-х годов начался качественно новый этап в академическом славяноведении. В связи с общественно-политическими изменениями, произошедшими в стране, с распадом СССР и социалистического лагеря, складыванием новой геополитической ситуации произошло уточнение направлений и объектов исследования. В этот период, с одной стороны, шли процессы расширения документальной базы славяноведения за счет рассекреченных архивных материалов, пересмотр устаревших взглядов, обращение к замалчиваемым прежде фактам, совершенствование методики научной работы, ставились новые проблемы (тоталитаризм, посттоталитарное развитие бывших социалистических стран, наука и культура российского зарубежья и т.п.). С другой стороны, резко сократилось международное сотрудничество, уменьшился обмен научной литературой, что сужает информационную и источниковую базу исследований. Материальные трудности Института, связанные с общим финансовым положением страны, негативно сказываются на состоянии академического славяноведения [15. С. 23–26; 19. С. 48–49, 51–52, 54–55, 60].

Однако, несмотря на существующие объективные сложности, Институт в последние годы переосмыслил свои научные задачи и включил в сферу своей компетенции

восточное славянство в качестве объекта изучения. Это дает еще большие возможности для комплексных разработок по общеславянской проблематике, для создания "интегральной модели" славяноведения [15. С. 25; 19. С. 52–53].

Актуальность славяноведческих исследований в наше время возрастает. Сосредоточение усилий исследователей на славянской проблематике позволило еще раз уточнить профиль Института (который с 1998 г. вернул себе изначальное название).

За полвека Институт внес весомый вклад в отечественное и мировое славяноведение. Список изданий Института превышает тысячу наименований. Будучи посредником в обмене научными достижениями и в культурном сближении со славянскими странами и другими странами, где ведется изучение славянских народов, Институт активно берется за решение новых задач, которые ставит перед наукой современная историческая реальность. Являясь необходимым звеном в сети гуманитарных организаций Российской Академии наук, Институт остается уникальным авторитетным ведущим академическим центром славяноведения.

В системе Академии наук существовали и существуют другие институты, которые в силу своей специфики более пристально изучают определенные стороны жизни славянских стран (в том числе экономические, социальные, политические проблемы, некоторые области этнологии, искусства и т.д.) в контексте региональных, блоковых, европейских или мировых процессов.

За 275 лет, прошедших с момента учреждения в России Академии наук, в изучении славянства произошли громадные сдвиги. Именно с деятельностью Академии наук в XVIII в. связано зарождение научного славяноведения, которое в XIX в. утвердилось как самостоятельная отрасль знания. Специализация в этой области привела во второй половине XIX ст. к выделению ряда научных дисциплин, занимавшихся разработкой славянской проблематики. Стал заметно усиливаться исторический компонент славяноведения, который в первой трети XX в. занял преобладающее положение. В XX в. наряду со страноведческими, монодисциплинарными работами начали шире осуществляться сравнительно-исторические, междисциплинарные, синтетические исследования. Возобладал комплексный подход к славистическим разработкам. Академическое славяноведение, сталкиваясь с трудностями различного характера, проделало огромный научно-творческий путь. Славистические подразделения Академии всегда занимали важное место в отечественном славяноведении, особенно в области фундаментальных исследований (тесно сотрудничая в то же время с университетской славистикой).

Перспективы развития комплекса наук о славянах позволяют надеяться, что высокий уровень научного изучения славянских народов в Российской Академии наук будет поддержан и в дальнейшем и что Академия наук и впредь сохранит статус признанного мирового лидера в области славяноведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988 (авторы использованных разделов – А.С. Мыльников и Л.П. Лаптева).
2. Дьяков В.А., Мыльников А.С. Об основных этапах истории славяноведения в дореволюционной России // Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М., 1979.
3. Императорская Академия наук. 1889–1914. II: Материалы для истории академических учреждений за 1889–1914 гг. Ч. 1. Пг., 1917.
4. Славяноведение в повременных изданиях за 1900 год. СПб., 1901.
5. Обзорные труды по славяноведению за 1908–1913 гг. / Под ред. В.Н. Бенешевича. СПб.; Пг., 1909–1918. Т. 1–7.
6. Академия наук Союза Советских Социалистических Республик. Ее задачи, разделение и состав. Л., 1925.

7. *Брачев В.С.* Укрощение строптивой, или как АН СССР учили послушанию // Вестник Академии наук СССР. 1990. № 4.
8. *Робинсон М.А.* Государственная политика в сфере науки и отечественное славяноведение 20-х годов // Исследования по историографии стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1991.
9. Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1993. Вып. 1.
10. *Горяинов А.Н.* Славяноведы – жертвы репрессий 1920–1940-х годов. Некоторые неизвестные страницы из истории советской науки // Советское славяноведение. 1990. № 2.
11. *Логачев К.И.* Первый этап развития советского славяноведения (славянистические учреждения Академии наук в 1917–1934 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979.
12. *Ашин Ф.Д., Алпатов В.М.* "Дело славистов": 30-е годы. М., 1994.
13. *Аксенова Е.П.* Из истории советской славистики в 1930-е годы // Советское славяноведение. 1991. № 5.
14. *Аксенова Е.П.* Академическое славяноведение в предвоенный период (Документальные этюды из истории славяноведения в конце 1930-х – начале 1940-х годов) // Славистика СССР и русского зарубежья 20–40-х годов XX века. М., 1992.
15. *Волков В.К.* Российское славяноведение: вчера, сегодня, завтра (К 50-летию Института славяноведения и балканистики РАН) // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996.
16. *Аксенова Е.П.* Славянская идея и советское славяноведение перед второй мировой войной // Славянская идея: история и современность. М., 1998.
17. *Аксенова Е.П., Васильев М.А.* Проблемы этногонии славянства и его ветвей в академических дискуссиях рубежа 1930–1940-х годов // Славяноведение. 1993. № 2.
18. *Досталь М.Ю.* Славянская комиссия Академии наук СССР (1942–1946) // Славянский альманах. 1996. М., 1997.
19. *Аксенова Е.П.* Институт славяноведения и балканистики РАН за 50 лет (1947–1997). Краткий исторический очерк // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996.

**ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА БОЛГАРИИ КАК
ЭТАП РАЗВИТИЯ БОЛГАРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ:
МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ**

22 сентября 1908 г. в старопрестольном городе Велико Тырново в церкви Святых сорока мучеников была провозглашена независимость страны, получившей название "Царство Болгария".

После длительных и трудных переговоров между Софией и Стамбулом (при активнейшем дипломатическом и финансовом посредничестве Петербурга) этот акт в апреле 1909 г. был признан Турцией, а затем и всеми великими державами, первой среди которых была Россия.

События, поставившие "европейский концерт" (Россия, Германия, Австро-Венгрия, Франция, Великобритания, Италия) перед необходимостью признания нарушения Берлинского трактата 1878 г., означали, что период борьбы болгар за воссоздание полноценной национальной государственности, который начался с появления на карте Балкан политической автономии – Княжества Болгария, одного из важнейших итогов победы России в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. – успешно завершился спустя 30 лет.

90-летию провозглашения независимости Болгарии была посвящена научная конференция "Провозглашение суверенитета Болгарии как этап развития болгарской государственности", проходившая в Институте славяноведения РАН 3 ноября 1998 г. В ее работе приняли участие ученые ряда других институтов РАН – специалисты в области балканистики.

Конференцию приветствовал председатель российской части комиссии историков России и Болгарии академик Г.Г. Литаврин. Открыл работу конференции директор Института славяноведения РАН д-р ист. наук, профессор В.К. Волков. Он остановился на значимости этого события в истории Болгарии. В.К. Волков особо заострил внимание на стартовом, определяющем этапе воссоздания болгарской национальной государственности, каковыми явились русско-турецкая война 1877–1878 гг. и ее итоги, отраженные в Сан-Стефанском прелиминарном мирном договоре от 3 марта 1878 г., куда вошли позиции об образовании Княжества Болгария в варианте политической автономии, и очертил дальнейший сложный путь страны к достижению национальной независимости.

В работе конференции участвовали академик РАЕН В.И. Шеремет, доктора ист. наук З.П. Яхимович, Ар.А. Улуян, В.М. Хевролина, В.И. Косик, Р.П. Гришина, Т.В. Волокитина, кандидаты ист. наук А.В. Карасев, Е.Л. Валева, Ю.Ф. Зудинов, Г.Д. Шкундин, ст. научн. сотрудник Л.Я. Гибианский, научн. сотрудник Т.Ф. Мавецкая.

ВОЙНА И МИР НА БАЛКАНАХ 1870-х ГОДОВ В СОВРЕМЕННОЙ ТУРЕЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Изучение роли, места и характера силового воздействия Высокой Порты на ситуацию на Балканах в 1870-х годах, а также политической значимости тех событий в ближайшей и отдаленной перспективе для одного из главных участников борьбы на Балканах и вне их оставалось всегда довольно жестко очерченным. Признаётся, что Османская империя медленно, но верно рушилась, из-под ее обломков живо пробиравалось энергичное, давно заслужившее право на государственное возрождение "молодое балканское племя". Далее этой бесспорной, но неоправданно усеченной позиции не выходили ни отечественные, ни зарубежные ориенталисты [1].

Между тем новая парадигма оценок Балкан в османской (до 1923 г.) и затем турецкой историографии сложилась к исходу 1990-х годов под влиянием ряда новых факторов. Во-первых, мощного экономического и традиционного (во многом социокультурного) прорыва Турции наших дней на Юго-Восток Европы. Этот "прорыв" в современной турецкой историографии все чаще заменяется ностальгическим термином "возвращение на Балканы". Во-вторых, ввода в оборот и нового осмысления многих полузабытых документов и событий османского имперского прошлого в связи с признанием мировым сообществом цивилизационной значимости 700-летия непрерывности османской государственности (1299–1999). Еще раз напомним себе, что Османская империя во многом и сложилась, и рухнула под мощным влиянием балканского фактора [2].

Понимание османами проблемы "война – мир" в отношениях Высокой Порты и ее балканской периферии начало реально складываться под влиянием Первого Сербского восстания. Идея "Ичкова мира" в отношениях с de facto признанными партнерами по переговорам – бывшими подданными (сербскими повстанцами) – не утвердилась, но неоднократно возникала как прецедент при обсуждениях перспектив решения проблем Румелии (земель, включавших главным образом Болгарию или Дунайский вилайет, в зависимости от периода).

Первую теоретическую разработку отношения османского центра власти к балканской периферии, которая неизбежно будет потеряна под давлением изнутри ("восстания – революции") и извне ("влияние великих держав"), представил в 1828–1829 гг. видный улем и "муж пера" Молла Кечиджи-заде, отец и воспитатель видного реформатора и личного друга А.М. Горчакова Фуад-паши. В 1829 г. была обсуждена в султанском Диване и вошла в придворную официальную историографию идея о необходимости при невозможности сохранить владения на Балканах уйти оттуда так, чтобы со временем восстановить там свое влияние [3].

Эпоха реформ "Танзимата" (1839–1878) – одна из двух-трех непреходящих тем турецкой историографии. В 1990-е годы в исследовательском пакете – "реформы, революции, вторжение держав" (все в рамках танзиматских актов) – возникли новые аспекты. Экстрактно "новации" сводятся к следующим положениям:

1. Балканская периферия после 1856 г., особенно Болгария, якобы получила от Порты все необходимые свободы и условия для саморазвития, а "взрыв" 1870-х годов, война 1877–1878 гг. и Освобождение суть неоправданные логикой "заботливого управления", неожиданные и привнесенные извне деяния незрелых горячих умов, не осознавших "благодати" развития Болгарии в условиях "Танзимата".

2. Идея ответственности Англии за кризис 1870-х годов звучала еще в исторических и публицистических трудах XIX в. – Али Суави, Намык Кемаль и др.; десятилетиями всю вину за отрыв Болгарии от "османской родины" возлагали на царскую

Россию. С середины 1990-х годов "русский фактор" минимизировался до величины, скупо упоминаемой, и оказался замещен размышлениями об общей борьбе за геополитические доминанты – Дунай, Западное Причерноморье, Македония, близость Черноморских проливов.

3. Балканские земли (конкретно – Болгария) трактовались не как безнадежно потерянные в проигранных войнах, а как временно утраченные части общей Родины, единой для христиан и мусульман – подданных Османского Дома.

4. Логично и быстро укоренилась пропагандистски заостренная идея плохо организованной в 1870-х годах защиты от иноверцев мусульманского населения Болгарии, воспринимаемой как последний рубеж османской (мусульманской) цивилизации в Европе; при этом вина за это возлагалась на султанское правительство, которое рухнуло по заслугам, но уроки из его действий следует извлекать с учетом боснийских, косовских и т.п. событий (составлено по [4]).

Проблема "уроков" потери Болгарии в 1877–1878 гг. в работах последних лет рассматривается с двух основных позиций: необходимость мирного возвращения Турции в Юго-Восточную Европу и необходимость предваряющей его высокой степени эффективности модернизации в политике, экономике, идеологии, в результате чего можно рассчитывать на реальные и долговременные перспективы реанимации турецкого влияния в бывшем едином османском обществе – ныне независимых государствах Юго-Восточной Европы.

В первом случае, с опорой на исторический опыт, делается акцент на сугубо несиловые, экономические паритетные меры и проекты с целью забыть об османском "центре силы" и заставить поверить в "культурно-экономическое турецко-балканское притяжение" (муслируется "светлый образ Мидхат-паши", "Танзимата", признания автокефальности церковей и т.д.). При этом жестко критикуется неповоротливость, подозрительность, коррумпированность абдул-хамидовского режима (особенно в "генеральском" звене).

Мой личный опыт в выступлениях в связи с широко отмечавшейся годовщиной – 75-летием Турецкой республики (1998) на турецком радио и телевидении, в обширных контактах с научной турецкой общественностью и знакомство с публикациями свидетельствуют о том, что в рамках указанного направления (в книгах, печати) очевидна тенденция к сравнительно большей, чем в 70–80-х годах, взвешенности оценок прошлого (в частности, событий 1870-х годов и следующих лет); приоритет имеют взгляды историков, призывающих видеть в Болгарии и других балканских странах компетентных партнеров долгосрочных проектов в интересах регионального защищенного сотрудничества.

Важно оценить и другую обозначенную позицию. Весьма активно анализируются события военного характера, предшествовавшие войне 1877–1878 гг., и затем внутривосточные столкновения (например, сербо-болгарский конфликт 1886 г.) с целью выбора стратегического партнера.

Деятельно обсуждаются в историографии уроки османского парламентаризма. Как пример цивилизационно значимого уровня приводится полузабытый закон от 28 октября 1876 г. о порядке выбора депутатов в меджлис, который действовал вплоть до 1939 г. (!) и учитывал интересы христиан и мусульман. Следует отметить, что проблема "вины" за события 1870-х годов в ряде работ корреспондируется с преемственностью и ответственностью мидхатовского парламента, не уберегшего империю от сокрушительной войны, и со сбалансированной умеренностью республиканского парламента, недопустивший прямого участия Турции во второй мировой войне. Детально исследуются даже мелкие заговоры и путчи периода 70-х годов XIX в. в османской администрации и армии как элементы общей нестабильности Османской империи, которые, словно вирус, поражали и молодую администрацию, и армию обретшей самостоятельность Болгарской земли.

Таковы лишь самые общие историографические и историко-публицистические впечатления османиста и балканиста относительно того нарастающего потока

оценок, исследований и публикаций, которые складываются в Турции конца 1990-х годов вокруг проблемы "Османская империя и освободительные движения на Балканах".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Моисеев П.П., Петросян Ю.А.* Экономическое и политическое положение Османской империи в 70-х годах XIX в. // 100 лет Освобождения балканских народов от османского ига. М., 1978. С. 155–166; *Иванова И.И.* Балканская политика Турции // Турция. Современные проблемы. М., 1996. С. 114–132; *Aspects of the Eastern Question.* Sofia, 1986. P. 53–82.
2. *Шеремет В.И.* Империя в огне. Сто лет войн и реформ Блистательной Порты на Балканах и Ближнем Востоке. М., 1994. С. 16–26, 488–492; *Мейер М.С.* Из истории российско-турецких политических и культурных отношений: смена этапов и принципов // Цивилизации и культуры. М., 1996. Вып. 3. С. 260–280.
3. *Sheremet V.* The Greek Revolution of 1821: A New Look at old Problems // *Modern Greek Studies Yearbook.* Thessaloniki, 1992. Vol. 8. P. 41–54.
4. *Saray M.* Yeni Türk Cumhuriyeti tarihi. Ankara, 1996; *Günümüzde Avrasya.* Ankara, 1998; *Nadas M.* Türk dünyasında Türk kutlu, Truvalılar ve Türkler. İstanbul, 1995; *Kopruman K.* Tarin. Ankara, 1998; *Türk ve Dünya unlueri Ansiklopedesi.* İstanbul. 1983–1998. Cilt I–IV; *Milliyet.* 1996–1998; *Cumhuriyet.* 1996–1998; *Turkey.* Office of the Prime Minister. Directorate General of Press and Information. Ankara, 1994–1997.

© 2000 г. З.П. ЯХИМОВИЧ, д-р ист. наук

БОСНИЙСКИЙ КРИЗИС 1908–1909 ГОДОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКИХ И ИТАЛЬЯНСКИХ АРХИВОВ)

Провозглашение независимости Болгарии 22 сентября 1908 г. произошло в контексте резкого обострения ближневосточного кризиса и усилившейся борьбы великих держав за сферы влияния на Балканах, в Восточном Средиземноморье и в Малой Азии. Судьба Болгарии теснейшим образом переплеталась с проблемами югославизма и территориальными и династическими притязаниями балканских государств-монархий, с перспективами реформирования Османской империи, с сохранением "концерта" великих держав по балканским и ближневосточным вопросам в обстановке усиливавшегося противостояния в Европе двух военно-политических блоков.

Многие аспекты ближневосточного и боснийского кризисов, ускоривших движение к первой мировой войне, получили глубокое освещение в целом ряде исследований отечественных и зарубежных историков. Задача данной работы состоит в раскрытии малоизвестных страниц истории боснийского кризиса на основании материалов итальянских и российских архивов, показе особенностей позиций России и Италии в преддверии этого кризиса, его ходе, а также после его завершения. При этом необходим учет того, что обе державы располагали информацией о готовившейся Австро-Венгрией аннексии Боснии и Герцеговины, а также других ее шагах, направленных на укрепление (при поддержке Германии) собственных позиций на Балканах, пытались противодействовать односторонним мерам монархии Габсбургов, добивались в связи с

таким поворотом событий встречных компенсаций, апеллировали к европейским державам с целью сохранения их сотрудничества в столь взрывоопасном регионе. Такой ракурс освещения боснийского кризиса позволяет глубже раскрыть особенности отношений России и Италии, как впрочем, и других держав, прежде всего Австро-Венгрии, к проблемам независимости Болгарии.

Прологом к серьезным потрясениям на Балканах и Ближнем Востоке послужила известная речь министра иностранных дел Австро-Венгрии А. Эренталя 27 января 1908 г. перед парламентариями Австро-Венгрии, где недвусмысленно было заявлено о программе широкого железнодорожного строительства и других мерах по упрочению позиции империи, за которыми, как известно, последовали младотурецкая революция, поддержка со стороны Австро-Венгрии планов болгарского князя Фердинанда провозгласить себя царем, а Болгарию независимым (от Турции) государством, а также аннексия Боснии и Герцеговины [1; 2].

Ответные меры России и Италии выразились в проекте Дунайско-Адриатической магистрали, как противовеса австрийским железнодорожным проектам, в борьбе за созыв международной конференции по пересмотру ряда положений Берлинского договора 1878 г., в метаниях МИД России и Италии между "условным" признанием аннексии Боснии и Герцеговины и протестами против односторонних шагов Австро-Венгрии, поддержанных Германией, в заключении в 1909 г. в Раккониджи секретного соглашения между Россией и Италией по балканским и средиземноморским вопросам, в активной поддержке в ходе боснийского кризиса усилий Сербии, Черногории и Болгарии по отмене ущемлявших их суверенитет статей Берлинского договора и предостережении болгаро-турецкого конфликта, грозившего принять вооруженные формы [3].

Переписка между А.П. Извольским и Чарыковым, Извольским и российскими послами в Риме: Муравьевым, а после его кончины Долгоруким, а также "свидания" в Децио (визит А.П. Извольского в Рим и его переговоры с министром иностранных дел Италии Т. Титтони в сентябре 1908 г.) и в Раккониджи (официальный визит Николая II и переговоры Извольского и Титтони в 1909 г.) создают впечатляющую картину далеко идущих "горчаковских" замыслов главы МИД России. Они сводились к пересмотру ущемлявших интересы России на Балканах решений Берлинского конгресса, возврату (после крена в сторону дальневосточных проблем на рубеже веков) к активной европейской, балканской и ближневосточной позиции, обеспечению поддержки в этом со стороны Франции и Англии (после заключения англо-русского соглашения в 1907 г.).

Так, в письме Чарыкову Извольский в преддверии аннексии Боснии и Герцеговины признавал, что надеяться на добровольный отказ Австро-Венгрии от оккупированных ею в связи с русско-турецкой войной (1877–1878) территорий нельзя, а Россия, действуя в одиночку, обречена либо на бесплодные протесты, либо на угрозы, чреватые осложнениями. Отсюда появление проекта апелляции ко всем странам-участницам Берлинского конгресса с целью на международной конференции добиваться: отказа Австро-Венгрии от Ново-Пазарского санджака, пересмотра режима черноморских проливов, упрочения независимости Сербии и Черногории и предоставления им территориальных компенсаций, *признания независимости Болгарии от Турции* (курсив мой. – З.Я.), изменения в пользу придунайских стран режима судоходства по Дунаю и других решений (4. Д. 210. Л. 45–46). Он рассчитывал успеть провести зондажи относительно конференции (после встречи с Эренталем в Бухлау) в Италии, Франции, Англии и Германии [4. Д. 204. Л. 11], однако сумел заручиться обещанием поддержки только со стороны Титтони.

В дальнейшем проект такой конференции провалился в результате противодействия Германии и Австро-Венгрии и весьма сдержанного отношения к этой идее правящих кругов Англии и Франции. Последняя именно в период боснийского кризиса вела безуспешные переговоры с Германией по вопросу об урегулировании противоречий из-за Марокко. Решительные возражения П.А. Столыпина и военных кругов

против возможности использования военных мер в связи с боснийским кризисом и ультиматум Германии, выдвинутый в марте 1909 г., вынудили Россию признать факт аннексии Боснии и Герцеговины. Определенной компенсацией за это стала отмена некоторых статей Берлинского договора, ущемлявших суверенитет Сербии и Черногории, и признание младотурецким правительством факта воссоздания Болгарского царства. Последнее было облегчено согласием России рассматривать причитавшиеся ей по Берлинскому договору денежные выплаты со стороны Османской империи как компенсацию за независимость Болгарии [1. С. 668–669].

Со своей стороны итальянская дипломатия в период боснийского кризиса пыталась предстать, с одной стороны, в роли связующего звена между Россией и Австро-Венгрией, а с другой – упрочить свои позиции на Балканах посредством реализации требований полного отказа Габсбургской монархии от Ново-Пазарского санджака, пересмотра ст. 29 Берлинского договора. Вместе с тем Титтони рассчитывал на превращение двусторонних австро-русских договоренностей 1897 г. и 1903 г. по Балканам в трехсторонние, совмещающая курс на "компенсацию" в случае нарушения *status quo* на Балканах с поворотом к курсу на обеспечение "прав национальностей" в случае распада Османской империи [5. Р. 288; 6].

Именно в обстановке наибольшего обострения боснийского кризиса и резкого роста ирредентистских и антиавстрийских выступлений в самой Италии Титтони через Муравьева передал в Петербург проект двустороннего соглашения по Балканам и средиземноморским проблемам, заключенного затем в Раккониджи [5. Р. 212; 7]. Однако в последующем заинтересованность Рима в совместных действиях на Балканах была в значительной степени ослаблена, что стало особенно явным после итало-турецкой войны 1911–1912 гг. из-за Триполи и Киренаики (Ливия) и долгосрочного продления Тройственного союза.

Таким образом, вопрос о провозглашении независимости Болгарии был лишь одним из звеньев в цепи событий, причинно-следственных связей и комплекса проблем, решавшихся на Балканах в преддверии первой мировой войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Хвостов В.М.* История дипломатии. М., 1963. Т. II.
2. *Виноградов К.Б.* Боснийский кризис 1908–1909 гг. М., 1964; *Галкин И.С.* Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции. 1905–1912 гг. М., 1960; *Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985; *Ninčić M.* La crise bosniaque (1908–1909) et les puissances européennes. Paris, 1937. V. I; *Tommasini F.* L'Italia alla vigilia della guerra. La politica estera di Tommaso Tittoni. Bologna, 1941. V. IV.
3. *Яхимович З.П.* Италия и Балканы в 1908–1914 гг. // Балканские исследования. М., 1978. Вып. 3; *Яхимович З.П.* Трудный диалог: возможности и перспективы сотрудничества России и Италии (1902–1909) // Россия и Италия. XX век. М., 1998; *Яхимович З.П.* Русско-итальянские отношения в начале XX в.: К истории "свидания в Раккониджи" // Россия и Италия. М., 1968.
4. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Канцелярия. 1908 г.
5. Archivio Storico del Ministero degli Affari esteri.
6. *Яхимович З.П.* Италия и боснийский кризис 1908–1909 гг. // Внешняя политика России и международные отношения. Курск, 1976.
7. АВПРИ. Ф. Посольство в Риме. 1909. Д. 2038. Л. 30–36.

БАЛКАНЫ В ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛАХ РУССКОЙ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ (НАЧАЛО XX ВЕКА)

Основное внимание военной разведки на протяжении 1908 г. концентрировалось вокруг возможных действий Болгарии, Турции и Австро-Венгрии, что являлось продолжением предшествующих поисков источников опасности для российских позиций на Балканах.

Интерпретация складывавшейся ситуации, как она виделась представителю русской военной разведки в Софии, давалась в виде прогноза: "1) если возникновение осложнений с Турцией приведет к открытию военных действий на Кавказской границе, кажется мне, что одновременное выступление Болгарии на самом опасном для Турции оперативном направлении могло бы иметь для нас чрезвычайное значение; 2) возможно, что и без предварительного соглашения болгарская армия будет мобилизована немедленно после объявления нами войны" [1. Д. 6841. Л. 42].

Уже 21 марта 1908 г., ссылаясь на полученную информацию о возможном плане действий и расчетах наиболее воинственно настроенной части правящих кругов Порты, русская военная разведка писала о подготовке со стороны "военной партии" плана боевых действий против Болгарии, которая еще не закончила перевооружение. В соответствии со сделанными разведкой предположениями, война могла проходить в условиях, когда Россия "еще не оправилась после войны и смуты" и не сможет вмешаться в турецко-болгарский конфликт, и даже более того, она будет ослаблена, так как очередная война вызовет в ней беспорядки и "даже восстания на Кавказе" [1. Д. 1011. Л. 72, 72 об.].

Расчет, который делался в аналитических прогнозах, несмотря на учет различных вариантов действий Порты, свидетельствовал о затруднительности для руководства русской военной разведки на этом этапе смоделировать ситуацию. Летом 1908 г. информация о перспективах действий Турции в отношении России, поступающая от военного агента в Константинополе, постепенно становится более тревожной, и прежнее отрицание угрозы со стороны Порты меняется на уверенность в реальности такой опасности, но не самой по себе, а как последствия ухудшения русско-германских отношений.

Июльские события 1908 г. в Османской империи, ознаменовавшие начало младотурецкой революции, серьезно повлияли на оценки и прогнозы русской военной разведки относительно перспектив места и роли Турции в международных делах. В соотношении с прогнозом военных аналитиков, относящимся к этому периоду, "главным центром, который будет давать направление ходу событий в Турции, относится Европейская Турция, где сосредоточены *лучшие передовые силы государства* (курсив мой. – Ар.У.), там же находится и самый сложный узел – противоречивые интересы различных народностей Балканского полуострова – распутать который окончательно далеко не легкая задача. Однако и Азиатская Турция, по своему обширному и преобладающему количеству мусульманского населения, должна также иметь большое влияние на дальнейший ход событий в Оттоманской империи" [1. Д. 3826. Л. 156 об.].

Провозглашение 22 сентября 1908 г. Болгарией независимости послужило для русских военных агентов предметом специального анализа возможных последствий этого события для всего полуострова в целом. Имея в виду попытки сближения Австро-Венгрии с Грецией и Румынией с целью создания подконтрольного блока государств на Балканах, представители русской военной разведки постарались определить позиции Афин в новой ситуации. По их оценке, "известие о провозглашении

Болгарии независимым королевством вызвало здесь первоначально тревожное настроение и слухи о предстоящей войне Турции с Болгарией, а затем взрыв негодования и тайные пожелания компенсации. Однако политическая обстановка данного момента таковым компенсациям отнюдь не благоприятствует... Провозглашение болгарской независимости, означая собой окончательное присоединение Восточной Румелии, наносит удар обширным замыслам "панэллинизма". То же событие в связи с присоединением Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, как бы указывая на начавшееся расчленение Турции, послужило предлогом к перевороту на о. Крит» [1. Д. 855. Л. 62–62 об.].

Изменяющаяся политическая конфигурация Балканского полуострова и, в частности, попытки отдельных стран региона проводить собственную политику в отношении соседей достаточно серьезно воспринимались в Санкт-Петербурге и прежде всего среди военных, которые видели в складывающейся ситуации перспективу радикального изменения баланса сил в средиземноморско-балканском секторе мировой политики. Аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, предпринятая 24 сентября 1908 г., оказалась столь стремительной как для России, так и для других европейских государств, не говоря о балканских странах, что казавшееся достигнутым ранее на полуострове положение status quo было поставлено под вопрос. Фактически Бухлауские договоренности между Санкт-Петербургом и Венной были нарушены преждевременными и односторонними действиями австро-венгерской стороны, которая стремилась получить максимальную выгоду от нерешительной позиции России. В складывавшейся обстановке поведение тех стран полуострова, которые имели особые отношения с Российской империей, было предметом специальной заботы со стороны дипломатической и разведывательной службы последней. К числу таких государств относилась прежде всего Болгария, связанная с Россией секретным союзным военно-политическим договором.

В момент обострения боснийского кризиса России был необходим союзник в регионе, способный усилить позиции Санкт-Петербурга в непростой ситуации. Русско-болгарский договор оказался достаточно серьезной проблемой. Через десять дней после аннексии Боснии и Герцеговины австро-венгерскими войсками начальник русского Генерального Штаба дал специальную директиву по составлению информационного письма в адрес МИД и председателя Совета Министров относительно складывающейся ситуации. В соответствии с ней предстояло "изложить, что у нас имеется конвенция, обязывающая Болгарию, в случае войны с Тройственным союзом и участия Румынии, действовать сообща". Раздражение военных кругов пассивностью внешнеполитического ведомства России в боснийском кризисе достаточно резко было сформулировано в фразе о том, что "документ этот и обязательство это, как акт политический, исползован не был" [1. Д. 6841. Л. 117].

Стремление Австро-Венгрии усилить свое присутствие на Балканском полуострове и создать там военно-политическую коалицию воспринималось в российских военных кругах крайне настороженно и враждебно, так как цели и задачи подобного объединения имели явно антироссийскую направленность. В этой связи отмечалось, что "при улучшающихся отношениях с Турцией, этот политический документ [русско-болгарский военный договор] нам может принести большую пользу, помочь установить отношения с Болгарией ясные – против нас она или с нами. Есть периоды, когда взаимные отношения должны быть предельно ясны. С точки зрения взаимных интересов, это необходимо и важно" [1. Д. 6841. Л. 117].

Оценка сложившегося положения была представлена по каналам русской военной разведки в ее штаб-квартиру в виде вывода о том, что "князь [Фердинанд I] нарочно не сообщает секрета даже ответственным по службе лицам, с целью иметь связанные руки в делах внешней политики, которую он, как известно, ведет единолично. Свобода действий особенно важна для князя по отношению к Австрии, с которой связывают его самые разнообразные личные интересы, в том числе и имущественные" [1. Д. 6841. Л. 118].

Болгарское направление для русской военной разведки становилось одним из важных на Балканах. В совместно подготовленной военным агентом в Болгарии полковником М. Леонтьевым и русским посланником в этой стране Семетовским-Курило "Записке о значении Болгарии для русской политики в связи с вопросом о заключении с нею военной конвенции", направленной в Главное управление Генерального Штаба (ГУГШ) (факт достаточно редкий и необычный с точки зрения сотрудничества между представителями военного министерства и МИД), давалось определение ситуации, сложившейся на полуострове, и роли отдельных факторов в ее развитии. Главной проблемой политического положения, как это интерпретировалось в информационно-аналитическом материале, стала постановка на повестку дня Восточного вопроса, вступившего "в решительный фазис" [1. Д. 6841. Л. 136]. Позиции и планы внешних и внутривнутрирегиональных сил, а также причинно-следственная связь возможных событий определялись военным агентом и посланником в виде неразрешимого антагонизма, включающего геостратегические и этнические составляющие: "Как бы ни были искренни стремления Европейских кабинетов к разрешению мирным путем возникших осложнений, задача эта может оказаться и недостаточно: скрещивающиеся на Балканах интересы слишком противоположны, а возникшая борьба двух начал – германского империализма с пробудившимся самосознанием славянских элементов задевают в корне взаимоотношения Держав и по самой силе вещей угрожают разрывом" [1. Д. 6841. Л. 136]. В связи с этим выход, предлагавшийся обоими "подписантами", состоял в "заключении возможно широкого военного соглашения с Болгарией, которое в полной мере обеспечивало бы национальные интересы болгарского народа и таким образом в самом себе несло бы залог столь необходимой прочности и жизненности" [1. Д. 6841. Л. 139].

Явное стремление правящих кругов Болгарии, и прежде всего князя Фердинанда, дистанцироваться от России, несмотря на существовавший военно-политический договор, лишь нагнетало подозрительность относительно дальнейших действий Софии на международной арене. Сообщения военной разведки, адресованные в ГУГШ, лишь усиливали подобные опасения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российский Государственный военно-исторический архив. Ф. 2000. Оп. 1.

© 2000 г. Т.Ф. МАКОВЕЦКАЯ, научн. сотр.

ОТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ – К НАЦИОНАЛЬНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ЭТАПЫ ВОССОЗДАНИЯ И РАЗВИТИЯ БОЛГАРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Стартовым рубежом для процесса воссоздания болгарской национальной государственности стали подводившие итоги русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Сан-Стефанский прелиминарный мирный договор между Россией и Турцией от 3 марта 1878 г., а также Берлинский трактат от 13 июля 1878 г., подписанный между "европейским концертом" и Турцией. Оба документа признавали возрождение Болгарского

государства, определяя его статус как княжества "самоуправляющегося и платящего дань" [1. С. 163, 182]. Таким образом, речь шла о форме государственности в минимальном, незавершенном варианте, т.е. о политической автономии, находящейся под сюзеренитетом султана.

Это по сути стало материализацией давней идеи руководства и дипломатии России возродить национальную государственность балканских христиан, которая была актуализирована применительно к Болгарии в период Восточного кризиса 1875–1878 гг. Предложения возродить болгарскую государственность настойчиво адресовались "европейскому концерту" в двух возможных вариантах – независимость (как максимум), политическая автономия (как минимум).

Такой подход стал противовесом позиции Англии и Австро-Венгрии, отстаивавшим сохранение status quo в отношении Османской империи и в качестве альтернативы допускавшим в крайнем случае предоставление Болгарии статуса автономной провинции, т.е. административной автономии, что не соответствовало уровню даже первоначального варианта государственности. Как показала предшествовавшая русско-турецкой войне Константинопольская конференция (декабрь 1876 – январь 1877 гг.), остальные державы "европейского концерта" приняли тогда сторону оппонентов России.

Следует особо отметить, что предложенный Россией подход к проблеме в общем соотносился с широким диапазоном порой достаточно абстрактных, расплывчатых представлений о будущем болгарских земель, особенно активно оформлявшихся в виде различных документов в самой болгарской среде в период Восточного кризиса 1875–1878 гг.

Разница в видении будущего Болгарии, продемонстрированная Россией и ее основными конкурентами на Балканах, была обусловлена ужесточившимся противостоянием между ними и во всей полноте давала о себе знать при решении вопроса о территории княжества. Сан-Стефанский договор определял ее в уже очерченных Константинопольской конференцией границах "Восточной" и "Западной" Болгарии, с некоторой коррекцией в сторону увеличения. В соответствии же с Берлинским трактатом, от сан-стефанской Болгарии отторгался ряд районов со значительным болгарским населением. Вновь признавались составляющей Османской империи Македония, часть Восточной и Западной Фракии. Южная же Болгария под названием "Восточная Румелия" получала статус *области* (курсив мой. – Т.М.) империи с административной автономией. Румынии передавалась Северная Добруджа, Сербии – районы Ниша и Пирота. Факт обозначения границ, а затем их серьезной ревизии стал знаковым для болгарской государственности, сказавшись на будущем Балканского региона в целом.

Общие контуры государственного устройства Болгарии определялись Россией в Сан-Стефанском договоре явно с учетом модели, утвердившейся к тому времени на Балканах. Она получила окончательное закрепление в Берлинском трактате. Обοими документами предусматривалось, что княжество будет управляться в соответствии с специальным Уставом, разработанным представителями местного населения. Таким образом, Болгария возрождалась в варианте конституционной монархии. Однако в Берлинский трактат было внесено еще одно весьма важное положение, которое должно было повлиять на ход будущего государственного строительства и определявшее "основу государственного права Болгарии". Суть этой основы была выражена в духе устоявшихся европейских правовых норм и сводилась к тому, что *уравненному в политическом и гражданском отношении населению гарантировалась свобода вероисповедания* (курсив мой. – Т.М.) [1. С. 184, 185].

Характер и степень зависимости княжества от Османской империи в окончательном варианте определялись главным образом статьями VIII и IX Берлинского трактата, которые распространяли на Болгарию все, в том числе и дискриминационные, договоры и соглашения Турции с другими государствами, оставляя за последними право на их изменение в одностороннем порядке. Болгария попадала в

сферу действия сохранявшегося в отношении Турции режима капитуляций, а также лишалась возможности взимать пошлины с товаров, транзитом следующих через ее территорию, на нее налагалось обязательство выплачивать ежегодную дань Высокой Порте в размере "средней доходности Княжества", а также "нести на себе часть государственного долга империи" [1. С. 186].

Совершенно очевидно, что исполнение таких предписаний сделало бы весьма проблематичным воссоздание полноценной национальной государственности в ее социально-экономическом и политическом выражении, и потому поиск возможностей обойти дискриминационные постановления Берлинского конгресса приобретал для Болгарии судьбоносное значение.

Для вступления княжества в "полное пользование своей автономией" статьей VII Берлинского трактата предусматривалось в качестве обязательного условия принятие Устава, а также избрание и "водворение князя" [1. С. 185].

Княжество перешагнуло этот рубеж в 1879 г., когда "Собрание нотаблей" 16 апреля приняло Устав, получивший название Тырновская конституция, а на следующий день на болгарский престол в результате компромисса между великими державами под именем Александра I был избран немецкий князь Александр Баттенбергский.

Борьба за национальный суверенитет началась уже с принятием Конституции, в которой отсутствовало упоминание о вассалитете, узаконивалась национальная символика – герб, печать и флаг, а князь объявлялся "верховным представителем и главой государства" [2. С. 3–5].

К этому времени вместо предусмотренной Берлинским трактатом "народной милиции" княжество располагало созданным в соответствии с предписаниями Сан-Стефанского договора и при помощи русского временного управления Земским войском – по сути собственной армией, положения о которой уже вошли в Конституцию в виде позиций о национальных вооруженных силах, их верховном главнокомандующем в лице князя, введении всеобщей воинской повинности, учреждении военного министерства [2. С. 3, 9, 21].

Процесс наполнения болгарской государственности конкретным содержанием – его можно назвать обретением страной своего лица – интенсивно развивался уже в 1879 г. На первых порах он заключался главным образом в формировании различного рода институтов власти и управления, а также институтов, охватывавших основные сферы жизнедеятельности общества, которое вступало в стадию становления и самопознания и представляло страну мелкокрестьянского земледелия и производства, с мучительно формировавшимся внутренним рынком, проходившую стадию первоначального накопления капитала и, соответственно, весьма слабо дифференцированную в социально-экономическом и политическом отношении.

Сужение границ княжества и отторжение от него экономически более развитой, значительной по площади и населенной преимущественно болгарами Восточной Румелии, введение промежуточных таможенных барьеров выстраивали достаточно сомнительную экономическую и не вселявшую оптимизма этническую перспективу и уже с этой точки зрения делали проблему воссоединения с утраченными территориями чрезвычайно актуальной.

Неприятие болгарским населением дискриминационных постановлений Берлинского конгресса выливалось в повсеместную борьбу за решение (в тогдашней формулировке) "общенародного вопроса". Вполне естественно, что наиболее организованные формы движения за воссоединение с княжеством уже в 1880 г. приняло в пользовавшейся хотя и ограниченной (административной) автономией Восточной Румелии, где для подготовки акции был учрежден Центральный комитет.

Зондажи князя Александра I в европейских столицах выявили, что внешний фактор действовал не в пользу болгар, да и внутри княжества часть политических сил не хотела осложнений с Россией, считавшей воссоединение Северной и Южной Болгарии несвоевременным, хотя в перспективе проблема воссоздания сан-стефанской

Болгарии не утратила для России своего значения. Не исключала подобного развития событий и Австро-Венгрия, видя в нем прежде всего прецедент нарушения Берлинского договора, открывавший перед ней путь к аннексии Боснии и Герцеговины. Именно поэтому в протоколе, прилагавшемся к австро-русскому договору от 1881 г., оговаривалось, что стороны не будут препятствовать возможному объединению двух частей Болгарии. Для Англии допустимость такого развития событий ставилась в зависимость от искоренения влияния России в Болгарии.

Последовавшие кризисные события 1881–1883 г. в самом княжестве, связанные со сложностью адаптации к местным условиям Тырновской Конституции, по степени демократизма отдельных своих положений даже превосходившей европейские аналоги, снимали с повестки дня вопрос о воссоединении, который вновь актуализировался лишь после разрешения ситуации. Однако к этому времени в Петербурге, воспринимавшем князя Александра как основной политический фактор в Болгарии, постепенно укреплялось мнение о нем как о противнике русского влияния. Попытки князя выяснить общее мнение "европейского концерта" по поводу планировавшегося воссоединения не вселяли оптимизма. Не могли быть приведены к общему знаменателю однозначный негативизм России, колебания и неопределенность в позиции Австро-Венгрии, замаскированное антирусская направленность установок Англии.

В то же время движение болгар за воссоединение набирало свою силу. В феврале 1885 г. в Пловдиве был создан Болгарский тайный центральный революционный комитет (БТЦРК), постепенно выделивший вопрос о воссоединении Южной и Северной Болгарии как наиболее реальную и конкретную задачу и отводивший особую роль князю Александру, под скипетром которого и при помощи возглавляемой им армии планировалось осуществить эту акцию. Однако активная агитация в пользу воссоединения значительно ускорила события, ограничив состав их участников исключительно местными силами. В ночь с 5 на 6 сентября повстанческие дружины вступили в Пловдив, отряды милиции окружили резиденцию генерал-губернатора и объявили о прекращении его полномочий, а также о воссоединении Восточной Румелии с Болгарским княжеством.

8 сентября, уведомленный о событиях князь Александр издал манифест, которым объявлял *об объединении Восточной Румелии с Княжеством Болгарии в одно государство*, а себя – *главой этого государства* (курсив мой. – Т.М.) [3. С. 426].

"Европейский концерт" был поставлен перед свершившимся фактом. Подписанный его представителями и Турцией 5 апреля 1886 г. Топханейский акт не узаконил имевшее место прямое нарушение Берлинского трактата, сохранив за Восточной Румелией статус *провинции Османской империи* (курсив мой. – Т.М.) с подтверждением всех ее прежних обязательств в отношении последней [4. С. 268, 269]. Несогласованность позиций внутри самого "европейского концерта" бесспорно сказалась на его решениях: не признавая формально воссоединение, державы косвенно оставляли ему возможность закрепиться, подталкивая тем самым княжество к продолжению линии "на создание прецедентов" в борьбе за достижение полноценного национального суверенитета. Управление Восточной Румелией передавалось болгарскому князю, который с согласия держав-гарантов назначался Портой генерал-губернатором сроком на пять лет. И более того, сообразовываясь с новыми реалиями, державы включили в документ позицию о необходимости пересмотра основных нормативных актов Восточной Румелии и приспособления их к "новому положению" [4. С. 269].

Такая установка стала для княжества ключевой. Она была интерпретирована весьма утилитарно и реализована очень быстро через распространение на Восточную Румелию действия Тырновской Конституции и всей законодательной системы княжества в целом. Это *de facto* сливало воедино территории, объединенные действием единого государственного механизма.

Таким образом, завершился первый этап воссоздания полноценной национальной государственности, правомерно связанный с именем болгарского князя Александра I,

чья судьба была трагичной. Над ним довлело роковое стечение обстоятельств. Главным образом, не сложившиеся отношения с российским высшим эшелонам власти стоили Александру Баттенбергскому трона, от которого он отрекся в августе 1886 г., всего лишь через несколько месяцев после подписания Топханейского акта.

Сами по себе факты отречения Александра I и занятия болгарского престола Фердинандом-Саксен-Кобург-Готским, в течение девяти лет остававшимся непризнанным великими державами и Турцией, означали наличие элементов кризисности в состоянии возрождавшейся государственности, поскольку в варианте политической автономии роль монарха в Болгарии была стержневой. Наличие института главы государства (в данном случае – князя) являлось важнейшим разграничительным признаком между автономными административной (государственной не являвшейся) и политической. И в конкретной, судьбоносной ситуации – борьбы за национальный суверенитет – монарх не мог не быть консолидирующим началом. Именно поэтому в первые годы вживания Фердинанда в болгарскую действительность так возросла по сути подстраховочная роль премьер-министра в лице С. Стамболова, располагавшего почти диктаторскими полномочиями и поставившего во главу угла своей правительственной программы позицию: "България за себе си" ("Болгария во имя себя самой").

Помимо необходимости склонить Европу к утверждению князя Фердинанда на престоле, Болгарское государство решало весьма сложную задачу превращения из объекта в субъект международных отношений. Вассальное положение предусматривало контакты Болгарии с другими государствами (исключая соседние) только через Турцию. Однако очень скоро она стала *de facto* освобождаться от этих ограничительных рамок и создавать собственные торговые и дипломатические представительства за границей. К 1904 г. страна уже имела такие представительства во всех крупнейших европейских столицах, а также добилась принятия в ряд международных объединений.

Последовавшее в 1896 г. признание Фердинанда великими державами, а также Турцией еще более укрепило его положение в стране, усилило роль в активно формировавшемся государственно-политическом механизме, который по набору представленных в нем институтов вполне соответствовал параметрам европейской государственности. Это еще более демонстрировало увеличивавшуюся дистанция между вассалом и сюзереном. Иными словами, происходила явная европеизация модели болгарской государственности. Правда, следует особо подчеркнуть, что действие упомянутых институтов должно было распространяться на общество с иным менталитетом и иной политической культурой, формировавшимися на Балканах в период освобождения христианских народов от османского господства и в последующие за ним десятилетия.

В XX век Болгария вступала со значительными достижениями в области экономики, образования и культуры. Она по сути догнала по уровню развития уже ставших независимыми соседей. К тому времени в Болгарии насчитывалось свыше 300 промышленных предприятий, расширилась сеть транспортных коммуникаций, увеличилось число кредитных учреждений, были созданы торгово-промышленные палаты с задачей стимулировать развитие ремесел, промышленности и торговли; сложилась система народного образования, появился ряд институтов, охватывавших сферу культуры. Политический облик болгарского общества выражали девять политических партий [5].

Становилось совершенно очевидным, что за четверть века Болгария совершила колоссальный рывок в своем развитии и превзошла Турцию в социально-экономическом и политическом плане, что отношения между вассалом и сюзереном явно агонизировали, делая скорую развязку неминуемой.

В территориальном плане избранный княжеством путь "создания прецедента" в этот период не мог быть реализован, поскольку Македония и Адрианопольский край попали в зону повышенного внимания со стороны великих держав,

планировавших осуществление там основательных реформ. Реальным представлялось второе направление – изменение государственного статуса, т.е. провозглашение независимости.

Неоднократные попытки княжества выяснить отношение великих держав к такой постановке вопроса воспроизводили ситуацию, в общих чертах аналогичную предшествовавшей воссоединению 1885 г. Более того, великие державы подчеркнуто продолжали признавать зависимое положение княжества, отказавшись при заключении очередных внешнеторговых договоров приостановить действовавший в отношении Болгарии режим капитуляций, и часто давали понять, что ее дипломатические представители не являются посланцами суверенного государства.

Таким образом, Болгарии оставалось лишь ждать подходящей ситуации, которая наступила, когда в 1908 г. вспыхнула младотурецкая революция, а Австро-Венгрия выдвинула на повестку дня вопрос об аннексии Боснии и Герцеговины, т.е. о нарушении Берлинского договора.

22 сентября 1908 г. с провозглашением в Велико Тырново независимости Царства Болгария завершился более длительный и менее динамичный второй этап на пути страны к полному суверенитету.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952.
2. Конституция на Българското княжество. София, 1883.
3. Съединението. 1885. Сборник от документи. 1878–1886. София, 1985.
4. Българската държавност в актове и документи. София, 1981.
5. *Николова В.* Народната партия и буржоазната демокрация. Кабинет на Константин Стоилов (1894–1899). София, 1896. С. 128–129, 136–137, 141–142, 154–165, 170–188.

© 2000 г. В.М. ХЕВРОЛИНА, д-р ист. наук

БОЛГАРСКИЙ ВОПРОС В РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ 80–90-х ГОДОВ XIX ВЕКА

После создания Болгарского княжества болгарский вопрос занимал заметное место в российской общественной мысли. Различные политические группировки трактовали его в зависимости от своих идейных убеждений и понимания задач внешней политики России.

Консервативные круги отводили Болгарии важную роль: она могла стать союзником России в случае нового военного конфликта на Балканах, а после возможного распада Османской империи – и хозяйкой проливов. Считалось, что Болгария должна являться сильным авангардом русской армии и заслоном на пути движения Австро-Венгрии на юг. Поэтому Петербургу было важно сохранить Болгарию в орбите своего влияния и преодолеть антироссийский курс ее правящих кругов.

В российской прессе развернулась дискуссия о путях развития Болгарии – быть ли ей страной западного образца с европейскими политическими институтами или примкнуть к России, став вместе с другими славянскими государствами членом гипотетической славянской федерации под эгидой "старшего барата". В пользу первого

пути выступили либералы – Б.Н. Чичерин, А.Н. Пыпин, В.С. Соловьев, Л.З. Слонимский и др. Они опасались укрепления монархической власти в Болгарии, отрицательно отнеслись к антиконституционному перевороту 1881 г. (который консерваторы приветствовали), утверждали право Болгарии на самостоятельное развитие как европейской либерально-буржуазной страны без "привязки" к России.

Спор о путях развития Болгарии и ее политической ориентации по сути дела вылился в дискуссию о путях развития самой России. Либералам Болгария представлялась тем полигоном, где опробовалась либеральная модель развития самой России, пригодная для нее в будущем. Они соглашались с тем, что европейский путь развития Болгарии приведет к некоторой утрате национальной самобытности (на что в особенности упирали консерваторы), но подчеркивали, что зато славяне приобщатся к европейской политической и духовной культуре, к прогрессу.

Разрыв российско-болгарских отношений в 1886 г. заставил как консерваторов, так и либералов задуматься о причинах провала российской политики в Болгарии. Консерваторы (М.Н. Катков, А.С. Суворин и др.) не видели главных причин отдаления Болгарии от России, таких как неприятие российского самодержавия и методов его политики, воспринимали кризис в отношениях между странами как результат западных интриг, считали, что Болгария, обязанная России своим освобождением, должна вернуться в орбиту влияния последней. Они призывали Петербург к учету в первую очередь российских интересов и решительным действиям, вплоть до оккупации страны. Когда идея оккупации была отвергнута правительством, предлагалось организовать восстание в Болгарии с целью свержения регентов, что явилось бы прямым вмешательством в ее внутренние дела. С течением времени в консервативной среде появились более умеренные идеи. Так, С.С. Татищев в конце 1880-х – начале 1890-х годов, учитывая укрепление в Болгарии власти Кобурга и Стамболова, уже советовал примириться с ними на основе принципа обоюдной пользы: Россия поддерживает сан-стефанские амбиции Болгарии, та же содействует облегчению режима проливов в пользу России.

Либералы всегда выдвигали главным требованием в болгарском вопросе невмешательство во внутренние дела страны. Об этом говорил Б.Н. Чичерин еще в 1878 г. в своей известной записке "Берлинский мир перед русским общественным мнением". В либеральной прессе справедливо утверждалось, что болгарский народ полон чувства собственного достоинства, доказал свою способность построить государство с "европейскими свободными учреждениями", а методы российских чиновников вызывают только неприязнь к России. Либералы предлагали другие пути сближения с Болгарией: С.Н. Южаков, например, говорил о военно-политическом союзе, В.А. Гольцев – об укреплении связей с болгарской интеллигенцией и культурной помощи Болгарии и пр. Болгарские либералы казались русским либералам тем звеном, ухватившись за которое, можно было вытянуть всю цепь. В целом предлагаемые либералами методы расходились с политикой правительства, которое всеми силами добивалось устранения с болгарской политической сцены правителей страны и тем самым еще больше вызывало неприязнь к себе со стороны населения.

Укрепление экономического положения Болгарии в середине 1890-х годов, стабилизация политического положения стали в глазах российских либералов свидетельством того, что ориентация Болгарии на Европу дает хорошие плоды. Но либералы преувеличивали степень европеизации Болгарии и действенность ее политических институтов европейского образца.

Позиции консервативных и либеральных кругов России в болгарском вопросе существенно различались, в основе споров лежали российские проблемы, а именно глобальная проблема "Восток – Запад", решение которой общественная мысль страны пыталась найти на протяжении всего века. На примере Болгарии консерваторы, в особенности славянофилы, и либералы пытались доказать правоту своих представлений, утверждая, один – самобытность развития славянства, которому угрожает Запад, другие – неизбежность и целесообразность европейского пути

развития славян и России. Эта заданность, как нам кажется, не давала возможности представителям обоих лагерей постичь до конца истинный смысл происходивших в Болгарии процессов и объективно их оценить.

© 2000 В.И. КОСИК, д-р ист. наук

ПРИНЦИП ИСТОРИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ И БОЛГАРСКАЯ ИСТОРИЯ

Пожалуй, из всех балканских стран Болгария имеет больше всего страниц в своей истории, которые с удовольствием вычеркнули бы некоторые историки. Речь идет о помощи России болгарскому народу. С точки зрения определенных политиков минувшего и нынешнего века, Россия причинила ему немало вреда. Освободив Болгарию, она тем самым нарушила естественный или, скажем, эволюционный процесс обретения государственности. В определенном смысле с этим можно согласиться, так как рождение Болгарского государства было напрямую связано с войной, т.е. механическим приложением силы. Но, как говорил Гегель, "все действительное разумно, все разумное действительно".

Казалось бы, нет предмета для дискуссии. Однако существующая в болгарской историографии точка зрения о том, что Россия, так сказать, подпортила национальную – даже не историю, а историческую дорогу наследницы Византии, заставляет пытаться заняться своего рода футурологией прошлого.

Представим себе, что Россия не вступилась за своих братьев или, как сказали бы, не сошла для себя выгодным вязываться в драку. В таком случае не было войны 1877–1878 гг. со всеми известными ее результатами.

Можно задаться вопросами: что было бы с Болгарией? Как бы пошел процесс ее развития, возрождения? Все эти вопросы важнейшие. В идеале рисуется картина органичного существования болгарского народа в рамках Турецкой империи и положительного, бескровного решения македонского вопроса в пределах будущего Болгарского царства.

Однако любое теоретическое построение в истории хромает уже только потому, что в нем нет иррационального – это неперемного компонента жизни человеческого общества. Общеизвестно, что история не терпит сослагательного наклонения. И даже если бы не разразилась упомянутая война, она вспыхнула бы спустя какое-то время.

Как известно, в разделе владений Османской империи была заинтересована не только Россия, для которой войны с Турцией стали традицией. Да и дух национальных движений витал над Европой. Шла "балканизация" Балкан. Подобно тому, как в свое время прозвучала фраза Катона о Карфагене, в тогдашней России были в ходу слова о взятии Царьграда (Константинополя). Крест боролся с Полумесяцем.

"Итак, альтернативы войне в исторической перспективе не было. Она оставалась мощным средством борьбы России с Турцией, округления собственных границ за счет последней", – может сказать историк-позитивист. Но можно предположить и другой вариант: война велась ради войны. Это построение выглядит вероломным и нелогичным. Однако, как было сказано выше, жизнь идет вопреки законам формальной логики. Именно войны делали Россию тем мощным государством, каким она оставалась даже после своих поражений. Кровь, пролитая в русско-турецких войнах, скрепляла поколения россиян и славянство в целом гораздо крепче, нежели любовь издалека.

Наконец, можно представить и уже совершенно фантастический вариант развития событий – объединение в той или иной форме двух империй – Российской и Османской. В начале XIX ст. для этого имелись некоторые шансы. Однако Османская империя (выскажем парадоксальную мысль) была слишком слаба с точки зрения России для того, чтобы стать ее надежным союзником. Оптимальный вариант – растаскивание владений султана по кускам просвещенной Европой и натаскивание Стамбула на Россию. Тем не менее в идеале соединение российского и турецкого абсолютизма с их отторжением европейского конституционализма и либерализма могло бы в корне изменить ход мировой истории.

Оставим, однако, несбывшееся минувшему и вернемся в мир бесчувственной политики и чувственных идей.

Второй сюжет связан с политикой России в отношении Болгарии до переворота 1885 г. Время и историки не устают подбрасывать поленья в разоженный освободителями и освобожденными костер, в котором горят сами (заметим, в зависимости от предлагаемой автором концепции; для любой из них материалов, увы, достаточно). И если на страницах трудов российских исследователей внимание читателя акцентируется на "прегрешениях" софийских политиков, то в болгарских работах "камни" летят в русских, виноватых в искривлении курса корабля Княжества, то бишь в плохом управлении освобожденной страной. Что ж, можно представить, что не было русских генералов в правительствах, а политика царских дипломатов отличалась сдержанностью, и они не вторгались в болгарские дела. Избавилась бы в таком случае страна от смут и пены политической борьбы? Изучив тогдашнее время довольно обстоятельно, смею полагать, что нет.

Борьба за реальную власть, посты, право представлять истину в последней инстанции – неперменный атрибут начального этапа любой государственности. Можно возразить, что этот период мог бы быть значительно короче, а восседавший тогда на княжеском престоле Александр I Баттенбергский мог бы сплотить противоборствующих политиков если не монархическим обаянием, то силой своей власти. Да, такая власть была продемонстрирована через приостановку действия Тырновской Конституции. Что в итоге получилось – общеизвестно. В проигрыше оказались все в этом замешанные.

Можно поставить вопрос по-иному: представим, что политическая борьба в Болгарии не выходит за рамки приличий и, соответственно, государственное строительство будущего Третьего Болгарского Царства осуществляется в обстановке политического согласия и терпимости. Возможен ли такой вариант? В принципе – да. Однако существует лишь одно большое "но" – соседи ближние и дальние.

Рассмотрим еще одну альтернативу: движение вместе с Россией. Вероятно, это был бы самый реальный вариант. В сущности, он предполагался обеими сторонами. И в случае его осуществления в выигрыше оказались бы и Россия, и Болгария, и в итоге все славянство. Однако с кем было блокироваться российским политикам? С Д. Цанковым, ради своей власти готовым использовать русские штыки? С Г. Начовичем, делавшим ставку на Германию? С князем – заложником в болгарской политической игре?

Возможно, наилучшим вариантом был бы все же Александр Баттенбергский. Однако русский царь не показал себя способным к союзу с ним, и здесь трудно судить – был ли он прав или совершил ошибку. Сама история правления Александра Баттенбергского содержит в себе немало сюжетов, связанных с унижением князя и прямого предательства по отношению к нему со стороны болгарских политиков. И тем не менее, представляется, что если бы в 1885 г. князь Александр был поддержан русским царем, история Болгарии была бы куда менее драматичной. Более того, сама Россия получила бы дополнительные козыри в своей политической игре на Балканах. Однако личностный фактор – нетерпимость Александра III в отношении Александра Баттенбергского – сыграл свою негативную роль.

В истории русско-болгарских отношений прослеживается еще одна любопытная

тема – трехэлементный блок политического, национально-конфессионального и этнического начал. До определенного времени эта триада в большей или меньшей степени являла собой единое целое. Однако после освобождения Болгарии она стала разваливаться. Для России приоритетным становится политическое начало, для Болгарии – национальное. Это все, конечно, достаточно искусственно и схематично, тем не менее заслуживает внимания один вопрос: можно ли было избежать этого своеобразного раздвоения? В принципе это не исключено при соблюдении нескольких условий, главное из которых – решение македонского вопроса в сан-стефанском варианте. Однако, как известно, у России были связаны руки, да и кровавая торопливость болгар немало вредила делу.

Здесь уместно вспомнить слова Н.К. Леонтьева: "Силу славянства дробило само славянство". Встает вопрос: а в чем же была эта сила? Только и увя, в России, со все большей сдержанностью и холодностью следившей за политическими кульбитами своих освобожденных братьев, хотя некоторые из их действий и планов отнюдь не были безразличны самой России. Можно вспомнить проект создания болгаро-сербской федерации (унии) в 1885 г., реализация которого сулила фантастические результаты. Однако национальное тут брало верх над политическим началом. Стоит вспомнить также и историю торговли С. Стамболовым своей креатурой – князем Фердинандом Кобургским. Если бы сделка с Россией состоялась, то та получила бы все то, к чему стремилась с начала воссоздания Болгарского государства. И вновь возникает вопрос: изменился ли бы ход истории? В магистральном – славянском – направлении, конечно, нет. А в плане конкретики фактов, событий, имен – безусловно да. В таком случае чего же опасалась Россия? Вопрос провокационный. Он требует ответа и на другой вопрос – о предопределенности самой истории. В данном случае можно предложить и неудобную мысль о том, что история – это прежде всего идеи, подразделяемые на исторические и внешнеисторические. И в этом смысле славянская идея принадлежит к последним, определяющим первые. В таком случае самодержавная Россия боялась той конкретики, которая могла бы дискредитировать другую идею – монархическую, на которой жила и она сама. Этот вопрос очень сложен и неясен путь поиска ответа на него.

Конечно, история, это скопище и капище событий, выстраиваемых в определенной последовательности и в сугубо субъективной интерпретации историка, описывающего и анализирующего их. Не стоит забывать ту тривиальную мысль, что прошлое должно изучаться не только на фактах, но и на знании и понимании идей – этого *regretum mobile* истории. В отношении славянства и политики России эта банальность как-то забывается и не берется в расчет при анализе тех же русско-болгарских отношений. Для нас привычной стала мысль об объективно-прогрессивной роли России на православных Балканах и царистской политике в этом регионе и т.д., и т.д. Забывается, как нередко бывает, одно – идеи. Хотя здесь и лежит ключ к объяснению славянской истории, к толкованию политики России в той же Болгарии или Сербии.

К сожалению, случается, что даже в очень хороших исследованиях отсутствует анализ той или иной идеи, а есть лишь политика. Можно возразить, что она представляет собой конкретное преломление той или иной идеи, и это будет абсолютно верным. И хотя у нас проводятся конференции и "круглые столы", еще не удалось прийти к установлению иерархии идей, их анализу. В итоге мы все остаемся в определенном смысле прорицателями и толкователями минувшего, выросшими на почве конкретики, и никак не можем оторваться от земли.

БОЛГАРИЯ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ОКТЯБРЯ 1915 ГОДА

Вступление Болгарии в первую мировую войну на стороне Центрального блока 14 октября 1915 г. и ее нападение на союзную государствам Антанты Сербию повлекли за собой объявление ей войны всеми державами антантовской коалиции. Россия оформила этот акт манифестом императора Николая II от 18 октября. В нем была заклеяна "измена Болгарии славянскому делу" и не совсем правдиво, на наш взгляд, указывалось, что во время переговоров с правительством В. Радославова летом 1915 г. державы Согласия обеспечили "исполнение давних стремлений болгарского народа – присоединение Македонии". Далее говорилось, что "русский народ с тяжким сердцем обнажает против Болгарии меч, предоставляя судьбу изменников славянства справедливой каре Божией" [1].

Бурно реагировала на факт вступления Болгарии в войну российская общественность. По причинам историческим (многовековые контакты русского и болгарского народов, их этническая, культурная, языковая и религиозная близость, роль России в освобождении болгар от турецкого ига и т.д.), это возмущение получило большой резонанс. В России гораздо серьезнее, чем в какой-либо другой стране Согласия, именно эмоционально-психологический фактор в ущерб трезвому расчету влиял на процесс принятия важнейших внешнеполитических решений, связанных с Болгарией.

Эти настроения колоритно обрисовал человек "с другой стороны" – управляющий болгарским консульством в Одессе Д. Янакиев: "Гром среди ясного неба! Болгария вступила в войну против России! Все бранные слова и обвинения на Болгарию до сих пор сыпались за то, что она не пошла спасать Сербию и помогать России, а теперь – о небо! – она осмелилась идти против России... Сейчас уже вся Россия оскаливалась и грозила кулаком Болгарии – частное должно быть принесено в жертву общему. Как это болгары могут иметь свои цели вне славянства? Они должны быть наказаны и будут наказаны. И офицеры, и солдаты уже шли на "болгарский фронт". Такого еще нигде не было, но они были уверены, что он есть, – так им было сказано. А идти воевать на "болгарский фронт" считалось уже геройством, подвигом.

Но еще не все потеряно, – продолжал иронизировать Янакиев, – болгарский народ не послушает свое правительство, не пойдет за ним. Таковы последние сведения из Болгарии – ведь именно это стремились подчеркнуть правительственные коммюнике, которые по своей наивности и бессмысленности не имеют себе равных ни в одном дипломатическом архиве. В Болгарии будет революция – в это верят и об этом говорят даже серьезные люди" [2].

По настоянию французского союзника Николай II приказал Черноморскому флоту бомбардировать Варну и Бургас. С.Д. Сазонов, тогдашний министр иностранных дел России, позднее признался: "Мера эта, совершенно бесполезная, была мне чрезвычайно неприятна. Бомбардирование незащищенных городов, ставшее обычным явлением во время европейской войны, ...казалась мне ничем не оправдываемым проявлением одичания" [3]. Будучи лишь символическим жестом, эти бомбардировки, тем не менее, способствовали тому, что обыкновенные граждане Болгарии ощутили на себе зловещее дыхание войны, которая оказалась отнюдь не символической. Среди населения, ранее настроенного русофильски, постепенно стало нарастать ожесточение против России.

Но французам этого показалось мало. Они "подбросили" идею русского десанта в Варне, способного "подкрепить" Салоникскую экспедицию союзников, начавшуюся 5 октября. Французский премьер А. Бриан 1 ноября заявил послу России А.П. Из-

вольскому, что "по имеющимся у него сведениям, несмотря на факт бомбардировки нами (т.е. российским флотом. – *Г.Ш.*) Варны и Бургаса, в Болгарии распространяется слух, что Россия не противится завладению болгарями Македонии и что лишь появление русских мундиров в рядах союзников положит конец этим интригам и откроет глаза болгарским войскам и населению" [4]. Со своей стороны, посланник в Сербии Г.Н. Трубецкой 26 октября констатировал медленное отступление сербской армии на болгарском фронте и, передавая мольбы сербского правительства о помощи, выразил свое мнение, что "русская высадка могла бы иметь огромное моральное значение, если бы она была произведена скоро, ибо уже начались политические преследования противников войны в Болгарии" [5. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3779. Л. 216]. К счастью, российский военный атташе в Париже полковник А.А. Игнатъев, пользовавшийся там большим авторитетом, сумел убедить французов в неосуществимости десанта в Варне [6].

Тогда же с подачи французов в российской Ставке обсуждался план прохода войск через румынскую территорию в Болгарию. Помимо "наказания" последней, эта акция имела целью еще и вовлечение Румынии в войну на стороне Антанты. Здесь все зависело от позиции румын. Но они отказались присоединиться к союзникам. Более того, 26 октября в румынском Генштабе заявили, что силой воспротивятся попытке русских войск проложить путь в Болгарию [5. Ф. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 537/3. Л. 98; 7; 8]. К этому времени в Бессарабии уже была сосредоточена 7-я армия под командованием генерала Д.Г. Щербачева. Поэтому в Ставке родилась даже мысль о прорыве через Румынию, но была быстро оставлена.

Не имея возможности нанести сильный удар по Болгарии, Ставка занималась изучением вопроса о морально-психологическом воздействии на болгарских солдат. 31 октября Председатель Государственной думы М.В. Родзянко прислал начальнику штаба Ставки генералу М.В. Алексееву копию обращения некоего Арди о необходимости распространения среди болгар в десятках миллионов экземпляров краткого, но сильного воззвания с помощью французских летчиков. "Спешите, спешите, пока не задушена Сербия!" – заканчивал свое обращение Арди. Алексеев на нем наложил резолюцию: "Мысль правильная, хотя на богатые результаты рассчитывать нельзя. Прошу разработать порядок осуществления" [9]. Но хотя Арди призывал спешить, механизм согласования между союзниками набирал обороты медленно. Драгоценное время было упущено, Сербия разгромлена и спасти ее было уже слишком поздно. Мировая война вступила на Балканах в свой новый этап, а российскому военнополитическому руководству оставалось только признать самому себе, что у него слишком короткие руки для того, чтобы "покарать" Болгарию за ее пресловутую "измену"...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русские ведомости. Петроград. 1915. 7(20). X.
2. Народни права. София, 1918. 25 IX.
3. Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 288.
4. Международные отношения в эпоху империализма. М., 1937. Серия III. Т. IX. № 127.
5. Архив внешней политики Российской империи.
6. Дневник МИД за 1915–1916 гг. // Красный архив. М., 1928. Т. 31. № 6.
7. Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3524. Л. 36.
8. Научен архив на Института по история при БАН. Колекция "Les Archives de Ministere des affaires etrangeres. Paris". Europe 1914–1918. Serie A. Carton 369. Dossier 4D. P. 103.
9. Лемке М. 250 дней в царской Ставке. Пг., 1920. С. 156.

БОЛГАРИЯ В ПОСЛЕВОЕННОМ МИРЕ: РАЗМЫШЛЕНИЯ СОВЕТСКИХ ДИПЛОМАТОВ, 1943–1944 ГОДЫ

Рассмотрение планов устройства послевоенного мира, разрабатывавшихся советским политическим руководством, несомненно, стоит в ряду актуальных и все еще малоизученных проблем исторической науки. Оно дает возможность проследить процесс складывания новой системы международных отношений и, в конечном счете, способствует изучению происхождения, этапов и эволюции "холодной войны".

Архивные материалы свидетельствуют, что в Москве судьбы будущего мира обсуждались уже в конце 1941 г., когда немцы стояли на пороге советской столицы. На протяжении 1942–1943 гг., в напряженный момент военного противостояния, в Наркомате иностранных дел СССР создаются специальные комиссии, призванные разработать в общих чертах советскую позицию [1]. Всего комиссий было три: по вопросам перемирия (во главе с К.Е. Ворошиловым), по возмещению ущерба, нанесенного Советскому Союзу гитлеровской Германией и ее союзниками (заместитель наркома иностранных дел И.М. Майский) и по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства (заместитель наркома иностранных дел М.М. Литвинов). Естественно, что все они работали в режиме строгой секретности. В своей деятельности комиссии дополняли друг друга, обменивались материалами и разработками, в которых серьезное внимание обращалось на будущее малых стран, в том числе и Болгарии.

Материалы комиссии Литвинова, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), содержат разнообразные справки, доклады, записки, обзоры и прочие документы по болгарским сюжетам. Условно их можно разделить на несколько групп.

Одну группу составляют довольно объемные так называемые "справки по схеме", подготовленные специально по просьбе комиссии или руководства НКВД. Например, поступивший из Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР блок справок по 16 странам (в том числе и Болгарии) экономического характера [2. Ф. 0512. Оп. 4. П. 32. Д. 324. Л. 1, 71–75]. Однотипные справки содержали информацию о территории страны, ее населении, производстве зерновых, экспорте основных сельскохозяйственных культур, состоянии промышленности, внешней торговли, финансов, развитии транспортной сети, флота и пр. Другой пример такого рода документов – представленный в комиссию IV Европейским отделом НКВД материал по Болгарии с подробным описанием границ, сведениями о населении, его возрастном составе, профессиональной занятости и т.п. [2. Ф. 0512. Оп. 4. П. 13. Д. 38. Л. 1–89]. Следующую группу документов образуют тематические справки или доклады, такие, например, как "Послевоенное устройство на Балканах" (автор В.З. Лебедев), "Болгаро-турецкие разногласия" (автор М.Г. Сергеев), доклад Я.З. Сурица "Балканы и теперешняя война", объемная справка "Югославия" (авторы В. Влахович, Б. Масларич) с большим разделом "Спорные территориальные вопросы с Болгарией, Италией и Австрией" [2. Ф. 0512. Оп. 6. П. 1. Д. 4. Л. 1–42; Оп. 4. П. 12. Д. 15. Л. 1–14; Д. 14. Л. 3–13; П. 29. Д. 272. Л. 1–33].

Хотя к середине 1943 г. Москва определила в целом негативное отношение к проблеме федерирования, во внешнеполитическом ведомстве все же прорабатывались возможные варианты федераций и уточнялись их параметры, прежде всего экономические. В документах комиссии Литвинова фигурируют такие федеративные объединения как Адриатическая, Скандинавская, Дунайская монархическая, Польско-Чехо-

словацкая, Центрально-Восточноевропейская федерации, Северный и Южный Славянские союзы. С участием Болгарии рассматривались три варианта федераций: Дунайская (Австрия, Румыния, Болгария, Венгрия, Югославия), Балканская (Югославия, Румыния, Болгария, Греция) и Федерация стран Центральной и Юго-Восточной Европы (Австрия, Чехословакия, Польша, Венгрия, Румыния, Югославия, Болгария, Греция) [2. Ф. 0512. Оп. 4. П. 12. Д. 20. Л. 1–17].

Но наибольший интерес представляют материалы, в которых рассматривается будущее устройство мира через призму геополитических устремлений великих держав. Значительное место здесь принадлежит Балканам. Документы, отражающие формирование советской позиции в отношении будущего Балкан, отложились также в фонде секретариатов В.М. Молотова, А.Я. Вышинского и других подразделений НКВД СССР.

Осенью 1944 г. М.М. Литвинов завершил разработку концепции европейской безопасности. Она была изложена в обширной записке "О перспективах и возможной базе советско-британского сотрудничества" [2. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 143. Л. 31–88], которая 15 ноября была разослана В. Молотову, И. Сталину, В. Деканозову, С. Лозовскому, Д. Мануильскому, И. Майскому, Я. Сурицу.

Основываясь на идее "равновесия сил", Литвинов обосновал тезис "полюбовного разграничения сфер безопасности в Европе по принципу ближайшего соседства". Литвинов определил сферу интересов СССР (Финляндия, Швеция, Польша, Венгрия, Чехословакия, Румыния, славянские страны Балканского полуострова, Турция) и Англии (Голландия, Бельгия, Франция, Испания, Португалия и Греция). Видимо, для придания большей устойчивости этой системе равновесия в Европе советский дипломат полагал необходимым сформировать третью, "нейтральную", по его определению, сферу. В нее он включил Норвегию, Данию, Германию, Австрию и Италию. С этими странами СССР и Англия должны были сотрудничать на одинаковых основаниях и при взаимных консультациях. Таким образом, Литвинов весьма далек от размышлений на тему двух блоков, двух лагерей, которые появятся позднее.

Деление Европы на сферы безопасности уже предполагало определенную жесткость позиций участников, в том числе и СССР. Не случайно в документе Литвинова нет привязки к вопросам о характере будущих политических режимов в странах, входивших в разные сферы влияния. По логике вещей, перспектива этих стран в данном вопросе определялась нажимом страны-хозяина сферы, вмешательством во внутренние дела. Хотя, как показали последующие события, в Восточной Европе степень нажима и диапазон вмешательства корректировались внутренними факторами, с которыми в разных странах на разных этапах их развития по-разному был вынужден считаться Советский Союз [3].

Вопрос о будущем государственном строе "во вражеских и ныне оккупированных врагом странах" подробно рассмотрел И.М. Майский в записке В.М. Молотову от 10 января 1944 г. [2. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 145. Л. 1–41]. В секретариате А.Я. Вышинского этот документ был зарегистрирован под названием "Мысли о желательных основах будущего мира" [2. Ф. 07. Оп. 9. П. 61. Д. 68. Л. 1–41]. Выступая за "широкую демократию в духе идей Народного фронта" как фактически универсальный принцип государственной организации, Майский предлагал распространять его и там, где для этого, возможно, потребовались бы "различные меры влияния извне" (т.е. со стороны великих держав). Майский четко сформулировал свою позицию: "утверждение" демократии допускает "вмешательство во внутренние дела" названных стран, ибо того требует, по его мнению, конечная цель – гарантировать прочность послевоенного мира.

Пытаясь спрогнозировать взаимоотношения в рамках "большой тройки" в связи с вопросом о демократических режимах в послевоенной Европе, Майский, на наш взгляд, встает на позицию так называемого осторожного оптимизма: "Сотрудничество между СССР, США и Англией окажется возможным, хотя и не всегда легким". Примечательно, что из двух союзников Майский отдает предпочтение

Англии. Логика его рассуждений такова: являясь страной "консервативного империализма" (Англия "думает не о новых завоеваниях, а о сохранении того, что у нее есть"), именно она станет "фактором стабилизирующего порядка". Это неизбежно проявится и в подходах англичан к будущим режимам в Европе. «Иден мне не раз говорил, – отмечает Майский, – что ему рисуется создание... правительств "национального фронта", в состав которых должны входить все крупные прогрессивные партии каждого государства. Конечно, Иден не склонен был толковать понятие "прогрессивных" партий слишком широко, тем не менее он понимает, что ставить ставку на реакционные элементы является плохой и совсем не реалистической политикой».

Общие стратегические установки, формулируемые в записке, конкретизируются ее автором в разделах документа, посвященных вопросам послевоенных границ, положению отдельных стран и регионов Европы. Исходя из задач данной статьи, остановимся на том, как видится Майскому перспектива развития Европы.

«События последних месяцев на Балканах, – пишет Майский, – значительно прояснили ситуацию, и потому в настоящее время можно рассчитывать на то, что пресловутый "балканский вопрос" после этой войны, наконец, будет разрешен или, по крайней мере, поставлен на путь разрешения. Мне представляется, что СССР в отношении Балкан следовало бы стремиться к следующему: а) Румыния после окончания войны должна заключить пакт взаимопомощи на длительный срок с СССР... б) Югославия после окончания войны (а, может, и раньше) в случае укрепления элементов, группирующихся сейчас вокруг Тито, вероятно, также захочет заключить с СССР пакт взаимопомощи на длительный срок. СССР следует пойти навстречу этому желанию демократических сил Югославии. Было бы, однако, нецелесообразно принимать сделанное недавно правительством короля Петра предложение о заключении подобного пакта; в) в Болгарии после ликвидации нынешней правящей верхушки, что станет неизбежным в конце войны, судя по всему также возникнет сильное течение в пользу заключения пакта взаимопомощи с СССР. Нам нужно будет пойти навстречу этому течению; г) вопрос о Греции несколько сложнее. СССР заинтересован в Греции гораздо меньше, чем в других балканских странах, а Англия, наоборот, в Греции чрезвычайно заинтересована. Поэтому в отношении Греции СССР следует соблюдать большую осторожность...» Пакт взаимопомощи с СССР, по мнению Майского, не следовало исключать, но только в случае позитивной реакции Англии. Более вероятным мыслился трехсторонний пакт Греции, СССР и Англии. Здесь учитывался "пример Ирана".

Достаточно определенная программа была прорисована Майским в отношении Турции. Предполагалось, что пакты с Румынией, Югославией и Болгарией позволили бы ослабить позиции Турции как "часового" на Проливах. Задача-максимум в отношении Турции заключалась в недопущении ее усиления и, по возможности, полном отстранении от вмешательства в балканские дела. Додеканезские острова целесообразно было бы передать Греции, что явится признанием героической борьбы греков против Италии и Германии. Одновременно это сняло бы претензии Турции. Решительность Майского при рассмотрении территориальных вопросов не всегда покоится на исчерпывающе-конкретных формулировках. Югославия, пишет он, например, должна быть восстановлена в прежних границах, "если потребуются, с теми или иными частичными модификациями". "Болгария должна вернуть Югославии и Греции аннексированные у них земли, за исключением, может быть, Дедеагача, ибо удержание Болгарией Дедеагача могло бы представлять интерес для СССР в случае заключения советско-болгарского пакта взаимопомощи. Достаточной компенсацией Греции за Дедеагач был бы Додеканез. Вопрос о границе между Болгарией и Румынией должен быть разрешен в соответствии с интересами СССР. Вопрос об Албании и Македонии требует специального рассмотрения. Конечно, при всех территориальных перестройках на Балканах необходимо в основном исходить из национального принципа".

Таким образом, даже беглое рассмотрение заявленной проблемы показывает, что уже в ходе второй мировой войны советская сторона активно разрабатывала проекты будущего устройства Европы и мира. Применительно к Болгарии можно констатировать, что эта страна рассматривалась в одной связке с другими государствами региона Балкан. Включение Болгарии в сферу интересов СССР виделось в Москве бесспорным и отвечало стратегическим планам создания вдоль западных советских границ пояса безопасности¹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Филитов А.М.* В Комиссиях Наркоминдела... // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. К 50-летию Победы. М., 1995.
2. Архив внешней политики РФ.
3. *Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Советский фактор в послевоенной Восточной Европе (1945–1948 гг.) // Советская внешняя политика в годы "холодной войны" 1945–1985 гг. Новое прочтение. М., 1995. С. 69–114.

---

¹ Данное сообщение является частью исследования, поддержанного РГНФ, грант № 99-01-00220.

© 2000 г. Е.И. КАРЕЕВА

АВТОНОМИЯ ВОЕВОДИНЫ – ПОИСК ВОЗМОЖНЫХ РЕШЕНИЙ

Конфликты на Балканах, как показывают события последнего десятилетия, переходят из латентного состояния в активное, сопровождаясь кровавыми междоусобицами, асинхронно чередуются во времени и в пространстве – Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Косово. Потенциальный очаг следующего многонационального противостояния – Воеводина. Тем не менее представляется существенным выявить, каковы в сложившейся ситуации перспективы цивилизованного, мирного решения проблем национальных меньшинств в этой провинции Югославии. Цель данной статьи – выяснить возможности применения проектов региональной автономии и самоуправления в отношении урегулирования положения национальных меньшинств в Воеводине.

С проблемой обеспечения необходимыми правами национальных меньшинств в современном мире сталкиваются многие государства. И в дискуссиях о правах национальных меньшинств на первый план неизбежно выходит противоречие между принципами самоопределения наций и национальных меньшинств и территориальной целостности государства. Поскольку многие меньшинства сегодня выступают на международной арене как "квази-юридические" субъекты и в качестве международных организаций обретают статус субъектов международного права, правительствам необходимо считаться с этим. Успех решения проблем меньшинств зависит сегодня от выработки эффективных правовых инструментов, гарантирующих права меньшинств на государственном уровне, а отнюдь не от силовых акций. Одним из средств, смягчающих вышеуказанные противоречия и гарантирующих охрану прав национальных меньшинств, становятся различные формы "парциального суверинитета" [1. С. 130], в том числе автономизация.

Воеводина СРЮ представляет собой классический пример многонационального региона, в состав которого входят различные этнические, национальные и лингвистические меньшинства, чье совместное проживание насчитывает столетия. Воеводина включает в себя территории: Срема, Хорватско-Славонской провинции Австро-Венгрии вплоть до 1918 г.; Бачки, являвшейся неотъемлемой частью Венгрии до 1920 г.; западной части Баната, принадлежавшей Венгрии на протяжении столетий.

В настоящий момент население Воеводины насчитывает более 2 млн человек, принадлежащих к двадцати шести различным этническим, национальным и лингвистическим группам. В то время как сербы составляют большинство населения провинции (приблизительно 57%), венгры являются самым многочисленным меньшинством (около 17%). По данным переписи 1991 г., остальные меньшинства

распределены следующим образом: хорваты – 3,7%, словаки – 3,2%, черногорцы – 2,2%, румыны – 1,9%, буювичи – 1,1%, русины – 0,9% и украинцы – 0,24% [2].

До 1918 г. Воеводина входила в состав Венгерского королевства, и венгры составляли относительное большинство ее населения. Первые славяне поселились на территории Воеводины еще в VI в., но с конца IX в. Воеводина начинает заселяться венграми и позднее входит в состав Венгерского королевства, вместе с которым оказывается в 1526–1918 гг. под властью Габсбургской монархии. В XVII и XVIII вв. происходила активная эмиграция сербов с территории подвластной Оттоманской империи Сербии в Воеводину. В 1702 г. на территории сегодняшней Воеводины была основана специальная Военная граница под управлением военной администрации. Военная граница подчинялась непосредственно австрийскому правительству, ее основное население составляли привлеченные на военную службу сербы и хорваты.

Во время революции 1848–1849 гг. народная скупщина ряда комитатов Южной Венгрии, заселенных сербами, провозгласила автономию Воеводины, однако венгерское революционное правительство отказалось ее признать. Используя национальные движения южных славян как противовес венгерскому национализму, имперские власти разрешили образование Сербского автономного округа в Воеводине, причем официальным языком округа являлся немецкий, управлялся округ губернатором, назначаемым австрийскими властями. По Соглашению 1867 г. Воеводина стала составляющей венгерской части дуалистической монархии.

В 1918 г. Воеводина вошла в Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. Югославия). В период второй мировой войны, когда Югославия была оккупирована, часть Воеводины (Срем) была включена в состав Хорватского государства, в то время как Бачка отошла к Венгрии. После победы союзников Югославия была провозглашена федеративным государством; Воеводина вошла в состав новой Югославии на правах автономии.

Статус Воеводины (равно как и Косово) как автономии в составе Республики Сербии СФРЮ предоставлял этому региону сравнительно широкую исполнительную и законодательную независимость от республиканской власти в Белграде. Согласно Конституции 1974 г., субъекты СФРЮ получали статус государств, закреплялась самостоятельность республик и краев, сужались экономические и политические функции государства. Республики становились ответственны за экономическое и политическое развитие на своей территории, устанавливались равноправные отношения между Республикой Сербией и автономными краями Косово и Воеводина. Национальный плюрализм в Югославии питался самоуправленческой идеей децентрализации политической и экономической власти. Ее суть в том, что власть многомерна – и вертикальна, и горизонтальна, и наряду с федеративными субъектами как формами политической организации, обеспечивающими национальное равноправие, создаются различные виды самоуправленческой и общественной организации как формы новой власти. В Югославии тем самым, по мнению югославских ученых, была сделана попытка создать новый тип федерализма с сильными элементами конфедерации в классическом варианте федеративного устройства [3. С. 57].

В 1980-е годы на фоне обострения экономических и политических отношений в Югославии принципы организации югославской федерации были подвергнуты серьезной критике. Ситуация осложнялась начавшимся в 1981 г. межнациональным кризисом в автономном крае Косово. Выступления албанского населения края за расширение прав автономии и предоставление ей статуса республики усилило напряженность внутри Сербии. В этих условиях югославское политическое руководство пошло на укрепление центральной государственной власти. В ноябре 1988 г. Скупщина СФРЮ приняла 39 поправок к Конституции СФРЮ, которые существенно изменяли статус республик и автономных краев. Последние утрачивали элементы государственности, становились подотчетны республиканским органам Сербии. Сужалась компетенция краевых властей, ибо отныне они могли осуществлять международное сотрудничество только в рамках утвержденной политики СР Сербии. Последовавшие

в октябре 1990 г. изменения Конституции Сербии еще более ограничили автономию краев, сведя их правовой статус к территориальной и культурной автономии и лишив их всех элементов государственности. В настоящий момент Провинциальная ассамблея Воеводины не имеет самостоятельной законодательной функции, ее полномочия ограничиваются внесением предложений и рекомендаций касательно провинциального управления в парламент Республики Сербии [4].

В то же время недавние военные события в соседних с Воеводиной Хорватии и Боснии и Герцеговине способствовали дестабилизации ситуации в регионе. Вызванный распадом социалистической Югославии экономический кризис способствовал дальнейшему ухудшению социально-политической ситуации и снижению уровня жизни в крае. На фоне общей дестабилизации в регионе проблема регулирования прав национальных меньшинств представляется особенно актуальной – большая часть гарантированных сербской Конституцией прав национальных и лингвистических меньшинств в области образования и использования языков национальных меньшинств либо игнорируется, либо выполняется лишь частично [5].

В результате национальной нетерпимости, резкой политической централизации и установления фактической монополии правящей в Сербии Социалистической партии, население Воеводины было лишено реальной возможности влиять на процесс принятия политических решений на региональном уровне. В подобной ситуации восстановление автономии Воеводины видится как возможное решение проблем региона рядом международных организаций (так, Европейский Парламент настоятельно рекомендовал введение автономии Воеводины [статья 11, R 1201]), равно как и населением самого края. В то же время, согласно органу Воеводинского клуба¹ "Глашнику", более 60% населения Воеводины поддерживает идею полной автономии в составе демократической Сербии и, соответственно, Югославии [6].

В этой связи, как представляется, заслуживают пристального внимания появляющиеся в последнее время различные варианты решения проблем этого региона в рамках автономизации. С нашей точки зрения, достаточно интересны Проект самоуправления венгров Воеводины и Предложение по изменению конституционного статуса автономии Воеводины.

Проект самоуправления венгров Воеводины был принят советом Альянса венгров Воеводины² в январе 1996 г. Данный документ базируется на декларации ООН от 1992 г. о правах индивидов, принадлежащих к национальным, этническим, религиозным либо лингвистическим меньшинствам, и имеет своей целью юридическое обоснование и практическое регулирование самоорганизации в составе Югославии. Подобная самоорганизация предполагается на основе трех составляющих: уважение и признание равноправия всех существующих на территории Воеводины языков и культур, персональной автономии и территориальной автономии, что подразумевает создание автономного венгерского округа на территориях компактного расселения венгерского национального меньшинства – в Суботице, Враче, Шомборе.

Проект предполагает широкие полномочия Воеводины в области образования и культурной жизни, а также соответствующее финансирование на республиканском уровне. Признание языков меньшинств в качестве официальных подразумевает широкое их использование на уровне самоуправления, гарантии использования в административной деятельности и юридических процедурах, в официальной документации, в

---

¹ Воеводинский клуб представляет собой объединение более чем двадцати политических партий и общественных организаций Воеводины на демократической платформе. Клуб выступает за радикальные изменения в Конституциях Республики Сербской и Югославии, децентрализацию Югославии, демонополизацию политической жизни в стране.

² Альянс венгров Воеводины – политическая организация венгерского национального меньшинства Воеводины, основанная в 1990 г. на широкой демократической платформе. На первых многопартийных выборах в республиканский парламент в 1990 г. Альянс получил восемь мест, на выборах 1992 г. – 140. тыс. голосов и девять мест в ассамблее Республики Сербии. В настоящий момент Альянс является ведущей политической партией венгерского национального меньшинства в Воеводине.

общественной жизни, в публичных надписях и объявлениях, при публикации официальных газет Югославии и Сербии.

Предусматривается создание сети венгерских школ в тех районах, где венгры составляют значительную часть от общего состава населения. Там же, где основание подобных школ представляется нерациональным, предлагается создать венгерские классы в смешанных школах. При этом все решения, касающиеся непосредственной работы венгерских школ и классов, а также школьной программы, находятся в ведении соответствующих органов и должны быть согласованы с Альянсом венгерских учителей Воеводины.

Проект предусматривает свободное публичное использование этнической символики меньшинств (типа флагов), при этом допускается обязательное параллельное использование соответствующих государственных символов.

В целях обеспечения безопасности жизни и сохранности имущества населения провинции предлагается реструктурирование существующих правоохранительных органов по этническому принципу.

Введение в действие принципа персональной автономии предполагает создание следующих органов: политического совета, совета по образованию, совета по культуре, совета по прессе и совета по науке. Советы создаются таким образом, чтобы охватить все уровни представительной и исполнительной власти – начиная от местных муниципальных комитетов и кончая парламентом Югославии. Финансовой базой деятельности этих советов должны послужить те 17% от общего бюджета края, которые в настоящий момент расходуются на нужды образования, культуры и на научные исследования в Воеводине и которым соответствует доля венгерских налогоплательщиков в бюджете провинции.

Проект также предполагает территориальную самоорганизацию – создание Автономного венгерского края. Этот край останется неотъемлемой составляющей административной структуры Сербии и будет иметь равные с сербскими муниципальными округами права и обязанности. В край войдут все венгерские поселения, а также те районы, где венгры составляют абсолютное большинство. Край получит самостоятельность в области образования, культуры, средств массовой информации, охраны окружающей среды, управления государственными предприятиями и жилищным фондом, здравоохранения и социального обеспечения, использования языков и национальных символов.

Ассамблея и исполнительный комитет составят органы самоуправления края, в компетенцию которых войдет назначение и снятие всех официальных должностных лиц на территории края и координирование кадровой политики с парламентом Сербии.

Таким образом, первая часть данного Проекта, касающаяся использования языков на территории края, политики в области образования и культуры, вполне удовлетворяет насущным требованиям венгерского меньшинства на данный момент, когда главным поводом недовольства венгров Воеводины служат в первую очередь дискриминационная политика назначения на официальные представительские должности и ограничения сферы использования венгерского языка в общественной жизни провинции [2. Р. 22]. Действительно, изменения в статусе края в 1990 г. фактически прекратили действие прежнего принципа пропорционального национального представительства во властных и общественных структурах Воеводины. В результате сегодня налицо значительное снижение числа венгров, занятых на общественной и государственной работах, особенно среди работников судопроизводственной и полицейской сфер. Так как большую часть представителей администрации составляют этнические сербы, использование венгерского языка в делопроизводстве существенно затруднено. Управление школами Воеводины находится под непосредственным контролем правительства Сербии, решения о назначении директоров школ и учителей принимаются при непосредственном одобрении Министерства образования в Белграде. Учебники начальной и средних школ являются переводными изданиями

существующих сербских учебников, в строгом соответствии с единой государственной школьной программой, действующей на территории Республики Сербии. Таким образом, школьная программа не учитывает специфические интересы меньшинств в изучении собственной истории и культуры.

В то же время Проект имеет, на наш взгляд, ряд недоработок и спорных моментов. Так, композиция вышеуказанных советов основывается на этническом критерии, исключение составляет лишь совет по прессе, состоящий из "журналистов, пишущих на венгерском", в то время как члены совета по образованию делегируются кафедрой венгерского языка и литературы Новисадского университета и кафедрой венгерского языка Белградского университета, а также выбираются Ассамблеей венгерских учителей Воеводины. Проект, таким образом, не содержит четкого механизма делегирования кандидатов, не говоря уже о том, что общественная организация (Ассамблея венгерских учителей Воеводины) получает монополию представлять интересы венгерских учителей.

Вопрос практического осуществления властных полномочий и ответственности подобных советов также остается весьма не ясным. Например, из Проекта следует, что совет по культуре координирует свою деятельность с властями Автономного венгерского края. В то время как деятельность совета за пределами Автономного венгерского края видится авторами проекта как, главным образом, принятие решений касательно финансирования работы венгерских культурных учреждений, функции совета на территории Автономного венгерского края и границы его полномочий представляются столь же неясными, как и механизмы предполагаемой координации деятельности совета и властей Автономного венгерского края. Далее, в Проекте обговаривается необходимость консультации республиканскими властями официальных представителей советов и Автономного венгерского края, однако характер подобных консультаций остается неясным.

Территориальная самоорганизация, представленная в Проекте, также несет в себе ряд спорных моментов. Так, включение в состав Автономного края территорий, где венгры составляют этническое большинство, не решает вопроса появления новых меньшинств уже в составе автономии. Представительство же этих меньшинств в структурах власти и общественной жизни края проектом не обговаривается.

Далее, право распоряжения властей Автономного венгерского края жилищным фондом края на практике будет означать искусственное поддержание прежней, довоенной этнической композиции края и будет направлено против сербских беженцев, значительная часть которых была расселена в Воеводине³.

Процедура выборов в местные органы власти края также содержит ряд ограничений – так, только граждане, постоянно проживавшие на территории края в 1991 г., имеют право избирать и быть избранными. Понятно, что это ограничение направлено в основном против вновь прибывших сербских переселенцев. Какими бы соображениями ни руководствовались авторы Проекта, подобная дискриминация противоречит основным правам человека.

В целом Проект основан на предположении, что проблемы, возникающие в регионе, могут быть разрешены на региональном уровне путем комбинации прин-

---

³ По данным Комиссии по меньшинствам ООН, более двухсот тысяч (цифры варьируются до трехсот тысяч) сербских беженцев были размещены в Воеводине. Столь значительная миграция сербского населения изменила этническую карту региона, нередко вызывая недовольство местного населения. Так, представители венгерского меньшинства в Воеводине обвиняют центральные власти в намеренной политике "сербизации" края путем расселения беженцев именно в муниципальных округах, где до этого национальные меньшинства составляли большинство, и указывают, что приток мигрантов ухудшил экономическое положение местного населения. В целом как национальные меньшинства провинции, так и проживающие в Воеводине сербы отрицательно относятся к политике расселения беженцев на территории Воеводины. В то время, как озабоченность национальных меньшинств логична, понятна и позиция властей Сербии, так как вполне естественно, что относительно благополучная часть республики также должна нести бремя последствий войны (см. [2. P. 24]).

ципов персональной и территориальной автономии. Теоретически последняя возможна и продуктивна на территории определенного административного района, население которого этнически однородно и обладает исторически сложившимся самосознанием, отличным от большинства населения страны [7. Р. 20]. Персональный принцип автономии, разработанный в трудах классиков австромарксизма и иногда называемый культурной автономией, представляет собой попытку "детерриторизовать" нацию либо этническую группу и сводит решение национальной проблемы к достижению национального самоуправления в вопросах культуры, школы, языка [8]. Персональная автономия применима безотносительно к тому, составляет ли нация либо этническая группа большинство на определенной территории либо является меньшинством, проживающим дисперсно на территории страны; исходя из персонального принципа, все жители страны определенной национальности составляют автономную организацию, права и обязанности которой юридически закреплены в Конституции государства [8. С. 11.].

В то время как территориальная автономия представляется достаточно эффективной государственно-правовой формой решения национального вопроса, степень ее продуктивности зависит от этнической однородности автономии. Так, в многонациональных районах территориальная автономия может приводить к возникновению новых национальных меньшинств по мере того, как более многочисленные национальные меньшинства обретают статус большинства по отношению к менее многочисленным меньшинствам, против которых они могут проводить дискриминационную и репрессивную политику⁴. Культурная автономия не имеет подобных недостатков и более подходит для многонациональных районов, однако практическое ее применение является весьма проблематичным, так как требует изменения структур власти на республиканском и федеративном уровнях.

В этом отношении Предложение по изменению конституционного статуса автономии Воеводины представляет особый интерес, так как, согласно его авторам, автономия Воеводины невозможна без радикальной реформы политической системы страны в целом.

Предложение по изменению конституционного статуса автономии Воеводины было разработано Воеводинским клубом и впоследствии подписано восемью политическими партиями и тринадцатью общественными организациями. Предложение поднимает проблемы демократической децентрализации центральной власти, полицентрической организации Сербии и Югославии, регионализации, возвращения вопросов самоуправления в компетенцию местных властей, демократизации средств массовой информации, признания равноправия всех наций и национальностей, радикальных преобразований в экономике страны, прежде всего проведение приватизации.

Предложение основывается на необходимости предоставления Воеводине широкой административной и политической автономии при условии дальнейшей демократизации Сербии и Югославии. Оно предполагает кардинальную реструктуризацию всех уровней власти, начиная с муниципалитетов и кончая федеральными структурами. Предложение имеет своей целью изменение федеральной и республиканской Конституций таким образом, чтобы они полностью гарантировали равные индивидуальные и коллективные права граждан всех национальностей и обязанность признания и уважения этих прав всеми гражданами федерации.

Необходимо отметить, что признание коллективных прав национальных меньшинств является довольно радикальным требованием с точки зрения международного права. Либеральная традиция, возникшая частично как протест против определения прав и положения в обществе индивида в соответствии с положением, занимаемым им в определенной группе, противопоставляет коллективные права индивидуальным,

---

⁴ На это обстоятельство неоднократно указывал А. Эйде, директор Норвежского института по правам человека, специальный докладчик Подкомиссии ООН по защите меньшинств (см. [9]).

полагая, что признание индивидуальных прав гражданина является вполне достаточным для сохранения его национальной идентичности [10]. Однако данная традиция не учитывает различной природы индивидуального и коллективного в обществе, того факта, что некоторые права (право на сохранение национальной идентичности, свобода ассоциаций и т.д.) могут быть осуществлены только как права группы. Более того, чисто гражданские демократические институты, не уделяющие внимания согласованию интересов этнических групп в рамках государств, могут зачастую оказываться дестабилизирующими и небеспристрастными. Принцип равной защиты, гарантированный законом, не может обеспечить стабильности демократического общества, если при этом он способствует укоренению неравенства между национальными группами [11].

Принятый большинством стран и международных организаций компромисс означает теоретически равное признание этих принципов, в то же время ни один международный документ фактически не признает коллективные права меньшинств, апеллируя к "лицам и индивидам, принадлежащим к национальным меньшинствам", речь идет об индивидуальных правах [12–14]⁵.

Согласно авторам Предложения, полноценная автономия края включает в себя автономию в политической, экономической и международной сферах. Так, предполагается принятие специальной Хартии, которая бы регулировала в общих чертах вопросы экономики, образования, сферы социального и пенсионного обеспечения, экологии, здравоохранения, страхования, культуры, информации, а также вопросы национальной политики и защиты прав национальных меньшинств.

Предложение подразумевает введение широкой автономии. В дополнение к существующим муниципальным судам, предлагается создание департамента Верховного суда Сербии, в ведение которого будут отнесены правовое обеспечение положений Хартии, а также спорные вопросы компетенции судов республики и края.

Предложение предусматривает создание Ассамблеи Автономного края Воеводины, состоящей из Гражданского совета и Совета национальностей, имеющих равные права. При этом Совет национальностей будет сформирован на основе равного представительства всех национальностей, чья доля в составе населения провинции превышает 0,5%. Подобная квота исходит из принципа позитивной дискриминации большинства и утверждения, что мажоритарная демократия вестминстерского типа является несправедливой в полиэтнических обществах, способствуя созданию вечно бесправных меньшинств⁶. Предлагается также создать специальный совет муниципалитетов для обеспечения должного самоуправления национальных меньшинств.

Согласно Предложению, край должен также получить право выступать как самостоятельная единица на международном уровне в вопросах, касающихся экономики и культуры.

Экономическая автономия представляется авторам Предложения как независимость Воеводины в выработке стратегии и тактики на макроэкономическом уровне, право принятия решений касательно общественного финансирования и право распоряжаться природными ресурсами.

Таким образом, авторы Предложения, базируясь на основе принципа позитивной дискриминации, рекомендуют регионализацию как эффективное средство решения национальных проблем в многонациональном регионе. В этом отношении Предло-

---

⁵ Вместе с тем необходимо отметить, что не свободен от недостатков и механизм групповых прав, структурирующий всю политическую и юридическую сферу в соответствии с национальными принципами. Подобная структуризация обнаруживает тенденцию углубления разрыва между национальными группами. Один из способов баланса был предложен Д. Горовитцем. Суть его сводится к созданию таких избирательных систем, которые заставляли бы политиков искать поддержку различных национальных групп. Например, президентская система может требовать от кандидатов определенный минимум голосов, который они должны получить во всей стране, что исключает возможность победы президента на основе чисто национальной платформы (см. [15]).

⁶ На этом моменте акцентировал внимание Д. Горовитц (см. [15]).

жение отвечает наметившейся в последнее время общей тенденции к регионализации государственных образований (причем необязательно многонациональных). Оно частично базируется на Хартии по регионализации, принятой Европарламентом в ноябре 1988 г.: непереносимое включение регионального статуса в Конституцию страны, экономическая автономия региона, самофинансирование, самоуправление региона и нейтрализация давления государственной администрации, наличие независимого органа, в ведении которого находились бы спорные вопросы компетенции центра и регионов [16].

В целом, в то время как оба документа подразумевают автономию региона, они содержат существенную разницу в подходе к проблеме. Так, Предложение подразумевает региональную (территориальную) автономию в рамках демократического государства и содержит в себе требования радикальных политических преобразований на федеральном уровне. Проект самоуправления в этом отношении гораздо более умерен – он не содержит ни требований, ни необходимости подобных изменений, ограничивается лишь культурной автономией – в компетенцию Автономного венгерского края входят, главным образом, вопросы образования и культуры. В то же время Проект представляет собой конкретный, более или менее разработанный план автономии, который может быть гипотетически введен в действие в ближайшее время. Предложение же лишь намечает главную стратегическую линию дальнейших преобразований. Кроме того, Проект самоорганизации основывается на совмещении двух принципов автономии – территориальном и персональном (культурном), Предложение же предполагает признание индивидуальных и коллективных прав национальных меньшинств в рамках территориальной автономии. Тем не менее, эти два проекта не являются взаимоисключающими. Оба предлагают создание территориальной базы автономии, оба указывают на необходимость создания структур власти, базирующихся на национальном принципе, которые бы работали параллельно с существующими властными структурами. И в данном смысле самоорганизация венгров Воеводины может быть осуществлена в рамках регионализации Воеводины.

Итак, автономия в том или ином виде представляется выходом из создавшейся ситуации политической и экономической нестабильности в регионе. С одной стороны, оба рассматриваемых проекта ведут к децентрализации страны и ослаблению центральной власти, так как несомненно есть известные теоретические противоречия между принципом защиты прав национальных меньшинств на сохранение собственной культурной идентичности и права на самоопределение и принципом территориальной целостности государства. С другой стороны, игнорирование проблем национальных меньшинств в многонациональном регионе лишь усугубит политическую напряженность в нем и тем самым приведет к ослаблению позиций центральной государственной власти. Разумная, четко лимитированная децентрализация при условии защиты прав национальных меньшинств представляется обоснованной в той мере, в какой она не угрожает территориальной целостности государства.

По-видимому, разработка и использование на практике компромиссных форм самоуправления является одним из наиболее продуктивных путей для решения проблемы прав меньшинств. При этом принципы равенства и соблюдение прав как индивидуальных, так и коллективных могут быть осуществлены в реализации адекватных форм автономии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соколовский С.В. Самоопределение и проблема меньшинства // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. М., 1995. Вып. 11.
2. Rern E. Situation of human rights in the territory of the Former Yugoslavia. Special report on minorities. Commission on Human Rights, Economic and Social Council // UN.E/CN.4., October 1996.

3. Гуськова Е.Ю. Кризис федерации и концепции его преодоления // Югославия в огне. Документы, факты, комментарии (1990–1992). М., 1992.
4. Lutovac T. National minorities in the FR Yugoslavia // Serbia Bulletin. 1996, September.
5. Korhecs T. Right of national minorities in Vojvodina. Legal norms and practice // Minorities-majorities: case study workshop. Budapest, 1997.
6. Глашник. Субботица, 1996.
7. State and nationalism in multi-ethnic societies. Manchester, 1992.
8. Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. М., 1923.
9. Eide A. Second report on minorities rights // UN. 4/2/1992/37.
10. Kymlicka W. Multicultural citizenship: a liberal theory of minority rights. Oxford, 1995.
11. Jaksic B. Interculturality in multiethnic societies. Beograd, 1995.
12. Council of Europe 1992. European charter for regional or minority languages. Strasbourg, 1992.
13. Council of Europe 1995. Framework convention for the protection of national minorities and explanatory report. Strasbourg, 1994.
14. International Helsinki federation for human rights 1997. Annual report 1997 Human rights developments // <http://helsinki.opennet.org/eizv3.htm>, 1997.
15. Horowitz D. Ethnic groups in conflict. California, 1985.
16. Регионализация в Европе: значение и перспективы дальнейшего развития. Совет Европы. Страсбург, 1994.

© 2000 г. Л. КРАЛЬ

ПЕРИОД ЭКСПРЕССИОНИЗМА В СЛОВЕНСКОЙ ДРАМАТУРГИИ (ОБЗОР)

По общему мнению словенских литературоведов, период экспрессионизма начинается во время первой мировой войны, а завершается в начале 30-х годов. Говоря об экспрессионизме, мы имеем в виду литературные явления, возникшие в Германии в начале 1910-х годов и впоследствии распространившиеся в литературах ряда стран центральной Европы: в австрийской, словенской, хорватской, чешской, венгерской и польской, а также – в меньшей мере – в сербской и фламандской [1; 2]. Следует учесть, что в словенской литературе 1910–20-х годов экспрессионизм не был основным течением, и в творчестве писателей появлялся лишь периодически, базируясь на основах символизма, к тому времени уже проявлявшего все признаки упадка. Однако, по-скольку наиболее значительные произведения этого времени были созданы в русле экспрессионистской поэтики, весь период стал обозначаться как "период экспрессионизма".

Согласно концепции Ж. Вайсгербера, изложенной в его книге "Литературный авангард XX столетия", экспрессионизм относится к "старшему" направлению литературного авангардизма. К авангардизму в литературе автор относит четыре течения, возникшие до первой мировой войны, и два послевоенных. Накануне первой мировой войны появляются футуризм (итальянский и русский), экспрессионизм, русский и английский имажинизм, дадаизм; после первой мировой войны – сюрреализм и конструктивизм. Различные по своей сути литературные течения Вайсгербер определяет так: "Под авангардными течениями мы подразумеваем ряд коллективных действий, объединяющих определенное число писателей или деятелей искусств, и особо выраженных в манифестах, программах и журналах, а также обращающих на себя внимание своими радикальными противоречиями по отношению к сложившейся на данный момент литературной традиции (форма, темы, язык) и существующему общественно-политическому устройству" [3]. Идеальные особенности авангардизма подразделяются на две группы: ниспровергающую и утверждающую. Под ниспровергающими подразумевается прежде всего отрицание традиции, устоявшихся норм, культуры и цивилизации, нигилизм, экстремизм, наступление на все существующее, иррационализм, неприятие категории красоты и искусства (эстетика безобразного), отрицание литературы, литературности, успеха и творчества, а также стремление к перелому и перевороту. Под утверждающими особенностями понимаются стремление к новаторству; обращенность в будущее, тяга к прогрессу; любовь к свободе, эксперимент, "лудизм"¹, независимость творчества и основательность.

Ладо Краль – профессор, зав. кафедрой компаративистики и теории литературы Люблянского университета.

¹ От лат. "ludus" – игра.

Экспрессионисты отличались от собственно авангардистов рядом существенных черт: более терпимым восприятием традиции (опора на поэтику символизма), менее радикальным отношением к форме и резким неприятием техники и технического прогресса (по мнению экспрессионистов, техника способствует дегуманизации). Причины подобного отношения восходят к натурализму, критикованному развивающуюся индустриализацию как средство, эксплуатирующее и убивающее рабочего.

Экспрессионизм развил некоторые свои особенности, среди которых главная – "нравственный заряд", выраженный в форме либо христианской, либо коммунистической утопии. Для последующего развития эта черта имеет тематическое и идейное значение, которое выкристаллизовывается из метафизической категории "нового": новая мораль, новый человек, новое царство. Ожидание этих новых ценностей происходит в ощущении грядущей катастрофы мира. Поэтому для экспрессионизма характерны большая нравственная серьезность, возвышенность, рельефность, пафос, стремление к трагическому. Для того чтобы человек мог постичь новую мораль, он должен "выйти из себя", превратиться в "экстатического человека", т.е. оставить разум и слушаться голоса сердца. Лозунг, в сжатой форме выражающий эту экспрессионистскую настроенность, звучит так: "пафос, экстаз, крик" (причем "крик" означает язык экспрессионистов – сконцентрированный, истеричный, эмоциональный). По мнению словенского литературоведа Б. Патерну, есть четыре главные особенности, с помощью которых можно определить экспрессионизм как идейную и поэтическую систему: интенсивность, дихотомия, дисторсия (т.е. искривленность изображаемого пространства) и активность [4]. Что касается драмы, Х. Денклер полагает, что перед драматургией были поставлены вполне конкретные задачи: пьеса должна была привлечь внимание к человеку, показать его эволюцию или спасение и побудить остальных людей брать с него пример – представлялось, что это единственный путь к гармонии между человеком и человеком, человеком и миром, человеком и Вселенной [5]. Для всех жанров, особенно драмы, характерен образ автора, провидца, учителя, пророка, мессии, вождя, который в большей мере является авторским *alter ego* – это носитель новых этических ценностей, утверждающий их иногда абстрактно, отстраненно. По мнению Ф. Задравкеца, в словенской драматургии "нет такого философско-исследовательского или умозрительного элемента, как в немецкой драматургии" [6].

Далее в виде обзора представлено творчество семи драматургов периода экспрессионизма, и их основные пьесы в хронологическом порядке. Это Иван Прегель (1883–1960), Станко Майцен (1888–1970), Франц Бевк (1890–1970), Миран Ярц (1900–1942), Алоизий Ремец (1886–1952), Антон Лесковец (1891–1939) и, вероятно, наиболее интересный драматург новой словенской литературы, Славко Грум (1901–1949), произведения которого являются вершиной экспрессионистской драмы.

Иван Прегель. "Катастрофа" (1917) и "Нищие" (1917).

Прегель, по профессии преподаватель гимназии, входил в группу католических писателей, сплотившихся во время первой мировой войны вокруг журнала "Дом ин свет", редактором которого был И. Цанкар. Более чем драмами, И. Прегель известен своими прозаическими произведениями, в основном, на историческую тему (например, роман "Толминцы" о крестьянском восстании в начале XVIII в., новелла "Маткова Тина", действие которой также относится к началу XVIII в., романы "Plebanus Joannes" и "Священник Ерней", повествующие о философских и нравственных исканиях словенских католических и протестантских духовников).

В одноактной пьесе "Катастрофа" автор попытался создать типичную атмосферу современной городской жизни. Действие пьесы происходит в зале кинотеатра, герои пьесы – посетители киносеанса. Автор, таким образом, показывает нам два одновременных действия: происходящее на экране и происходящее в зале. Фильм составляют четыре гротескно-комические сценки немого кино. На местах и в проходах разворачивается действие, в котором участвуют кинозрители. Главного героя зовут

Элегантный господин, остальные действующие лица – школьники, влюбленный студент с девушкой, пьяный доброволец, солдат со служанкой и пожилая деревенская пара. На фоне эпизодов, в которых участвуют второстепенные персонажи, развивается основной конфликт главного героя и его двойника по имени Незванный-Незнакомец. Следует отметить, что конфликт с двойником часто встречается в экспрессионистской драме, наиболее же остро он выведен в пьесе австрийца Франца Верфеля, носящей знаковое название "Зеркальный человек".

Герой пьесы "Катастрофа" приходит в кино, чтобы в толпе посетителей побыть одному и спокойно подумать о своей нелегкой жизни. По профессии он – директор банка; о том же, что жизнь героя очень запутанна, постоянно говорит его двойник. Себя он называет "Великим детективом", и по отношению к главному герою выступает как обвинитель. Элегантный господин пошел на сделку с совестью ради ненасытной жадности накопительства и индивидуализма. В конце концов, двойник намекает главному герою, чтобы тот заглянул в свой карман – там лежит "заряженный браунинг". В конце фильма в зрительном зале раздается выстрел – главный герой мертв. Согласно экспрессионистской морали его смерть неизбежна, так как он согрешил.

Действие одноактной пьесы "Нищие" происходит на площадке перед сельской церковью. Здесь встречаются паломники и нищие, подкарауливающие прихожан, чтобы просить у них милостыню. По мнению Прегеля, паломники – люди обыкновенные, а нищие – особенные, экстатические, отмеченные печатью истерического безумия, способные создать на земле "новое царство любви и братства".

Станко Майцен. "Кассия" (1919) и "Апокалипсис" (1923).

Майцен также один из католических писателей, группировавшихся вокруг обновленного журнала "Дом ин свет". В его творчестве представлены драматические, лирические и прозаические жанры, хотя самую значительную и обширную его часть составляют драмы (их больше десяти).

Получив юридическое образование, Майцен занимал ответственные должности в чиновной иерархии королевства Югославия. К началу первой мировой войны ему исполнилось 26 лет, он был мобилизован, воевал на Галицийском фронте на Украине, награжден большой серебряной медалью за храбрость. Получив чин поручика как представитель военного командования оккупационных сил он был направлен в завоеванный Белград и стал свидетелем отношения австрийских властей к населению Украины и Сербии.

Драма в трех действиях "Кассия" – самая известная из всех пьес Майцена; она была поставлена на сцене Люблянского театра сразу после первой мировой войны. Это натуралистическая пьеса с элементами экспрессионизма. Согласно первой ремарке, действие происходит в оккупированном Белграде; главный герой – капитан, словенец, офицер австрийской армии, захватившей город. Герой быстро делает карьеру, становится возлюбленным молодой, красивой, умной дочери полковника – начальника военной полиции, держащего в страхе весь город. Офицеры оккупационной армии, привезшие в Белград свои семьи, ведут светскую жизнь, не вступая при этом ни в какие отношения с местными жителями. Любовь к местной красавице меняет жизнь героя. Офицерская каста, к которой он сам принадлежит, вдруг предстает перед героем в совершенно ином свете, о чем он скажет по-экспрессионистски выразительно: "Вы знаете, это общество созрело для жатвы. Оно – прогнившее, надменное, извратившееся. Уже стоит мужик с косою на плече... Вот это будет жатва!" И, порвав с привычным офицерским кругом, капитан вступает с ним в одинокое противостояние. Положение героя еще более осложняет необычный характер его возлюбленной, характер "роковой женщины", она меланхолична, в ней "слишком много таинственной и бездонной души". Духовное и телесное начала в ее образе резко разделены: дух пребывает где-то немислимо далеко, в то время как тело заключено в рамки грязной повседневности. Война не оставила ей других средств к существованию, кроме как сомнительные связи с офицерами оккупационной армии.

Связь с этой женщиной наносит урон "офицерской чести" капитана, в которой он видит единственную ценность. Не в силах избавиться от "кастовой" зависимости, в решающий момент герой поступает малодушно и вопреки моральным требованиям нового человека.

Одноактная драма "Апокалипсис" разыгрывается, как значится в ремарке, во "влажном, четырехугольном внутреннем дворе, окруженном голыми стенами огромного здания... Во дворе около тридцати людей, которые стоят, сидят, лежат, нетерпеливо прохаживаются туда и сюда. Некоторые еще не пришли в себя. Военный патруль захватил их там, где они были, и согнал на допрос". Заключенных вызывают одного за другим. По завершении допроса, некоторым будет вынесен смертный приговор. По воле автора образы заключенных лишены индивидуальных особенностей, им даны имена-обобщения, что характерно для экспрессионизма: Патер, Драчливый человек, Профессор, Простодушный, Лучшая женщина, Человек с дороги, Бледная женщина, Учительница, Спящая, Ребенок, Блаженная, Энергичная женщина, Робкий человек. Всех их объединяет состояние острой тревоги, отчаяния, откровенного страха за собственную жизнь. Близость смерти придает всей атмосфере особый пафос, своего рода экстаз, приподнимает ситуацию над обыденностью, делает ее торжественной, даже религиозной. По мере развития драмы автор точнее идентифицирует заключенных. Действие происходит в Галиции, все они – местные жители, украинцы. Галиция, как и Словения, к моменту начала первой мировой войны уже довольно долго входила в состав Австро-Венгерской империи. Местных жителей обвиняют в сотрудничестве с "противником", т.е. с русскими. Скорый военный суд, которым судят украинцев, – символ жестокого правления австрийцев. Отношение к нему характеризует заключенных с нравственной точки зрения. Двое из них – Бледная женщина и Профессор – принадлежат к "новым людям" и великодушно пытаются помочь остальным, поддержать их. Драма заканчивается сценой вывода приговоренных на казнь. Драчливый человек теряет самообладание и в припадке ярости душил Патера. Финал пьесы демонстрирует экспрессионистскую картину апокалипсиса старого мира, предугадывая рождение нового.

Франце Бевк. "В бункере" (1922).

Бевк – прозаик, в конце жизни он стал писать для детей и юношества. За свою долгую и насыщенную событиями жизнь учителя, социально и национально ангажированного журналиста он успел написать огромное количество (более 140) книг. Одноактная пьеса "В бункере" – единственное его драматическое произведение, но, несмотря на это, занимает видное место в словенской экспрессионистской драме, так как создает очень верную и убедительную картину войны. Она сравнима с таким образцом экспрессионистской военной драмы, как пьеса "Морской бой" (1918) немецкого автора Р. Гёринга. Драма Бевка была напечатана в лондонском журнале "Славянский и восточноевропейский журнал" ("The Slavonic and East European Review") (1936). Бевк знал, что такое война – он был мобилизован и воевал на стороне австрийцев на восточном фронте в Галиции.

Оба драматурга использовали в своих пьесах новый сценический прием, ограничив действие рамками замкнутого, давящего на психику пространства, своего рода камеры, порождающей клаустрофобию. В драме Гёринга такой камерой является стальной корпус военного корабля, в драме Бевка – убежище на фронте, бункер, выкопанный глубоко под окопами. Пространство заполнено моряками или солдатами: в драме Гёринга они должны как можно быстрее и эффективнее обслуживать артиллерию военного корабля, в драме Бевка – просто пережить неприятельский обстрел. Стальной корпус судна и бункер показывают огромное техническое различие между первой мировой войной и всеми предыдущими. Теперь созданы бронированные военные корабли, появились колючая проволока, системы окопов и бомбоубежищ. Личный героизм солдата канул в небытие, его заменила безликая деятельность безымянной толпы, служащей лишь пушечным мясом. Эта безликость подчеркнута с помощью характерных экспрессионистских имен действующих лиц,

одновременно обобщающих и абстрактных. У Бевка это Один, Второй, Один из них, Кто-то, Кто-то из угла и т.д.

Корпус корабля и бомбоубежище – смертельные ловушки. Вот-вот раздастся выстрел, который превратит все в кровавое месиво. И моряки, и солдаты чувствуют, что лишатся жизни жестоко и унизительно, подобно скоту, который ведут на бойню. Их жертва будет бесполезной и покажет лишь, насколько пусты все громкие слова о патриотизме и героизме. Вообще мотив патриотизма гораздо более пессимистично звучит в драме Гёринга, чем в драме Бевка. И это понятно, ведь все солдаты в бункере – словенцы, включая и сержанта. В австро-венгерской армии существовала практика формирования мелких отрядов из солдат одной национальности, так как считалось, что это поднимает их моральный дух. В то время, как немецким солдатам в драме Гёринга кажется, что их любовь к родине и императору была подло предана, словенским солдатам лишь жаль, что они вообще слушались чужого (австрийского) императора. Обе драмы заканчиваются предсказанной великой катастрофой. "Сильный взрыв распахивает дверь и мгновенно заполняет помещение, превращая его в хаос тел, купающихся в теплой крови. Молчание. Конец." – такова конечная ремарка драмы Бевка.

Миран Ярц. "Огненный дракон" (1923) и "Вергерий" (1927–1932).

Ярц – один из наиболее значительных словенских поэтов-экспрессионистов – писал также пьесы. В повседневной жизни он занимался скучной, прозаической работой банковского служащего, а когда началась вторая мировая война, ушел в партизаны и вскоре погиб (1942). Первый сборник экспрессионистских стихотворений Ярца "Человек и ночь" был опубликован в 1927 г., второй – "Ноябрьские стихотворения", относящийся уже к направлению "нового реализма", – в 1936 г. Основа мироощущения Ярца – религиозная или, точнее говоря, богоискательная, его стихотворные дебюты – символистские. В поэзии присутствуют также и декадентско-сенсуалистские элементы. К экспрессионизму Ярц приходит, усомнившись в метафизической трансцендентности и, следовательно, в религиозности, что вело к изоляции субъекта, ницшеанскому пониманию нигилизма, чрезмерному подчеркиванию силы духа и волюнтаристскому подтверждению данности. Следуя экспрессионистской поэтике, Ярц развил самый важный образ в своей лирике – образ враждебной вселенной, которая "со зверским наслаждением охотится" за индивидуумом. Все эти элементы мы находим также и в четырех драмах Ярца. В жанровом отношении речь идет о так называемых "поэтических драмах", что означает не только диалоги, написанные в стихотворной форме, но и особую композицию, которая часто не учитывает правила построения драматургического произведения и сосредотачивается на интуитивной логике, так как для такой драмы исповедь об онтологических вопросах важнее реальности.

Действие одноактной пьесы "Огненный дракон" происходит, согласно вводной авторской ремарке: "ночью... при господстве ангела бездны – Абадона". Место действия – корабль, который плывет по "океану тайн", имя его – "Огненный дракон". На корабле горит свет, единственный свет далеко вокруг. Иногда кажется, что этот свет символизирует разум или рационализм; корабль – это одно-единственное место разума в океане ночи, тьмы и безумной вселенной. Более того: на суше катастрофа, хаос и уничтожение, поэтому корабль "Огненный дракон" – последнее убежище. И главный герой, которого зовут Пловец, являющийся *alter ego* автора, пытается спастись на этом корабле. Принятый на борт Пловец, однако, не испытывает к Капитану никакого чувства благодарности: он ощущает себя пленником и не считает Капитана своим спасителем. Находясь на корабле, он пытается сбежать, плавая же в одиночестве по морю – снова стремится на корабль. Третье главное действующее лицо в этом аллегорическом действии – Старик, носитель спиритуализма, Учитель Пловца и единственное существо, которого боится Капитан. Старик упрекает ученика за малодушие: тот из гордости покинул земную твердь, и теперь там царит раздор.

"Огненный дракон" – типичная поэтическая драма периода экспрессионизма. В ней

выведены аллегорические фигуры, ведущие диспут об онтологических вопросах экспрессионистской идеологии. М. Ярц показывает главного героя, мечущегося между разумом, с одной стороны, и духовностью, религиозностью, интуицией и чувством – с другой. Ни то, ни другое не может удовлетворить Пловца, типичного "дерзкого искателя" новых ценностей. Луч разума и рационализма все равно принадлежит Люциферу, "светоносцу", т.е. всегда остается нечто дьявольское и враждебное жизни.

В драме Ярца нашли отражение дебаты того времени об идейных направлениях словенской литературы 1920-х годов: выбирая между футуризмом и экспрессионизмом, словенские писатели в большинстве останавливались на экспрессионизме – прежде всего, в силу его антропоцентрической направленности и, следовательно, сочувствия к человеку, в то время главный интерес футуризма, прежде всего итальянского, находился в сфере техники и был направлен на жизнь материи.

Драму "Вергерий" Ярц публиковал отдельными действиями в течение пяти лет. Основная проблема этого произведения сходна с конфликтом "Огненного дракона", но действие и действующие лица здесь не настолько аллегоричны. Главных героев три: Вергерий, его жена Инес и антагонист главного героя Керн. Вергерий и Керн, в основном, соответствуют Пловцу и Капитану, образ же Инес вносит в драму женское начало и жизнеутверждающий пафос. Свой витализм Инес называет "сердце" и упрекает супруга Вергерия в том, что он – "человек без сердца". Основная движущая сила драмы – конфликт между словом и действием. Керн – носитель разума и апологет технократической цивилизации – призывает покончить с пустыми разговорами и мечтаниями: настало время действовать. В этом лозунге отражаются экспрессионистские дебаты о необходимости перехода из индивидуалистической фазы в коллективистскую, от слов к действиям, к социальному сотрудничеству. Это можно заметить уже в названиях литературных журналов, например, немецкого "Die Aktion" ("Действие") и созданного Э. Коцбеком (1904–1981) словенского журнала "Dejanje" ("Действие"). Экспрессионисты обычно имели в виду "действие", основанные на идеях Октябрьской революции и направленные к бесклассовому "новому царству". Итальянские футуристы "действие" представляли несколько по-другому – как анархическое, террористическое действие, создающее панику и хаос, из которых только и может родиться человек будущего, человек техники. Это позиция Керна, и таким образом, Ярц полемизирует со словенским футуристом А. Подбешком, который в своем журнале "Красный пилот" пропагандировал идеи русского анархиста Петра Кропоткина. Анархисты Керна договорились ликвидировать Великого обывателя, господина Альтманна, видного общественного деятеля т.д., как воплощение всего социального зла: "Если он падет, разрушится лживый мир, спаситель же будет спасителем человечества!" Роль ликвидатора предназначена Вергеррию, этим он докажет, что достоин вступить в ряды анархистов.

Последнее, четвертое действие драмы воплощает хорошо известную экспрессионистскую тему харизматической личности и вопрос о ее способности манипулировать толпой. Вергерий за убийство Великого обывателя уже пять лет сидит в тюрьме, его посещает делегация, предводительствуемая Керном, который предлагает стать вождем, спасителем народа. Вергерий же это предложение отклоняет: он стал другим человеком – раньше он был Каином, теперь он – Авель. В финале драмы Вергерий находит спасение в экстатической исповеди, суть которой есть возвращение к христианству: "Здесь я: терпение меня позвало: Авель зовет, зовет, зовет... Встряхну сердца, чтобы в них перелить свою вечную молитву: Приди, приди, святой, новый Иерусалим!".

Алоизий Ремец. "Магда" (1924).

Ремец долгие годы работал адвокатом в Птуе (на северо-востоке Словении), а перед второй мировой войной стал мэром этого города. В межвоенные годы он был известен как драматург, автор пьес дидактического и народно-агитационного характера ("Кирки", "Наемники" и т.д.). Драма "Магда", имеющая подзаголовок "трагедия несчастной девушки в 12 сценах", привлекла к нему внимание широкой обществен-

ности. Действие развивается не постепенно, а двигаясь толчками от одной сцены к другой, она как бы смонтирована из сцен-фрагментов, между которыми нет причинно-следственных связей, но тем не менее каждый из которых является частью целого. Главным действующим лицом драмы Ремца "Магда" является "несчастливая девушка, которая, начав как служанка опускается до придорожной проститутки". Магде противопоставлен ее любовник, в каждой сцене появляющийся в разных обликах: сначала он – студент-медик, потом – комиссар полиции, торговый агент, сводник, поэт и т.д. Каждый раз меняется место и обстановка действия: драма начинается в изысканном кафе, три последующие сцены происходят на мосту (попытка самоубийства), в больнице (смерть) и в морге. Главная тема драмы – проблема сексуальности, возбудившая среди экспрессионистов живую и противоречивую полемику. Одни выступали за примат платонического чувства, за братско-сестринские отношения между полами, поскольку остальная энергия должна быть направлена на духовное развитие. Другие защищали унаследованные от декадентов взгляды на сексуальность как право каждого отдельного человека на необузданный инстинкт, на безграничную свободу и естественность, рассматривая сексуальность как полную противоположность мещанской морали. Отзвуки двух этих точек зрения есть и в драме Ремца. Магда колеблется между платонической и чувственной любовью и выбирает вторую, право на наслаждение. Другая сторона проблемы – сексуальные отношения между действующими лицами и их последствия – в значительной мере определяются социальным статусом каждого человека. И поскольку Магда всего лишь служанка, все для нее оборачивается так, что она должна дорого заплатить за свою сексуальную свободу. Каждый следующий партнер обходится с ней все более безнравственно. Драматург полагает, что сексуальная свобода женщины из низших слоев всегда ведет к проституции. Система ценностей Ремца кажется иногда несколько патриархальной, но несмотря на это, его драма интересна самим анализом процесса утраты традиционных приоритетов в области сексуальных отношений, к которому привела стремительная урбанизация и создание на рубеже веков общества масс-культуры, что также является одной из важнейших проблем экспрессионизма.

Антон Лесковец. "Принцесса Харис" и "Два берега" (1928).

По профессии Лесковец – юрист. В его драмах экспрессионизм проявляется как на идейном (стремление к новым нравственным ценностям), так и на художественном (экстатические диалоги) уровнях. Лесковец склонен также к фатализму, фантастике, эксцентричности, что свидетельствует о его близости к декадансу. Он – автор пяти драм, пробовал себя в прозе, но прозаическое его наследие менее значительно. Почти все драмы Лесковца ставились сразу после написания и вызывали оживленную дискуссию.

В драме "Принцесса Харис" рассматриваются два социальных класса. С одной стороны, благородная аристократка Сабина Истеницкая и ее мать, с другой – мещане Жига Кнез и инженер Йошт Осойник. Жига Кнез – президент комитета правления большого химического завода, который, как некоторые опасаются, "отравит весь мир": в этом страхе перед разрушительной и антигуманной силой техники также находится выражение одно из важнейших положений экспрессионизма. Интересы всех групп сконцентрированы на огромном капитале, который представляет этот завод. Сабине Истеницкой противопоставлен инженер Йошт Осойник – карьерист, который любыми способами хочет получить "место наверху". В его мировоззрении ощущаются очень распространенные среди экспрессионистов ницшеанские идеи о сверхчеловеке. Инженер стремится к любовной связи с Сабинной из-за благородного происхождения Истеницкой и ее материального положения владелицы акций химического завода.

Героиня драмы живет двойной жизнью. Ее *alter ego*, образ, к которому она стремится, – принцесса Харис. Образ создается из мечтаний, эротических эпизодов прошлого, которые в большинстве своем связаны с танцем. Взгляд на душу как средство выражения эротической чувственности, является подчеркнуто декадентским – лучше всего это выразил Оскар Уайльд в "Саломее": героиня реализует свою сущность в

танце, который неизменно ведет к смерти. Каждый раз, когда Сабина превращается в принцессу Харис и начинает танцевать, полностью меняется и ее речь: она становится восторженной, метафорически возвышенной, словом – декадентской. Сюжет драмы основан на отношениях Сабины с тремя мужчинами: инженером, промышленником и художником. Осойник пытается ею завладеть из эгоистических соображений, промышленник Кнез любит, но, испугавшись, отступает, художник же смотрит на героиню платонически, как на сестру. Позволив чувствам вмешаться в финансовые дела, герои приходят к полному биржевому краху. Действие заканчивается смертью Сабины и полным духовным поражением Осойника и Кнеза. В драме необычно смешались эстетика декаданса и экспрессионистские элементы и вставки.

В драме "Два берега" показан низший социальный слой общества. Жизнь бедняков дана как особая, параллельно существующая и контрастная сторона повседневности. В их мире действуют свои особые законы, обычаи, ценности. Как и в драме Прегеля "Нищие", в "Двух берегах" представлен тип "экстатического человека", у которого больше возможностей начать "новую жизнь", в отличие от тех, кто живет мещанскими нормами. Миром нищих безраздельно правит великий мастер, нищий Мацафур. Взаимоотношения между миром мещан и миром отщепенцев он определяет так: "Огромный поток, глубокий и широкий, течет по земле и делит ее на два берега. Один берег – их, другой – наш". Мацафур – идеолог вековых социальных различий – бедняк должен остаться бедняком, и если он хочет стать мещанином, то по законам бедняцкого мира его ждет страшная смертная казнь. Такие перебежки из одного социального слоя в другой угрожают стабильности общества и своего рода соглашению нищих с мещанами, разрешающему нищим вести паразитическое существование. Однако сам Мацафур своего незаконного сына Криштофа еще ребенком тайно отдает на воспитание на другой берег. И теперь, получив образование, он возвращается в мир бедняков – такова завязка драмы. Криштоф влюбляется в красавицу Рону, своего рода Кармен мира нищих. Поняв, что юноша собирается разрушить существующий общественный порядок и всех бедняков переправить на тот берег, в "новую жизнь", девушка тоже увлекается им. В последней сцене Криштоф предстает в свойственной экспрессионизму роли харизматического лидера: "На свет, из-под земли, радуйтесь солнцу, которое светит всем! Долой котомки, за мной, я укажу дорогу! Больше не попрошайничать, а требовать!". Мацафур пытается покончить с хаосом и приказывает убить Рону, но его палач из ревности убивает вместо этого самого Криштофа. Главарь умирает от потрясения. Так, на мелодраматической ноте заканчивается эта пьеса, представляющая собой синтез натуралистических, символистских и экспрессионистических уровней. Словенские литературоведы отмечают в манере описания бедняцкой среды и характер Лесковеца влияние "босаяцких" повестей М. Горького ("Мальва", "Каин и Артем" и др.). В то же время, атмосфера драм Лесковеца и некоторые характеры соотносимы с брехтовской "оперой нищих", причем словенский автор не мог ей подражать, поскольку произведение Брехта вышло в свет на десять месяцев позже, чем драма Лесковеца. Тем не менее, сходство этих двух драм очевидно.

Славко Грум. "Происшествие в городе Гога" (1930).

Славко Грум был врачом, учился в Вене, а затем до самой смерти работал в провинции, в горнопромышленном крае Загорье. Писал короткие прозаические произведения. Драму "Происшествие в городе Гога" он закончил перед самым отъездом в Загорье, в расцвете творческих сил, за которым последовал быстрый спад и дальнейшее молчание. Так же как и в творчестве самого Грума, в истории словенской драматургии эпохи экспрессионизма эта пьеса занимает особое место, являя собой как бы кульминацию этого направления, появившуюся уже на его зкате. Ранние драмы Грума несут печать символизма, его переход к поэтике авангардизма произошел после соприкосновения с творчеством позднего Стриндберга, а еще в большей степени – после встречи с "синтетическим театром" русского режиссера Александра Таирова. Грум видел его знаменитую постановку "Саломея" Оскара Уайльда во время гост-

ролей Камерного театра Таирова в Вене в 1925 г. Таиров разделил сценическое пространство вертикально ("вертикальная конструкция") и, таким образом, получил несколько сцен сразу, на которых действие происходит синхронно. Грум также перенял у него основы пантомимы, марионеточного движения и клоунады и, таким образом, ввел в словенскую драматургию новую для нее симультанную или фрагментарную сценическую технику.

Главное действующее лицо драмы – Хана, дочь богатого торговца в маленьком городке. В ранней юности ее изнасиловал помощник торговца Прелих, и вскоре после этого она уехала за границу. Но каждый раз, приезжая домой, Хана попадает в рабскую зависимость от насильника: несмотря на отвращение и унижение, она вынуждена подчиняться каждый раз, когда ему вновь захочется обладать ею. Однако Прелих не является антагонистом Ханы, в действительности он достаточно немощная, слабая, жалкая фигура, демоническая только по отношению к Хане, как раз потому, что она ослеплена своей психической зависимостью. Прелих нужен только для того, чтобы Хана убила его и, таким образом, окончательно освободилась от травмы. Он не выступает как активное действующее лицо, не проявляет никакой инициативы. Его роль по значимости мало отличается от ролей остальных жителей городка Гога, каждый из которых по-своему выражает испорченность, извращенность, затхлость этого места. Таким образом, все персонажи, кроме главной героини, присутствуют в пьесе главным образом для того, чтобы так или иначе проиллюстрировать ее саму, т.е. всех их можно истолковать как ее проекции, часть ее сознания. Для эпизодов встреч Ханы с ними автор использует "технику остановок" – героиня встречается со своими экзистенциональными образами, воплощенными в других персонажах, каждый раз испытывая неловкость.

В 1930-е годы драма не была оценена так высоко, как ее ценит современное литературоведение. Критики признавали новаторство драматургической формы, ее неординарность, однако этическая и содержательная позиция автора казались им недостаточно выраженной. Дело в том, что драма Грума не подходила ни под левые либеральные, ни под католические мерки, не заявляла о себе ни с точки зрения проблемы национального освобождения, ни с точки зрения христианской этики. После второй мировой войны отношение к произведению сильно изменилось, и местечко Гога стало, подобно канкаровской долине святого Флориана, характерным словенским отрицательным символом, воплощением саморазрушительных возможностей словенского коллективного сознания, и, таким образом, важной частью национальной мифологии.

Перевод со словенского Н. Стариковой

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Краль Л.* Экспрессионизм. Любляна, 1986. С. 71 и сл.
2. *Вайсштейн У.* Экспрессионизм как интернациональный литературный феномен. Париж; Будапешт, 1973. С. 15 и сл.
3. Jean Weisgerber *Les Avant-gardes litteraires au XX e sciele*, 1–2. Budapest, 1986. S. 72.
4. *Paternu B.* "Problemi expresionizma kot orientacijskega modela" // *Obdobje ekspresionizma v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi*. Ljubljana, 1984. S. 48.
5. *Denkler H.* "Das Drama des Expressionismus" // *Wolfgang Rothe: Expressionismus als Literatur*. Bern; München, 1969. S. 129.
6. *Zdravec F.* Slovenska ekspresionistična literatura. Murska Sobota. Ljubljana, 1993. S. 198.

© 2000 г. В. С. ЕФИМОВА

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В РОЛИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СТАРОСЛАВЯНСКИХ ТЕКСТАХ*

Использование лексем, имеющих адъективный тип склонения и формальную структуру, характерную для прилагательных, при обозначении предмета (субстанции) в широком смысле слова широко распространено в славянских языках. Это явление, в современных славянских языках рассматриваемое обычно в качестве субстантивации прилагательных, в старославянском языке может быть понято и оценено только с учетом ряда обстоятельств. Не претендуя на полное описание “субстантивации” в старославянском языке в относительно небольшой статье, мы попытаемся изложить некоторые соображения по этому поводу.

Трудности, возникающие при исследовании старославянского материала в данном направлении, связаны и с существованием разных общетеоретических подходов к пониманию субстантивации как языкового явления, и со спецификой старославянского языка как языка древнего, мертвого и представленного ограниченным кругом так называемых “классических” старославянских (т. е. древнеболгарских) рукописей X–XI вв.

При анализе старославянских текстов в силу ряда причин, о которых будет сказано ниже, особое значение приобретает отношение к тому, что можно назвать “окказиональной субстантивацией”. В современной литературе встречаем точку зрения, согласно которой субстантивированным (т. е. существительным) считается любое прилагательное, употребленное, хотя бы и окказионально, для обозначения предмета в широком смысле слова [1. С. 239–241; 2]. Вместе с тем существует широко распространенное, укоренившееся представление, восходящее, возможно, ко временам Грамматики Н. И. Греча, что субстантивированным является только такое прилагательное, употребление которого без определяемого существительного становится языковой нормой (см. [3; 4; 5] и др.). По-видимому, оба подхода имеют свои преимущества: первый (сугубо синхронный) сосредоточивает внимание на реализации возможностей, заложенных в системе, другой – на семантических изменениях, сопровождающих процесс субстантивации.

---

* Ефимова Валерий Сергеевна – канд. филол. наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН. Данная статья написана в рамках работ по проекту “Словообразование в старославянском языке”, получившему поддержку Российского гуманитарного научного фонда, грант № 97-04-06160.

В исследованиях старославянского языка, особенно его лексики и словообразования, источником материала призваны служить прежде всего современные словари [6; 7]. Лексика круга собственно старославянских рукописей X–XI вв. (“классический старославянский канон”) описана в изданном в 1994 г. “Старославянском словаре (по рукописям X–XI вв.)” под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой (далее Словарь 1994). “Словарь старославянского языка” (“Slovník jazyka staroslověnského”), издание которого недавно завершено в Праге, как известно, описывает лексику более широкого круга источников. Авторы этих словарей стремятся *отмечать* “субстантивацию” прилагательных и, судя по представленным в словарях результатам, склонны следовать скорее второму из названных подходов к субстантивации, чем первому (хотя нередко отмечаются и единичные, “окказиональные” случаи субстантивного употребления прилагательных).

Так, в Словаре 1994 в статьях на прилагательные достаточно часто видим помету “в знач. *сущ.*”, означающую, что “слово в каких-то отдельных формах употребляется в значении другой части речи” [6. С. 52]. Однако обращение непосредственно к старославянским рукописям показывает, что Словарь 1994 не отмечает такой пометой и половины прилагательных, встречающихся в текстах в указанном значении, т. е. при обозначении предмета в широком смысле слова. Например, в статье на прил. **мрътъвь**, **-ѣи** имеется упомянутая помета (с указанием значения ‘мертвец’) [6. С. 334], а в статье на прил. **живъ**, **-ѣи** такой пометы нет [6. С. 217]. Между тем некоторые контексты свидетельствуют о том, что на данную помету оба прилагательных имеют “равные права”. Ср.: **ѣ живѣиѣи ѣ мрътъвиѣи сѣдѣтель ѣвѣѣтъ сѣ.** (Клоц 11а 1–2 и 2); **чѣто иштѣте живѣаго сѣ мрътъвиѣи** (L 24,5 Мар, Зогр, Ас) и др. Если в словарной статье на **недѣживъ** отмечается “в знач. *сущ.*” (для 1-го значения ‘больной’), то **недѣживъ** квалифицируется только как прилагательное (т. е. такой пометы в статье нет) [6. С. 364]. Но даже приведенные в словарных статьях примеры показывают, что обе лексемы могли иметь одно и то же значение. Ср.: **на недѣживѣи рѣкѣи възложѣтъ** (Мк 16,18 Ас) и **приншоаѣж бо на одрѣѣхъ недѣживѣи.** (Супр 307,15). В некоторых случаях в статье указано на употребление прилагательного в роли существительного только в одном значении, но в текстах встречается и другое значение. Например, в статье на **лѣкѣвиѣ** с пометой “в знач. *сущ.*” и с греческим соответствием **ὁ πονηρός** указано значение ‘дьявол’ [6. С. 319]. Однако в рукописях **лѣкѣвиѣ** встречается и в значении ‘дурной, дурно поступающий человек’. Ср.: **Възненавѣдѣхъ црѣковѣ лѣкѣвиѣхъ . И сѣ нечѣстѣиѣи не сѣдѣ** Ps 25,5 Син (в греческом оригинале **πονηροῦμενος: ἐμίσησα ἐκκλησίαν πονηροῦμενον...**). Может быть указано на употребление в роли существительного только одной (краткой или полной) формы прилагательного, в то время как в рукописях обнаруживается такое употребление обеих форм. Например, в статье на **соѣтъиѣ** пометой “в знач. *сущ.*” отмечены формы **соѣтъиѣно**, **соѣтъиѣнок** (с.) и **соѣтъиѣнаѣ** (с. мн., т. е. полная форма) [6. С. 635]. Ср., однако, субстантивное употребление *краткой* формы этого прилагательного (с. мн.) в следующем тексте: **Соѣтъиѣна гѣла кѣждо кѣ искрѣниѣмоу сѣоѣмоу.** Ps 11,3 Син. Таких примеров из Словаря 1994 можно привести очень большое количество. То же можно сказать и в отношении пражского “Словаря старославянского языка”. Это свидетельствует, конечно, отнюдь не о небрежности составителей в сборе и анализе материала, столь необходимого исследователю=пользователю словаря (например, при изучении механизма номинации в первом славянском литературном языке), а о сложности и неразработанности проблемы, отсутствии ясных критериев, которыми можно было бы руководствоваться при прочтении старославянских текстов.

Если многие случаи субстантивного употребления прилагательных оказались не замеченными авторами словарей, то, напротив, ряд лексем, имеющих в своей структуре специфические аффиксы прилагательных или адъективированных причастий, представлены в них в качестве *существительных*. Например, в качестве существительных (а не в качестве прилагательных с пометой “в знач. *сущ.*”) даны в Словаре 1994 лексемы **БЕЗВОДНА** ‘безводная пустыня’ [6. С. 79], **ВЕЧЕРЬНА** ‘ужин’ [6. С. 114], **ВЪСЕЛКНАГА** (‘обитаемая’) земля, весь мир’ [6. С. 150], **НАСЕЛКНАГА** ‘земля, мир, вселенная’ [6. С. 353], **НАКОВАЛНО** ‘наковальня’ [6. С. 349], **ТАНЬНА** ‘тайна’ [6. С. 686], **ТАНЬНО** ‘тайна’ [6. С. 686], **ОУСТЬНА** ‘губа, рот’ [6. С. 749] и др. Видимо, авторы Словаря 1994 предполагают в подобных случаях высокую степень субстантивации (разрыв с семантикой исходного прилагательного?).¹ Тем не менее вопрос о степени субстантивации (или об “абсолютности субстантивации”) таких прилагательных принципиально не может быть решен. Так, Словарь 1994 отражает факт, что в рукописях, вошедших в “классический старославянский канон” и служивших источником материала для данного словаря, прил. **ТАНЬНЪ** не встречается в роли определений, а только в роли существительного в формах ж.р. ед.ч. **ТАНЬНА** и ср.р. ед.ч. **ТАНЬНО**. Если бы такие сведения имелись в словаре относительно единиц современного живого языка, можно было бы говорить об “абсолютной” субстантивации (т. е. о функционировании в языке лексем только в роли существительных) **ТАНЬНА** и **ТАНЬНО**. Однако в отношении старославянского языка данный вывод не может быть надежным. Более того. В Изборнике 1073 г. (древнерусском списке с несохранившегося древнеболгарского оригинала) находим **ТАНЬНЪ** в функции определения [9]. Учитывая, что лексема **ТАНЬНО** встречается всего 3 раза, причем только в Супрасльской рукописи, а **ТАНЬНА** и вовсе 1 раз, субстантивация этих лексем может оказаться не только не “абсолютной”, но в случае с **ТАНЬНА** даже окказиональной. Лексема **ОУСТЬНА** в значении ‘губа, рот’ зафиксирована в рукописях 36 раз при отсутствии случаев употребления исходного прилагательного. Следовательно, в этом случае “субстантивация” вошла в языковую норму. Однако у нас нет доказательств, что прилагательного **ОУСТЬНЪ** (причем с соответствующей семантикой) не существовало в языковой системе: оно могло просто не попасть в корпус текстов, дошедших до нас в указанных рукописях.

Таким образом, в отношении старославянского материала исследователь лишен возможности провести “второй подход” к субстантивации сколько-нибудь последовательно, так как в этом случае он вступит на зыбкую почву субъективных ощущений. Известно, что в дошедших до нас старославянских рукописях X–XI вв. зафиксирован лишь фрагмент существовавшей в то время языковой системы². Не только значительная часть лексического фонда старославянского языка оказывается недоступной современному исследователю, ограничивающему себя кругом указанных рукописей, но и зафиксированные в рукописях лексемы могли встретиться в них не во всех своих значениях, не говоря уже о невозможности непосредственного обращения к языковому сознанию носителей языка. Следовательно, не может быть уверенности в том, что

¹ Лексемы **ВЕЧЕРЬНА**, **ВЪСЕЛКНАГА**, **НАСЕЛКНАГА**, **НАКОВАЛНО**, **ТАНЬНО**, **ОУСТЬНА** представлены в качестве существительных и в Словаре Л. Садник и Р. Айцетмюллера [8. С. 149, 156, 62, 60, 135, 146]. Лексема **ТАНЬНА** в словнике этого словаря отсутствует, но, возможно, она дана как *сущ.* **ТАНЕННА** (в транслитерации, принятой в этом словаре – *tajbina*) [8. С. 135].

² “В СЯ (старославянском языке – В.Е.), – пишет Р. М. Цейтлин, – было слов во много раз больше, чем их зафиксировано в СП (старославянских памятниках – В.Е.)” [10. С. 31].

кажущееся нам “окказионализмом” на самом деле им является³. Если рассматривать интересующее нас языковое явление в *языковой системе*, а не в словарном корпусе случайно сохранившихся от X–XI вв. рукописей (содержащих лишь небольшую часть того, что было в действительности написано на старославянском языке), в отношении старославянского материала возможен только первый из упомянутых нами подходов, при котором в поле зрения исследователя оказывается любое прилагательное, употребленное для обозначения предмета в широком смысле слова, вне зависимости от зафиксированной частотности “субстантивации” (обозначения предмета в широком смысле слова) и наличия или отсутствия в рукописях исходных прилагательных (т. е. с учетом всех “окказионализмов”).

Говоря о “субстантивации” как о номинации предмета (субстанции) лексемами, имеющими характерную для прилагательных структуру, следует учитывать, что содержание этого явления в старославянском языке не равно субстантивации в современных славянских языках и не может быть понято без учета двух существенных обстоятельств. Первое: старославянский язык находился на той стадии развития языка, когда обнаруживалась значительно бóльшая близость прилагательного и существительного, чем в современных славянских языках (т. е. старославянский язык был значительно ближе к тому состоянию, при котором существительное и прилагательное формально не различались⁴). Второе, связанное с первым: на язык старославянских текстов имел сильное влияние язык их греческих оригиналов, причем в последнем (впрочем, как и в классическом древнегреческом языке) “бывшая общность” категории имени проявлялась в том, что многие лексемы могли употребляться – в зависимости от потребностей текста – как для обозначения признака предмета, так и для обозначения самого предмета. Рассмотрим подробнее, как эти обстоятельства сказывались на интересующем нас языковом явлении.

Как известно, старославянский язык – язык первых письменных славянских текстов достаточно большого объема – знает категории имени прилагательного и имени существительного как самостоятельные части речи, о чем свидетельствуют “специализированные” формальные средства (суффиксы существительных *-ik-*, *-ъc-*, *-tel'* и т. д., суффиксы прилагательных *-iv-*, *-ъn-*, *-ъsk-* и т. д.). Вместе с тем проявления бывшей общности категории имени выражались не только в большой доле лексем с древней формой общеименной суффиксации в словарном корпусе языка, но и в общности для существительных и прилагательных “именного” склонения. Последнее особо важно отметить, так как в текстах в роли существительных встречаются как полные, так и краткие формы прилагательных. Ср., например, перевод греч. $\mu\eta\ \delta\alpha\iota\mu\acute{o}\nu\iota\omicron\nu\ \delta\upsilon\nu\alpha\tau\alpha\iota\ \tau\upsilon\phi\lambda\acute{o}\nu\ \acute{o}\phi\theta\alpha\lambda\mu\acute{o}\upsilon\varsigma\ \acute{\alpha}\nu\omicron\iota\zeta\alpha\iota$; (I 10,21) в Ассеманиевом евангелии и в тетраевангелиях: **Ѧда вѣсъ слѣпънимъ очи отврѣсти можетъ. Ас 23в и еда вѣсъ можетъ слѣпомъ**

³ По этой же причине бессмысленными будут попытки устанавливать степень (или ступень) субстантивации, в том числе указывать на случаи так называемой “абсолютной субстантивации” (когда бывшее прилагательное функционирует в языке только как существительное, омонимичное же прилагательное утрачивается), что небезуспешно делается при исследовании живого современного языка (см., например, [4. С. 5–6; 11]). Затруднительно также надежное определение степени семантического сдвига в субстантивированном прилагательном-существительном по отношению к исходному прилагательному, которое выдвигается некоторыми исследователями в качестве критерия для определения степени субстантивации ([12], см. также [13] и др.).

⁴ Обычно говорят о “бывшей общности”, “первоначальном единстве” категории имени в индоевропейских языках, о “первоначальной недифференцированности существительного и прилагательного” [14; 15; 16] и др. О проявлениях большей близости прилагательного и наречия в старославянском см. [17].

очи отъверъсти. Мар, Зоґр. Таким образом, если “субстантивированные прилагательные” в современных славянских языках могут рассматриваться как “существительные *адъективного склонения*” [1. С. 239–241, 503–504] (следовательно, тип склонения считается основным, определяющим признаком данного явления), в грамматическом строе старославянского языка этот признак в значительной степени “нейтрализован”. Недаром многие лексемы, даже имеющие в своей структуре “специфические” суффиксы прилагательных, но встречающиеся в древних текстах (и позднее в славянских языках) исключительно при обозначении предмета, традиционно воспринимаются исследователями как существительные: **бръвѣно** ‘бревно’, **брашьно** ‘еда’, **тимѣно** ‘ил’ и др. (см., однако [18; 19; 20]). Тем более это относится к словам с древней структурой общеименной суффиксации. В свое время В. Ф. Мареш одному из таких слов посвятил целую статью, в которой показал, что слав. *вдова* является по своему происхождению прилагательным [21]. Позднее Р. М. Цейтлин писала, что не только старославянское **вдова**, но и **дѣва** “представляет собою субстантивацию краткого прилагательного **дѣвъ**, не зафиксированного в языке ст.сл. памятников”, в то время как **дѣва** – “субстантивацию полной формы этого прилагательного” [22]. Тем не менее в Словаре 1994 **вдова**, **дѣва** и **дѣва** представлены как существительные [6. С. 161, 203.], и в отношении **вдова** и **дѣва** это, видимо, справедливо, так как подобные лексемы (а их было немало в лексическом фонде старославянского языка) по существу не являлись ни прилагательными, ни существительными, но просто *именами*, и, следовательно, вряд ли можно говорить здесь о “субстантивации” в том смысле, который обычно вкладывается в это понятие.

Большинство таких наименований с ономаσιологической точки зрения характеризовалось тем, что в чешской лингвистике называют *простым и недифференцированным* ономаσιологическим признаком [23]. С этим иногда связаны некоторые объективные трудности “лингвистического” прочтения и анализа старославянских текстов. Так как исследователь старославянского языка имеет в своем распоряжении только письменные тексты, не имея возможности обращаться непосредственно к языковому сознанию носителей языка, указывать ему на значение “предметности” может, главным образом, синтаксическая позиция лексемы в тексте. Когда лексемы встречаются в синтаксической позиции подлежащего, правых и левых актантов, неконститутивных определителей предиката и неконститутивных непредикатных определителей, они обычно определяются как обозначающие предмет (субстанцию)⁵. Например: **кгда вѣ невогъмъ радовати сѧ... нынѣ же о селищѣ доврѣ не радоужтъ сѧ . но** (так!) **плачтъ сѧ**. Супр 386, 14–15 (в греч: Ἄνθ' ὧν ἔδει χαίρειν τοὺς τάλαντας...); **Сіроу ты вѣди помоштъникъ**. Ps 9,35 Син и т. п. Однако при употреблении таких лексем в составе предиката невозможно, как правило, определить объект их номинации: обозначается признак предмета или сам предмет (недаром В. Ф. Мареш в упомянутой выше статье обратил внимание на то, что **вдова** встречается в старославянских текстах преимущественно в именной части сказуемого!). Ср.: **Бѣдж сѣви его сѣри . И жена его вдова**. Ps 108,9 Син (в греч.:

⁵ Видимо, на предмет (лицо) указывает также и позиция обращения. Этим, возможно, объясняются случаи употребления форм на -е “звательного падежа прилагательных”, о которых писал А. Вайан [24]. Действительно, прилагательные в примерах, приведенных А. Вайаном (и в других подобных), могут быть истолкованы как обозначающие предмет (лицо), а не признак предмета. Ср. в контексте указанных А. Вайаном пример из Луки XII, 20 **безоумне: Рече же емоу вѣ . безоумне . вѣ снѣ поштѣ дшж твоѣх істажаж отъ тебе**. Зоґр.

γεννηθήτωσαν οἱ υἱοὶ αὐτοῦ ὄρφανοὶ καὶ ἡ γυνὴ αὐτοῦ χήρα). Даже тогда, когда такие лексемы соответствуют суффиксальным существительным греческого оригинала, невозможно определить, обозначают ли они предмет (субстанцию) или имеет место некоторое переосмысление греческого текста: Ср., например, употребление лексемы **старь** в соответствии с греч. *πρεσβύτης* в следующем контексте: *ἐγὼ γάρ εἰμι πρεσβύτης* L 1,18 – **азъ бо есмь старь** Мар, Зогр, Ас. Или лексемы **гръвъ** в соответствии с греч. *ιδιώτης*: *οὐκ εἶ Πέτρον καὶ Ἰωάννου ἀγροικότερος*: *οἱ καὶ ιδιώται καὶ ἀγροῖματα ἦσαν* – **нѣси петра и іωанна гръвалн . иже и гръви и некнижници вѣша** Супр 378,28⁶.

Как уже подчеркивалось выше, имена, выступавшие одновременно как прилагательные и существительные, и в том, и в другом случае имели оба типа склонения – как “именной”, так и адъективный. Вместе с тем в старославянских текстах при обозначении предмета чаще, чем краткая, встречается полная форма⁷. Ср.: **Съмыатъть сѧ отъ лица его . Оца сръхъ . и сядьмъ въдовницъ**. Ps 67,6 Син. Или: **господинь домоу . рече рабоу своему . изиди ѡдро на распжити и стьгнѧ града . и ништамъ и вѣдънымъ** (т. е. ‘больных, увечных’) **и хромъмъ и слѣпъмъ введи сѣмо**. Ч. 14,21 Мар., Зогр, Ас, Сав. Ср. также употребление лексемы **старь** в полной форме и с определением: **днесь же въ старыхъ мѣсто . несъмьслъныхъ отроци сръѣтѧ сѣпителѣ** Клоц 1а 34–35 (в греч.: *σήμερον δὲ ἀντὶ πρεσβυτέρων ἀγνομόνων οἱ παῖδες ὑπήντησαν τῷ σωτήρι*)⁸ и т. п. Только потому, что у множества таких лексем, обозначающих в текстах как предмет, так и признак предмета, при обозначении предмета употребляется не только краткая, но и *полная* форма, можно говорить об употреблении *прилагательных* в роли существительных и в отношении лексем с древней структурой общеименной суффиксации. Вместе с тем очевидно, что разница между прилагательным и существительным в языковом сознании носителей языка была значительно меньше, чем у носителей современных славянских языков, поэтому древние книжники с легкостью использовали в роли существительных любые прилагательные, в том числе и малоупотребительные лексемы книжного характера. Здесь мы подходим ко второму важнейшему обстоятельству, определявшему

⁶ Следует отметить, что позиция именной части сказуемого часто оказывается “позицией неразличения” не только для “старых” имен, но и для явных новообразований. Ср., например, употребление лексемы **херовимѣ** в следующем тексте: **вѡажъ іωнфа и никодимѧ . вьсте бо прѣжде херовимъ херовимѣша** (дв.ч.) **вога въ севѣ носаша**. Супр 458,50 (в греч.: ...Γεγονάσι γὰρ πρὸ τῶν Χερουβὶν Χερουβὶν θεὸν ἐν ἑαυτοῖς [ὑψόσαντες καὶ φέροντες]). В словаре 1994 этот пример рассмотрен в отдельной статье на **херовимъ**² (как прилагательное, в отличие от **херовимъ**¹ – существительного) [6. С. 761]. Однако в данном контексте нельзя определить, обозначает ли компаратив **херовимѣ** признак предмета или сам предмет – что-то вроде ‘из херувимов херувим’ (ср., например, обозначение лица в позиции подлежащего в соответствии с греч. ὁ ἡγούμενος ‘начальник’ компаративом **старѣ** в следующем тексте: **да вждеть... старѣ тако слоужа**. L 22,26 Зогр, Мар). Возможно также, что древние книжники никогда не ощущали слово **херовимъ** как прилагательное, а образовали сравнительную степень от существительного, аналогично греч. βασιλεύτερος [25].

⁷ Значение полных и кратких форм прилагательных (в том числе и “субстантивированных” прилагательных) было подробно рассмотрено в работе Н. И. Толстого [26]. Согласно наблюдениям Н. И. Толстого, полная форма последовательно выступает “в тех случаях, когда субстантивированное прилагательное означает лицо или предмет, выступающий в контексте как единичный, уникальнейший... В остальных случаях... употребляются обе формы прилагательного” [26. С. 119]. Более поздние исследования полных и кратких форм прилагательных не вносят, по нашему мнению, принципиально нового по отношению к рассматриваемому здесь вопросу (см. [27; 28; 29] и др.).

⁸ Интересно, что в Супрасльской рукописи в том же месте той же гомплии употреблено суффиксальное существительное: **старьць... несъмьслънь** (Супр 326,12–13).

рассматриваемое нами языковое явление: влиянию на него языка греческих оригиналов старославянских текстов.

Как известно, древние книжники столкнулись с проблемой перевода на славянский язык достаточно сложных по стилю и содержанию греческих текстов, что обуславливало необходимость поиска новых славянских языковых средств. Лексический фонд старославянского языка постоянно пополнялся путем активного словотворчества книжников – создания слов на базе славянских морфем по продуктивным моделям, включения элементов живой народной речи, поморфемного и семантического калькирования и т. п., причем греческий язык оригиналов старославянских текстов был языком, непосредственно включенным в этот процесс (см. [30; 31; 32; 33] и др.). Частью данного процесса представляется и использование прилагательных в роли существительных по мере необходимости, в ходе перевода. Об этом свидетельствует множество случаев употребления для обозначения предмета малочастотных лексем (и даже гапаксов, т. е. единожды зафиксированных в рукописях лексем) книжного характера с морфемной структурой, свойственной прилагательному, и адъективированных причастий. Иногда они оказываются кальками греческих соответствий – имен, употребленных в качестве существительных⁹. Например, *идоложрътъвнаа* (ср. р. мн., ‘жертва, принесенная идолам’) в следующем тексте: *Аще бо кто видить тл... въ трѣвици възлежача . не съвѣсть ли емоу немощноу сщмоу . съзиждеть сѧ ѣсти идоложрътъвнаѣ* 1Сог 8,10 Ен 364–5, в греч.: ...οὐχὶ ἡ συνείδησις αὐτοῦ ἀσθενοῦς ὄντος οἰκοδομηθήσεται εἰς τὸ τὰ εἰδωλῶθρα ἐσθίειν;¹⁰. Или *неразоумьничьнъ (-чи)* в следующем тексте: *обличени же сице неразоумьничьнъчи* (вм. *неразоумьничьнии*) *съпаса нашего* (вм. *съпасоме нашимъ*) . *прѣмьлоша отъ пьрѣнна* . Супр 331,18, в греч.: Ἐλευθέντες δὲ οὕτως οἱ ἀνόητοι ὑπὸ τοῦ σωτήρος ἡμῶν θεοῦ ἐπλάσαντο μὲν τῆς ἀντιλογίας. Или *многоочительнаа* (ср. р. мн., ‘сонм херувимов’): *и видать безъ очню . създавшѧаго многоочительнаа* . Супр 456,4–5, в греч.: καὶ ὀράται ἀφ᾽ ὀφθαλμοῦ οὗ κτίσας τὰ πολύομματα¹¹. Или *непротлъкованок* ‘необъяснимое’: *повѣдажъ таивьнъ . а не протлъкоужъ непротлъкованааго*. Супр 501,24–25, в греч.: κηρύττω τὸ μυστήριον οὐχ ἑρμηνεύω τὸν ἀνερμήνευτον, и мн. др. Даже если такие лексемы встречаются в старославянских рукописях только по одному разу (как приведенные в данных примерах), Словарь 1994 часто не указывает на их употребление в качестве существительных: *идоложрътъвнъ*, *неразоумьничьнъ*, *многоочительнъ* квалифицированы в нем как прилагательные [6. С. 246, 374, 335], а *непротлъкованъ* – как адъективированное причастие (“*прич.-прил.*”) [6. С. 372].

⁹ О субстантивном употреблении прилагательных и других частей речи в греческом языке рассматриваемого периода см., например [34].

¹⁰ Об окказиональности такого наименования жертвенной пищи в тексте Апостола свидетельствуют колебания в древнейших списках – колебания, восходящие, возможно, и к старославянским протографам. Так, при совпадении с Енинским в Слепенском (XII в.) и Шишацком (1324 г.) списках, в Христинопольском списке (XII в.) находим краткую форму *идоложрътъвна*, в Струмицком (XIII в.) – форму ед.ч. *идоложрътъвное*, в Матичином (XIII в.): ...съжидеть се въ идоложрътъвныхъ . части, а в Охридском списке XII в. – субстантивизация адъективированного причастия: ...съзиждеть сѧ . снѣдати *идоложренаа*.

¹¹ В другом списке этой гомилии со старославянского оригинала, сохранившемся в Германовом сборнике 1359 г. и носящем, как показало исследование Д. Ивановой-Мирчевой, следы либо нового перевода, сделанного преславскими книжниками, либо их редакционной правки [35], τὰ πολύομματα также переведено прилагательным в роли существительного, но другим: *и видит сѧ безъ очню създавыи многоочитѧа*. Герм 182а 14.

Вместе с тем во влиянии греческого языка на старославянский в этой сфере (сфере употребления прилагательных в роли существительных) можно усматривать лишь общую тенденцию, определявшую направление словотворчества древних книжников. Указанное выше свойство греческого языка (способность многих лексем употребляться для обозначения как признака предмета, так и самого предмета) хорошо “ложилось” на славянскую почву и соответствовало грамматическому строю самого старославянского языка. Действительно, иногда как будто в старославянских рукописях отражается стремление к максимальному “изоморфизму” при переводе на славянский греческого оригинала. Например, в Саввиной книге в чтении Mt 9,4 находим редкое для старославянских рукописей употребление в роли существительного прил. **неприазнинъ** при переводе греч. **πονηρά** (асс. pl. n., ‘зло’) – формой **неприазнина** (вин. мн. ср.р.): **видѣвъ же ѿ помышлѣннѣ ихъ рече имъ . въскжж помышлѣете въ неприазнина въ срѣци вашемъ** Сав 37а 16, в греч.: **καὶ εἰδὼς Ἰησοῦς τὰς ἐνθυμήσεις αὐτῶν εἶπεν ἰνατί [ὑμεῖς] ἐνθυμείσθε **πονηρά** ἐν ταῖς καρδίαις ὑμῶν;** (при этом в других старославянских кодексах – Зографском, Мариинском и Ассеманиевом – находим обычно употреблявшееся для обозначения этого понятия в старославянском языке древнее имя, функционировавшее как в качестве прилагательного, так и существительного, в форме ср.р. ед.ч. **зъло**: **ѿ видѣвъ ѿ помыслениѣ ихъ рече . въскжж въ мыслѣнѣ зъло . въ срѣдцихъ вашихъ**). Однако можно привести немало примеров, когда прилагательные в роли существительных (в том числе и малочастотные лексемы) далеки от калькирования своих греческих соответствий (не исключено, конечно, что они являлись кальками в недошедших до нас старославянских текстах, но в известных нам рукописях выступают как независимые от греческого оригинала лексемы). Ср., например, употребление композиты **инновѣрънъ** (в старославянских рукописях встречается единственный раз) при переводе греч. **αἰρετικός** – суффиксального имени, функционировавшего как в качестве прилагательного, так и существительного (ср. **αἰρετίζειν** ‘избирать’): **мнози во отъ инновѣрънънхъ глаголютъ . ѿко не тьчьнъ стьнъ отьцоу**. Супр 303,9, в греч.: **Πολλοὶ μὲν γὰρ τῶν αἰρετικῶν λέγουσιν· ὅτι οὐχ ὁμοῖος ὁ Υἱὸς τῷ Πατρὶ**. Или композиты **зълочьстьнъ** при переводе префиксального имени **δυσσεβής**: **сватъин отьць наш (так!) . нсакин . пристъпи къ зълочьстьноуоумоу глагола . цѣсароу...** Супр 191,27–28, в греч.: **ὁ ἅγιος πατὴρ ἡμῶν Ἰσαάκιος πρόσεισι τῷ δυσσεβεῖ λέγων “Βασιλεῦ, ...”**. Или прил. **страшнъ** при переводе компаратива **δειλότερος**: **а страшнъла** (вин. мн.) **дръзъ творѣше поощтаа ѿ . не воати са нъ радовати**. Супр 98,23, в греч.: **τοὺς δὲ δειλοτέρους παρεθάρσυνε παραινῶν μὴ δειλιᾶν ἀλλὰ χαιρεῖν** и мн. др.

О характере влияния на старославянский язык языка греческих оригиналов в отношении рассматриваемого явления многое может сказать, как кажется, и сопоставление прилагательных, употребляемых в роли существительных, с суффиксальными существительными как представляющими два конкурирующих способа номинации. В старославянских текстах часто встречаем перевод одного и того же греческого слова как прилагательным в роли существительного, так и одноосновным суффиксальным существительным. Например, в списке гомилии Иоанна Златоуста “Об апостоле Фоме и против ариан” в составе Супрасльской рукописи прил. **инновъзъчьнъ** употреблено в роли существительного при переводе **ὁ βάρβαρος**: **ѿже имашѣ просимъ оу тебе . ...ѿже хощѣши видѣти чакмъ . инновъзъчьна оставьша . ариа отъгънана...** Супр 513,8, в греч.: **...ἃ θέλεις ἰδεῖν ἐπιθυμοῦμεν τὸν βάρβαρον ἡττηθέντα· τὸν Ἄρειον ἐλαθέντα...** В той же гомилии, буквально на предыдущем листе **ὁ βάρβαρος** переведено суф-

фиксальным **инноазычъникъ**: въ кон приа инноазычъника плѣнъ. Супр 512,6, в греч.: εἰς ἣν ὑπεδέξω τοῦ βαρβάρου τὰ λάφυρα;. Прилагательное в роли существительного и одноосновное суффиксальное существительное могут быть текстологическими дублетами. Например, **слѣпъ(чи)** и **слѣпъць** при переводе ὁ τυφλός в чтении I 11,37: οὐκ ἔδύνατο οὗτος ὁ ἀνοίξας τοὺς ὀφθαλμοὺς τοῦ τυφλοῦ ποιῆσαι ἵνα καὶ οὗτος μὴ ἀποθάνῃ; В Мариинском, Зографском и Ассеманиевом кодексах: **не можааше ли съ отврѣзчи очи слѣпоумоу сътворити да и съ не оумьретъ**; в Саввиной книге (83а 14–15): **не можааше ли съ отврѣзчи очи слѣпъцю...** и мн. др. Для старославянского языка характерны такие пары при наименованиях **лица**. Обычно это 1) прилагательные с суффиксом **-ьп-** и существительные с суффиксом **-ик-** (типа **грѣшьнъ(чи)** — **грѣшьникъ**) и 2) бессуффиксальные (на уровне старославянского языка) прилагательные или прилагательные с непродуктивными суффиксами и существительные с суффиксом **-ьс-** (типа **слѣпъ(чи)** — **слѣпъць**)¹². О существовании суффиксальных существительных в качестве наименований лица в старославянском языке хорошо известно. Слова с “формантами” **-ьникъ**, **-кникъ**, **-(и)тель**, **-ьць**, **-арь**, **-чин**, **-ьца**, **-ота**, **-атан** и **-тан** — как представляющие наиболее продуктивные модели — были описаны в известной монографии Р. М. Цейтлин [10]. По подсчетам Р. М. Цейтлин, в старославянских рукописях встречается 134 существительных “с формантом” **-ьникъ** [10. С. 90], 87 — “с формантом” **-ьць** (большинство из которых композиты, от прилагательных образовано всего 10 лексем) [10. С. 115]. Наличие в старославянских (а также и более поздних) рукописях параллельных образований (прилагательное — суффиксальное существительное), обозначающих лицо, также давно замечено палеославистами. Однако вопрос о том, в какой мере это явление обусловлено языком греческих оригиналов, требует особого рассмотрения. В свое время Р. М. Цейтлин, отметив, что существительные с формантом **-ьникъ** “часто употребляются параллельно с однокоренными субстантивированными прилагательными”, писала: “Такое употребление прилагательных — одна из характерных черт СЯ [т. е. старославянского языка — В.Е.], сформировавшихся под влиянием греческого” [10. С. 94] (курсив мой — В.Е.). Представляется, что такое утверждение верно лишь отчасти. Как было показано выше, язык греческого оригинала часто служил “образцом” при создании нового наименования (в том числе и лица), необходимого в процессе перевода. Но и тогда влияние было не всегда прямым, но выражалось в общей тенденции к употреблению прилагательных в роли существительных, иницируя возможности, присущие самой славянской основе старославянского языка. Рассмотрим, например, использование прил. **гровьни** для наименования лица (οἱ ἐν Ἰαδῆ) в тексте “Епифаниевой гомилии” в составе Супрасльской рукописи. В Словаре 1994 **гровьнъ** квалифицировано только как прилагательное, при этом 2-ое значение (‘преисподний’) иллюстрировано двумя примерами [6. С. 178] (оба примера взяты из “Епифаниевой гомилии”). В первом примере **послѣдоуѣште богови и господи на гровьнага и всен земли глвѣшага** (Супр 464, 3–4) **гровьнъ** употреблено как прилагательное, будучи определением к сущ. **жилишта** (вин. мн.), оставшемуся за пределами неудачно сокращенной цитаты (которую следовало бы дать в следующем виде: **и послѣдоуѣште богови и господи на гровьнага и всен земли глвѣшага : оумьршнимъ отъ вѣка подъ земькѣж жилишта** — в греч. ἐπὶ τὰ ἐν ἄδεια... οἰκητήρια). Во втором же примере (**тоу самъ**

¹² Однако можно указать и такую пару: **поганъ** (Мт 18,17 Сав 29б 12 и др.) — **поганинъ** (Супр 560,21, т. е. существительное с суффиксом **-ин-**).

иванъ...) **такъ въ тьмнѣхъ ложеснѣхъ хѣа проповѣдалъ гровьныи въсѣмь.** (Супр 461,10) **гровьнъ** выступает в роли существительного, так как “гровьныи” названы лица, “те, кто находится в преисподней”, при переводе греч. τοῖς ἐν Ἄιδῃ. Другой список этой гомилии – в составе Германова сборника 1359 г. (список со старославянского оригинала, но не включенный в “старославянский канон” как поздний) – сохранил буквальный перевод τοῖς ἐν Ἄιδῃ: **(въсѣмь) сжциимъ въ адѣ** (Герм 1876 7), что указывает на “оказиональность” употребления прил. **гровьнъ** при обозначении лица в переводе, представленном в Супрасльской рукописи.

Более того. Некоторые наблюдения над наименованиями лица в старославянских текстах указывают на *зависимость* в выборе способа номинации – употребление прилагательного в роли существительного или суффиксация – не столько от греческого соответствия, сколько от *семантики* наименования лица и морфемной структуры исходного прилагательного, проявляющуюся не строго, но как “тенденция к предпочтению”. Среди наименований лица *по характерному признаку* обнаруживается большая группа прилагательных, не вычлениющих в своей структуре продуктивных суффиксов: **благъ(ын)** (Mt 5,45 и др.), **богатъ(ын)** (Ps 9,29 и мн. др.), **боун** (Евх 45 b 4 и др.), **глоухъ(ын)** (Евх 53a 23 и мн. др.), **добръ(ын)** (Mt 5,45 Сав), **дрьзъ** (Супр 46,16), **живъ(ын)** (Клоц 11a 1–2 и др.), **зълъ(ын)** (Mt 5,45 и мн. др.), **лѣжин** (Супр 329,8 и др.), **мрътв(ын)** (L 24,5 и мн. др.), **небогъ(ын)** (Супр 386,14–15; 389,11), **нищъ(ин)** (Ps 9,30 и мн. др.), **нѣмъ(ын)** (Mt 9,33 и мн. др.), **поганъ(ын)** (Mt 6,32 и др.), **правъин** (Ps 34,21), **сватъ(ын)** (Супр 216,30 и мн. др.), **сиръ(ын)** (Ps 67,6 и др.), **слѣпъ(ын)** (I 10,21 и мн. др.), **старъ(ын)** (Клоц 1a 34–35 и др.), **соухъ(ын)** (I 5,3), **сѣдравъ(ын)** (Mk 2,17), **тоуждъ(ин)/шоуждъ(ин)** (I 10,5 ‘незнакомец’, Супр 360,6–7 ‘чужестранец’ и др.), **оубогъ(ын)** (Ps 9,31 и мн. др.), **хромъ(ын)** (L 14,21 и мн. др.). Многие из таких лексем имеют высокую частотность в старославянских рукописях и представляются “старыми” наименованиями лица, вошедшими в старославянский язык из его народной основы (хотя в ряде случаев могло иметь место переосмысление их значений, как, например, в случае с **сватъ(ын)** [36]), – также как и имена со значением предметности в форме ср.р. ед. и мн. ч. (**благо**, **благое**, **благага**, **добро**, **доброж**, **зъло**, **зълж**, **зълага**, **лютага** ‘страдание’, **сватга** ‘святилище’). Суффиксальные наименования лица от прилагательных такой структуры (не содержащих продуктивных суффиксов) образуются с помощью суффикса -ьс-. Эти 10 слов указаны в монографии Р. М. Цейтлин: **близньць**, **лютьць**, **мрътвьць**, **сватцьць**, **слѣпцьць**, **старцьць**, **хромцьць**, **хытрьцьць**, **чрьньцьць**, **юньцьць** [10. С. 107–109]. Из них только **лютьцьць** ‘злой, жестокий человек’, **мрътвьцьць** ‘мертвец’, **сватцьцьць** ‘святой’, **слѣпцьцьць** ‘слепой’, и **хромцьцьць** ‘хромой’ называют лицо *по характерному признаку*. **Старцьцьць** ‘старейшина’, **хытрьцьцьць** ‘мастер’ и **чрьньцьцьць** ‘монах’ имеют в структуре своего значения указание на социальное положение, **близньцьцьць** – прозвище апостола Фомы, а **юньцьцьць** – наименование ‘молодого быка’. Более того. **Лютьцьцьць**, **сватцьцьцьць** и **хромцьцьцьць** являются гапаксами (встречаются в старославянских рукописях только по одному разу) – при широком распространении **сватъ(ын)** и **хромъ(ын)** в качестве наименований лица. Только **мрътвьцьцьць** и **слѣпцьцьцьць** представляются в некоторой степени “укорененными” в языке (**мрътвьцьцьцьць** встречается 19 раз, **слѣпцьцьцьцьць** – 32 раза), однако и здесь **мрътвъ(ын)** и **слѣпъ(ын)**, переводящие при наименованиях лица те же греческие соответствия νεκρός и τυφλός, что и суффиксальные существительные, являются более частотными. Так, по нашим подсчетам, только в евангельских кодексах **мрътвъ(ын)** при наименованиях

лица употреблено 114 раз (в том числе и в переносном смысле), в то время как **мрътвьць** встречается в них лишь 6 раз.

Тенденция к предпочтению прилагательного в роли существительного при наименовании лица *по характерному признаку* обнаруживает себя и в случаях образования таких наименований от прилагательных, имеющих продуктивные суффиксы. Рассмотрим, например, наименования в старославянских рукописях всяких “болящих”. Со значением ‘больной’ имеется, кажется, только одно суффиксальное существительное – **недѣжъникъ**, употребленное всего 3 раза (в двух евангельских чтениях, Mk 6,5 и Mk 16,18) при переводе греч. ἄρρωστος. Значительно более частотно при наименовании ‘больного человека’ прил. **недѣжънъ**, которое, по нашим подсчетам, только в евангельских кодексах употребляется в этом значении 23 раза, и не только при переводе греч. ἄρρωστος, но и синонимичных ἀσθενής, ἀσθενῶν, ὁ κακῶς ἔχων. И даже в указанном выше чтении Mk 16,18: ἐπὶ ἀρρώστους χεῖρας ἐπιθήσουσιν καὶ καλῶς ἔξουσιν имеется колебание: *на недѣжъникы рѣкы възложатъ . и съдрави бѣтъ* (вм. *бѣдѣтъ*) в Мариинском кодексе – *на недѣжъныа рѣкѣи възложатъ . и съдрави бѣдѣтъ* в Ассеманиевом (154а 29–154б 1). Кроме того, ‘больного человека’ в старославянских рукописях называют прилагательные **вольныи** (Евх 27а 2; Супр 531,20), **волѣзъныи** (Супр 556,4; 568,4–5), **немоцъныи** (Евх 39б 2–3), **вѣдъныи** (L 14,21; Mt 15,31 Мар). Например: *Да оуже вси иже въ градѣ . и въ окръжъниихъ всѣхъ живѣштин . больныа свои приношаахъ к нему Супр 531,20* (в греч: Πάντες τοίνυν οἱ τὴν πόλιν καὶ τὴν περιχώρον οἰκοῦντες τοὺς ἀρρώστους αὐτῶν ἔφερον πρὸς αὐτόν.); *отъвсѣдоу съвбраахъ са к нему . волѣзъныи . и врѣдъ имѣштин . и наслажъни отъ лѣкавааго вѣса. Супр 556,4* (греч. нет.); *и ицѣли ѡ. вѣко народоу дивити са . видѣше нѣмты гѣиштин . вѣдъныа съдрави... Mt 15,31 Мар* (в греч.: καὶ ἐθεράλευσεν αὐτοὺς ὥστε τὸν ὄχλον [τοὺς ὄχλους] θαυμάσαι βλέποντας κωφοὺς λαλοῦντας· κυλλοὺς ὑγιεῖς...). Довольно часто при наименовании ‘больного человека’ употребляется и адъективированное причастие **волан**. Ср. в чтении Mt 8,16 καὶ πάντα τοὺς κακῶς ἔχοντας ἐθεράλευσεν: *и вса недѣжъныа ицѣли в Мар и Зогр, и всѣхъ воланнѣхъ ицѣли в Сав*. Вместе с тем, больные, страдающие *конкретными недугами*, тоже называются прилагательными и адъективированными причастиями в роли существительных: **строупивъи** ‘прокаженный’ (Евх 53б 3), **пѣготивъи** ‘прокаженный’ (Супр 387, 21–22), **водънотрѣдovitъ** ‘больной водянойкой’ – (в оглавлениях Зогр 130а 20 и Мар 76б 31), **вѣсьныи** ‘одержимый злым духом’ (Mt 4,24 и мн. др.), **раслабакъныи** ‘парализованный’ (Супр 387,30; 518,22–23), **прокаженъи** ‘прокаженный’ (Mt 10,8 и мн. др.).

Вопрос о выборе способа номинации в наименованиях лица представляется заслуживающим дальнейших исследований. Пока не очень ясны, например, причины некоторых замен при редактировании (в эпоху старославянского языка) переводов библейских текстов. Так, в списках, отражающих так наз. “вторую” (преславскую) редакцию Апостола, находим замену **грѣшьникъ** на **грѣшьныи**. Например, в чтении Gal 2,17: **вѣрѣтомъ** (вм. **вѣрѣтохомъ**) **са** и **мы** **грѣшьници** Охр, Слепч, Толк, Мат – ... **грѣшьнии** в Толст. Интересен в связи с этим факт почти исключительной передачи греч. ἀμαρτωλός существительным **грѣшьникъ** в евангельских кодексах: мы отметили только одно употребление прилагательного – в чтении L 6,32 в Саввиной книге: *и грѣшьнии во любѣцѣи ихъ любѣтъ* (в других старославянских кодексах здесь **грѣшьници**) – при том, что **грѣшьникъ** встречается не менее 70 раз. С другой стороны, ἀμαρτωλός часто переводится прилагательным **грѣшьныи** в Синайской псалтыри. Например, Ps

9,24: ὅτι ἐλαίνεῖται ὁ ἁμαρτωλὸς ἐν ταῖς ἐπιθυμίαις τῆς ψυχῆς αὐτοῦ – ёко хвалімъ естѣ грѣшьнои въ похотехѣ дѣша своєи Син. Однако, возможно, между грѣшьникъ и грѣшьни были тонкие различия в значениях.

В заключение укажем ряд прилагательных и адъективированных причастий, замеченных нами в старославянских рукописях "в значении существительных", но не отмеченных такой пометой в Словаре 1994 (в целях экономии места всегда даем только один адрес): бесплътныи (Супр 340,8), безоумнаа (ср.р. мн.ч., Супр 448,16), благовѣрныи (Супр 85,11), благъ(ыи) (Mt 5,45), блаженъ(ыи) (Супр 95,30), богатъ(ыи) (Ps 9,29), богородныи (Супр 327,3), волан (L 9,2), больныи (Супр 531,20), волѣзньныи (Супр 568,4-5), воун (Евх 45 b 4), вѣдныи 'больной' (L 14,21), вѣсьныи 'одержимый злым духом' (Mt 4,24), велици(ни) (мн.ч., Mk 10,42), водьнотрждовитъ (Зопр 130a 20), вьньмьши (Супр 423,23), възлюбакнъ (Супр 320,2), вѣрныи (Супр 539,10), вѣроуши (Евх 19b 22), глюхъ(ыи) (Евх 53a 23), горк, горкк (комр., Mk 5,26), гробныи (Супр 461,10), гжгънивныи (Супр 456,28), довлан (комр., Супр 533,16), добръ(ыи) (Mt 5,45), домашьнии (Mt 10,36 Зопр), домашьнии (Mt 10,36 Мар), доушиа (ж.р., Mt 24,19), дръзъ (Супр 46,16), дръзѣи (комр., Супр 98,21), доуховнок (Супр 84,17), доушеоуспѣшнаа (ср.р. мн.ч., Супр 534,17-18), жестокосръдивныи (Супр 324,16), живъ(ыи) (Клоц 11a 1-2), жрътвено (ср.р. ед.ч., Супр 98,3), жадѣнок (ср.р. ед.ч., Супр 500,14), завистьливныи (Супр 340,23), законопрѣстѣпныи (Ps 25,4), земьскаа (ср.р. мн.ч., Клоц 8b 26-27), земьнии (мн.ч., Супр 484,19), зъванныи (Супр 267,5), зълонивъ(ыи) (Ps 63,3), зълонивѣсьныи (Супр 182,28), зълосъмрътъныи (Супр 111,28-29), зълочьстьныи (Супр 191,27-28), зълъ(ыи) (Mt 5,45), идоложрътвнаа (ср.р. мн.ч., ICor 8,10 Ен), иновѣрныи (Супр 303,9), иномысльныи (Ps 67,7), иноязътычъ (Супр 513,8), истовныи (Супр 329,8), каменьнок (Mk 4,4), которичъ (Супр 46,16), лъжни (Супр 329,8), лъстивныи (Супр 58,10), лжкавьныи 'дурной, дурно поступающий человек' (Ps 25,5), любвьнаа (ср.р. мн.ч., Супр 524,9), лютыи (дв.ч., Супр 211,1), милостивныи (Mt 5,7), мъногоочительнаа (ср.р. мн.ч., Супр 456,4-5), мъногоочитныи (Супр 458,15-16), небесьскаа (ср.р. мн.ч., Клоц 8b 26), небогъ(ыи) (Супр 389,11), невидимыи (Супр 459,2-3), невѣмѣстимыи (Супр 248,29), недѣжвныи (Супр 307,15), незълонивъ (Ps 24,21), немилостивныи (Супр 374,26), немоцныи (Евх 39b 2-3), немоцнѣи (комр., Клоц 2a 13-14), немлченныи (Супр 459,4), ненавидан (Ps 68,15), небисканъ (Супр 499,9), неосжженныи (Супр 477,6-7), неповиньныи (Mt 12,7), непослоушьливныи (Евх 45b 4), неподобныи (Супр 153,24), непразднаа (ж.р., Mt 24,19), неприазниа (ср.р. мн.ч., Mt 9,4 Сав), непротлъкованок (Супр 501,24-25), непрѣклоньныи (Евх 2a 12), неразоумьничьныи (Супр 331,18), несъвѣстьнаа (ср.р. мн.ч., Евх 68b 15-16), несъзъданныи (Евх 2a 14-15), несъмьсльныи (Ps 48,11), неоудръжанаа (ср.р. мн.ч., 497,2), нечисто (Евх 19a 23), нечисток (Евх 19b 3), нечьствныи (Ps 9,23), ниць(ни) (Ps 9,30), новоосвѣщенныи (Супр 507,23), новопристѣпивныи (Супр 283,14), новоприходан (Супр 284,15), нѣмъ(ыи) (Mt 9,33), обидьливъ(ыи) (Mt 5,45 Сав), обоукнъ(ыи) (Супр 75,4), обьченаа (ср.р. мн.ч., Супр 134,9), окованныи (Ps 67,7), ослоушьливныи (Супр 320,28-29), осжженныи (Клоц 13a 30), тьцетьнаа (ср.р. мн.ч., Ps 2,1), окржгънии (мн.ч., Супр 531,19), падъшни (Супр 314,28-29), повелѣнаа (L 17,9), повелѣннаа (L 17,9 Сав), подъзаконьныи (Супр 416,23-24), послоушьяни (Клоц 9b 2-3), послоушьливныи (Евх 45b 2), правовѣрныи (Супр 190, 24-25), послѣдънии (L 13,30), правныи (Ps 24,21), приснѣи (комр., Супр 83,20-21), прозьрѣвныи (I 9,18), прокаженныи (Mt 10,8), прѣ-

въспръна (Ps 103,2), прѣвъспръна (Ps 103,13), прѣвъшыни (Супр 449,14), прѣдъни (L 13,30), прѣдъстоан (L 19,24), прѣстоан (Супр 48,2), прѣисподъни (Супр 484,19–20), поуценага (ж.р. L 16,18 Мар, поуценица Зогр), пѣготивън (Супр 387,21–22), пѣшь (Супр 90,7), радостънага (ср.р. мн.ч., Евх 65b 17), раславакнън (Супр 387,30), расъмотрънвнън (Хил ПАа 19–20), сановитън (Супр 561,25), свободънън (Супр 57,25–26), свободнага (ж.р., Gal 4,22 Ен), сианън (L 1,52), сиръ (ън) (Ps 67,6), сквръньо (Евх 19a 22–23), старъ (ън) (Клоц 1a 34–35), страшнвнън (Супр 98,23), строупнвнън (Евх 53b 3), соуровън (Супр 211,1, дв.ч.), соухъ (ън) (I 5,3), соукътна (ср.р. мн.ч., Ps 11,3), съвѣстьнага (ср.р. мн.ч., Евх 68b 15), съвѣщанага (ср.р. мн.ч., Клоц 9b 2), съдравъ (ън) (Мк 2,17), съмѣркиъ (ън) (L 1,52), съноузынъ (Супр 90,7–8), тоуждъ (ни) / цоуждъ (ни) (I 10,5 'незнакомец'), тажышага (комр. ср.р. мн.ч., Mt 23,23), оуловън (Супр 328,27–28), оумръцивалкнън (Ps 78,11), хромъ (ън) (L 14,21), хоудосианън (Евх 45b 5–6), хоудоуъмън (Евх 45b 4–5), чловѣчьскок (Супр 293,14), жродивок (Супр 183,1) и др.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Ас – Ассеманиево евангелие
 Евх – Синайский евхологий
 Ен – Енинский апостол
 Зогр – Зографское евангелие
 Клоц – Сборник Клоца
 Мар – Маринское евангелие
 Мат – Матичин апостол XIII в.
 Охр – Охридский апостол XII в.
 Сав – Саввина книга
 Син – Синайская псалтырь
 Супр – Супрасльская рукопись
 Слепч – Слепченский апостол XII в.
 Толк – Толковый апостол 1220 г.
 Толст – Толстовский апостол XIV в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русская грамматика. М., 1982. Т. I.
2. Лопатин В.В. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке // Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967. С. 215–216.
3. Греч Н.И. Практическая русская грамматика. СПб., 1834. С. 319.
4. Барзилович А.М. Субстантивация прилагательных в русском языке. Автореферат дисс... канд. филол. наук: Киев, 1952.
5. Георгиева В.Л. О субстантивации как языковом явлении. Ученые записки ЛГПИ. Л., 1963. Т. 242. С. 103.
6. Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.
7. Slovník jazyka staroslověnskeho. Praha, 1968–1998. Т. I–IV.
8. Sadnik L., Aitzetmüller R. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955.
9. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. В 3 т. М., 1989. Т. III. С. 912.
10. Цейтлин Р.М. Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М., 1977.
11. Ройзензон Л.И. К типологии субстантивированных прилагательных и причастий в русском языке // Труды Самаркандского гос. ун-та. Самарканд, 1962. Вып. 118. С. 123–133.
12. Голубева Н.П. Изменения лексико-грамматических признаков прилагательных, связанные с субстантивацией. Автореферат дисс... канд. филол. наук. Киев, 1963. С. 3–6.
13. Носкова В.В. К вопросу о субстантивации относительных прилагательных и их соотношения с суффиксальными существительными // Ученые записки МГПИ им. В.И.Ленина. М., 1971. Т. 423. С. 23.
14. Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980. С. 167–168.

15. *Жирмунский В.М.* Происхождение категории прилагательных в индоевропейских языках в сравнительно-грамматическом освещении // Известия АН СССР. ОЛЯ. М., 1946. Т. V. Вып. 3. С. 183–203.
16. *Серебренников Б.А.* Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974. С. 178–179.
17. *Ефимова В.С.* Об употреблении непроизводных наречий в языке старославянских рукописей // *Palaeobulgarica*. 1991. № 2. С. 32–36.
18. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974 –. Вып. 3. С. 73; Вып. 2. С. 212–213.
19. *Ślawski F.* Słownik prasłowiański. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego. Wrocław, 1974, s. 136–137.
20. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М., 1986–1987. Т. IV. С. 58.
21. *Мареш В.Ф.* Славянское *вдова* – *вдовица* // Вопросы славянского языкознания. М., 1961. Вып. 5. С. 138–148.
22. *Цейтлин Р.М.* Заметки по старославянской лексикологии // *Этимология*. 1971. М., 1973. С. 105–106.
23. *Dokulil M.* Tvoření slov v češtině. Praha, 1962. Т. I. S. 34.
24. *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М., 1952. С. 148–149.
25. *Шантрен П.* Историческая морфология греческого языка. М., 1953. С. 96.
26. *Толстой Н.И.* Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке // Вопросы славянского языкознания. М., 1957. Вып. 2.
27. *Holk, van A.G.F.* Definite and Indefinite in Old Church Slavonic // Dutch contributions to the fifth International Congress of slavists. The Hague, 1963.
28. [*Санишков В.З.*] Согласованное определение // Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. М., 1978. С. 163–173.
29. *Марков В.М.* К вопросу о происхождении “полных” прилагательных // История русского языка. Словообразование и формообразование. Сборник материалов, посвященный 70-летию проф. Казанского университета В. М. Маркова. Казань, 1997. С. 10–20.
30. *Schumann K.* Die griechischen Lehnbildungen und Lehnbedeutungen im Altbulgarischen. Berlin, 1958.
31. *Molnár N.* The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts. Budapest, 1985.
32. *Верещагин Е.М.* История возникновения древнего общеславянского литературного языка. М., 1997.
33. *Ефимова В.С.* О некоторых тенденциях развития первого литературного языка славян в произведениях древнеболгарских писателей (на материале отадъективных наречий) // Проблемы славянской диахронической социолингвистики: динамика литературно-языковой нормы (в печати).
34. *Blass F., Debrunner A.* A Greek grammar of the New Testament and other early Christian literature. Cambridge, 1961. P. 138–140.
35. *Иванова-Мирчева Д., Икономова Ж.* Хомплията на Епифаний за слизанито в ада (неизвестен старобългарски превод). София, 1975. С. 19–39.
36. *Топоров В.Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1995. Т. I. С. 441–490.

© 2000 г. А.С. СТЫКАЛИН

СОВЕТСКО-ЮГОСЛАВСКАЯ ПОЛЕМИКА ВОКРУГ СУДЬБЫ "ГРУППЫ И. НАДЯ" И ПОЗИЦИЯ РУМУНСКОГО РУКОВОДСТВА (НОЯБРЬ–ДЕКАБРЬ 1956 ГОДА)

Как известно, успешно развивавшиеся в первые послевоенные годы отношения между СССР и Югославией резко ухудшились в 1948 г. Значение советско-югославского конфликта, в последние годы хорошо изученного в обстоятельных работах Л.Я. Гибианского (см., в частности, [1]), далеко перешагнуло рамки двусторонних связей. Это событие, произошедшее в разгар "холодной войны", вывело ее как бы на новый виток, приведя к значительному усилению напряженности в Европе. Поскольку обвинения, предъявленные Московью режиму И. Тито, ставились в подчеркнутую взаимосвязь с политикой западных держав и были призваны служить ее дискредитации, советско-югославский конфликт оказал известное влияние на обострение отношений СССР с его недавними союзниками по антигитлеровской коалиции и создание блока НАТО.

В результате советско-югославского конфликта происходят определенные изменения и в характере отношений между СССР и странами советской сферы влияния. "Народно-демократические" режимы Центральной и Юго-Восточной Европы с помощью созданного в 1947 г. Коминформа были жестко связаны с внешней политикой СССР, приняли активное участие в шумной антиюгославской пропагандистской кампании, по сути дела психологической войне, в ходе которой страна, к 1948 г. наиболее далеко продвинувшаяся на пути "социалистического строительства" по советскому образцу, была неожиданно для многих объявлена находящейся во власти "шпионов и убийц". Хотя Организация Варшавского договора была образована только в 1955 г., фактически уже с конца 1940-х годов началось формирование под эгидой СССР военного блока восточноевропейских государств, имевшего в то время не только антизападную, но и не менее ярко выраженную антиюгославскую направленность. После состоявшегося в сентябре 1949 г. в Будапеште судебного процесса над Л. Райком и его товарищами, на котором некоторые видные деятели венгерского коммунистического движения были обвинены в подрывной антигосударственной деятельности в пользу режима Тито, венгерско-югославская граница стала ареной сосредоточения большого количества войск и боевой техники, возникла реальная угроза перерастания психологической войны в вооруженный конфликт внутри социалистического лагеря.

Только со смертью Сталина 5 марта 1953 г. появляются предпосылки для нормализации отношений между СССР и его союзниками, с одной стороны, и Югославией – с другой. При этом в постсталинском "коллективном руководстве" КПСС существовали серьезные разногласия в вопросе о перспективах советско-югославских отно-

---

Стыкалин Александр Сергеевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Работа выполнена при поддержке Института "Открытое общество" по программе "The Research Support Scheme (грант № 282/1998).

шений. В.М. Молотов говорил о необходимости нормализации отношений с Югославией как с "буржуазным" государством. Но большинство членов советского руководства, включая Н.С. Хрущева, придерживалось иной платформы. Подвергая критике сформировавшийся с начала 1950-х годов югославский "самоуправленческий социализм" за отступление от "образцовой" советской модели, эти лидеры в то же время не оспаривали социалистического характера общественных отношений в Югославии, причисляли ее к государствам, строящим социализм. Белградская встреча советских и югославских лидеров в начале лета 1955 г. продемонстрировала стремление руководства КПСС пойти на гораздо более решительное, чем предполагалось в 1953 г., сближение с режимом Тито. В качестве программы-максимум в это время всерьез рассматривался даже вопрос о присоединении Югославии к только что образованной Организации Варшавского договора. Избранный югославским руководством курс на неприсоединение к военным блокам (Югославия, как известно, явилась в середине 1950-х годов одним из инициаторов движения неприсоединения) заставил лидеров КПСС быстро отбросить эту идею. Вместе с тем во второй половине 1955 – первой половине 1956 г. заметно активизируются двусторонние экономические, торговые, культурные связи. Начавшийся процесс сближения достиг кульминации в июне 1956 г., когда Тито совершил 20-дневную поездку по СССР. Многотысячный митинг советско-югославской дружбы на московском стадионе "Динамо" призван был символизировать полное преодоление взаимного недоверия.

Но развитие событий начиная с середины 1956 г. привело к новому заметному охлаждению в отношениях двух стран. XX съезд КПСС, как известно, способствовал усилению реформаторских тенденций не только в КПСС, но и в мировом коммунистическом движении. При этом характерно, что коммунисты-реформаторы разных стран (активисты Кружка Петефи в Венгрии и т.д.), критикуя политическую практику сталинской эпохи, нередко противопоставляли советскому опыту (равно как и опыту других восточноевропейских государств) идеализировавшуюся ими югославскую модель социализма. На это неизменно указывалось в донесениях советских посольств из большинства восточноевропейских столиц. И в СССР силы, выступавшие за обновление социализма, проявляли немалый интерес к югославскому опыту. Из многих закрытых партийных документов середины 1956 г. однозначно явствует, что руководство КПСС видело опасность формирования в лице Югославии альтернативного идеологического центра в мировом коммунистическом движении, создающего реальную угрозу раскола в нем.

К принципиальному ухудшению отношений между двумя странами привело предоставление Югославией 4 ноября 1956 г. в своем венгерском посольстве убежища свергнутому премьер-министру И. Надю с соратниками. Раскрытие в последние годы секретных российских архивов позволяет реконструировать конкретные обстоятельства нового советско-югославского конфликта, который, хотя и явно не достиг степени остроты предыдущего, все же вовлек в свою орбиту другие страны (в первую очередь Венгрию и Румынию), вылился в довольно ожесточенную полемику, нашедшую отражение в прессе, а также в официальных партийных документах. В числах сюжетов, которые представляют теперь в новом свете, – многосторонние (с участием Венгрии, Югославии, СССР и Румынии) переговоры вокруг пребывания "группы Надя" в югославском посольстве, подготовка их ареста при выходе из посольства и последующая переправка в Румынию, где и было начато судебное расследование по делу И. Нады и откуда бывший премьер-министр был доставлен на родину в наручниках, чтобы предстать в июне 1958 г. перед судом, приговорившим его к повешению.

Информацию о начавшемся наступлении советских войск на Будапешт премьер-министр И. Надь получил на рассвете 4 ноября. В ответ на вероломные действия он в 5 часов 20 минут сделал заявление по радио: "Говорит Имре Надь, председатель Совета министров Венгерской Народной Республики. Сегодня на рассвете советские войска начали наступление на нашу столицу с очевидным намерением свергнуть

законное демократическое венгерское правительство. Наши войска ведут бои. Правительство находится на своем посту. Я сообщаю эту весть народу страны и общественному мнению мира". Вскоре после этого И. Надь и 14 политических деятелей из его окружения (в том числе государственный министр Г. Лошонци), а также члены их семей, всего несколько десятков человек, нашли убежище в югославском посольстве.

Отправляясь 2 ноября в Югославию, чтобы проинформировать Тито о своих планах силового разрешения венгерской проблемы, Хрущев и Маленков не были уверены в благоприятном исходе встречи с югославским руководством – ведь, несмотря на наметившееся сближение двух стран, Югославия, дорожа своей репутацией независимого социалистического государства, продолжала несколько дистанцироваться от социалистического лагеря и претендовать на проведение самостоятельного внешнеполитического курса. Как вспоминал Хрущев в своих мемуарах, на о. Бриони он ожидал выдержать твердую атаку со стороны Тито. Тем приятнее ему было в ходе беседы убедиться в единодушии двух сторон в оценке положения в Венгрии. Будучи, как и Хрущев, приверженцем однопартийного социализма, Тито не мог не быть встревожен развитием событий в соседней стране, угрожавшим потерей коммунистами власти. "В столь трудном вопросе мы одинаково оценили ситуацию и считали, что Надь Имре расчистил путь контрреволюции и привел к господству реакции", – так резюмировало итоги беседы письмо ЦК КПСС в адрес ЦУ СКЮ от 6 ноября. Советская и югославская стороны "были едины и в отношении мер по исправлению положения в Венгрии для возврата ее на позиции социализма" [2. С. 608]. На Бриони югославские лидеры обещали Хрущеву и Маленкову вступить в контакт с Надем и убедить последнего признать свою неспособность нормализовать положение в стране и уйти в отставку, чтобы уступить место новому правительству, которое, действуя "твердой рукой", смогло бы разгромить "контрреволюцию". Предполагалось, что в роли посредника может выступить, в частности, член исполкома только что созданной Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП) З. Санто. Перед этим Санто обращался к югославскому послу в Венгрии Д. Солдатичу с запросом о предоставлении убежища ряду видных коммунистов, которым угрожает опасность "со стороны реакционных банд погромщиков" [2. С. 623]. Получив соответствующие инструкции из Белграда, югославская дипломатия дала официальный ответ уже после брионской встречи. Солдатич дал понять, что посольство ФНРЮ в Будапеште готово, причем в самое ближайшее время, предоставить убежище ведущим деятелям ВСРП, в том числе Надю и министрам-коммунистам из его правительства. Своим согласием югославская сторона преследовала вполне определенную цель – склонить правительство И. Нады к добровольному самоустранению, что помогло бы легитимизации нового венгерского правительства, которое предстояло возглавить Я. Кадару.

Убежище Имре Нады и большой группе людей из его окружения было действительно предоставлено рано утром 4 ноября, но обстоятельства их укрытия в югославском посольстве в корне отличались от первоначально вынашивавшихся руководством ФНРЮ и согласованных с Москвой планов. Все карты путало обращение премьер-министра к мировому сообществу с осуждением советской интервенции. Для всего мира стало очевидным, что речь шла отнюдь не о добровольной передаче власти новому правительству, а о свержении действующего правительства в результате вооруженной агрессии.

После 4 ноября между СССР и Югославией происходят дипломатические беседы и обмен письмами по вопросу о пребывании "группы Нады" в югославском посольстве (часть документов опубликована, см. [2; 3]). Прозвучавшее по радио заявление Нады, из-за которого передача власти произошла не так гладко, как было первоначально задумано, вызвало известное замешательство в Белграде и крайне негативную реакцию в Москве. Объяснив произошедшее слишком быстрым развитием событий (согласно этой версии, югославская сторона, приняв в посольстве беженцев, попросту не успела сразу отреагировать на заявление Нады, в подлинности которого к тому же

первое время сомневалась), руководство ФНРЮ старалось привести факт укрытия Надя в посольстве в максимальное соответствие с брionской договоренностью. Получив соответствующее распоряжение из Белграда, Солдатич уже в первый день попытался склонить Надя дезавуировать собственное заявление по радио и выступить в поддержку Кадара в целях скорейшего урегулирования положения в стране и признания нового правительства мировым сообществом [3. 161 old.]. Попытка оказалась неудачной. Низложенный премьер-министр отказался пойти навстречу югославскому предложению, назвав в беседе с Солдатичем новое правительство незаконным.

В Москве идея нового заявления со стороны И. Надя не нашла поддержки. Советское руководство было крайне недовольно действиями югославского правительства, предоставившего группе Надя убежище, совершенно не приняв в расчет, что заявление И. Надя на рассвете 4 ноября в корне изменило весь замысел задуманного плана о югославском посредничестве в смене власти в Венгрии. Принимая 7 ноября посла Югославии В. Мичуновича, министр иностранных дел СССР Д.Т. Шепилов заявил, что советская общественность возмущена "тем фактом, что обанкротившиеся перерожденцы и пособники контрреволюции типа Надя и компании, с ведома которых на улицах Будапешта вешали рабочих – революционеров и коммунистов, укрылись после своего поражения в югославском посольстве" [2. С. 619]. В Москве, очевидно, с самого начала считали, что Надя должен быть привлечен к ответственности за пособничество "контрреволюции". Препятствия для этого исходили лишь с югославской стороны. На прозвучавший уже 4 ноября прямой призыв к передаче группы Надя в руки советских органов (мотивированный тем, что новое венгерское правительство не имеет пока своих органов безопасности) [2. С. 588] Югославия, продолжавшая заботиться о престиже своей страны как независимого социалистического государства, ответила требованием гарантий, что эти люди не будут преследоваться за прежнюю политическую деятельность (см. письмо руководства ФНРЮ Н.С. Хрущеву от 5 ноября [2. С. 595–596]). Советское руководство не было склонно давать такие гарантии. Как отмечалось в письме ЦК КПСС лидерам СКЮ от 6 ноября, если бы Надя вовремя подал в отставку, он "сохранил бы какое-то коммунистическое лицо и мог бы тем самым рассчитывать на иное, чем теперь, общее отношение к нему". Но он не воспользовался последней возможностью, предоставлявшейся для "честного человека", и продолжал до последнего момента действовать в пользу реакции. Поэтому теперь и речи быть не может о моральных обязательствах в отношении Надя и его группы [2. С. 609].

Считая оптимальным путем разрешения проблемы возвращение И. Надя и его соратников при соответствующем обеспечении их безопасности, югославское правительство в то же время не исключало возможности предоставления им убежища в своей стране, ссылаясь при этом на данное Надем в беседе с Солдатичем обещание не действовать, находясь в Югославии, против нового венгерского правительства [2. С. 595].

Выезд группы Надя в Югославию однозначно не устраивал советское руководство, поскольку в нейтральной стране эти люди оказались бы в недосягаемости. Кроме того, пребывание в эмиграции незаконно свергнутого правительства затруднило бы признание мировым сообществом правительства Кадара. Как было заявлено в уже упомянутом письме ЦК КПСС лидерам СКЮ от 6 ноября, ни одно уважающее себя правительство и в данном случае новое венгерское правительство "не потерпит, чтобы Надя Имре, открывший путь реакции, будучи разгромленным, был бы вывезен в соседнюю дружественную страну". Это бросит тень на отношения Югославии с Венгрией, так как вне своей страны эти люди станут притягательной силой для контрреволюции, будут использованы империалистами для создания затруднений в международном положении Венгрии. Следующий довод в пользу нежелательности выезда Надя в Югославию граничил с обвинением югославского руководства в причастности "к действиям венгерских "контрреволюционеров": "Надо предвидеть и то, что осуществление Вашего предложения о передаче Надя Имре с его группой в

Югославию будет во всем мире истолковано в том смысле, что они являются югославской агентурой и ответственность за венгерские события в какой-то мере будет возложена на югославскую сторону", тем более, что ораторы Кружка Петефи, другие оппоненты существовавшего в Венгрии режима нередко апеллировали к югославскому опыту, противопоставляли югославский социализм советскому [2. С. 608–610]. Прямо высказанные в письме подозрения в том, что все произошедшее в Венгрии было организовано при участии югославов (хотя и зашло дальше, чем они того хотели), были решительно отвергнуты руководством СКЮ, в письме от 8 ноября продолжавшим настаивать на гарантиях неприкосновенности И. Надя [2. С. 622–625].

8 ноября к советско-югославскому диалогу подключается правительство Кадара, лишь накануне прибывшее в Будапешт в советском бронетранспортере. Безусловно, оно не было заинтересовано в пребывании Надя и его окружения в Венгрии. Находясь на свободе, незаконно отстраненный премьер-министр мог бы стать центром притяжения всех оппозиционных новому правительству сил, арест же его вызвал бы массовое недовольство и тем самым подлил бы масла в огонь, дав толчок повсеместным забастовкам и другим выступлениям протеста (важно заметить, что в сложной внутривластной обстановке ноября 1956 г. правительство Кадара постоянно выступало с уверениями в том, что оно не собирается привлекать к судебной ответственности никого из членов прежнего кабинета, хотя деятельность некоторых из них "играла на руку контрреволюции"). Кадар понимал, что и выезд группы Надя в Югославию в силу уже названных причин не соответствует интересам укрепления его правительства. Вместе с тем новое венгерское руководство реалистично оценивало свою непопулярность как дома, так и за рубежом. В целях выхода из внешнеполитической изоляции оно было весьма заинтересовано в налаживании нормальных добрососедских отношений с соседней нейтральной Югославией, тем более, что руководство страны уже 5 ноября высказалось в его поддержку [3. 161–163 old.]. Поэтому Кадар собирался выразить готовность пойти на компромисс и дать разрешение на выезд Надя в Югославию при условии, если тот заявит об отставке и обещает не вести какой-либо деятельности в ущерб новому правительству (об этом посол СССР в Венгрии Ю.В. Андропов сообщил в Москву 8 ноября [2. С. 626–627]). Данный план вызвал решительные возражения в Москве. В телеграмме МИД СССР Андропову от 9 ноября требования Югославии о передаче ей И. Надя назывались "беспрецедентными, нарушающими суверенитет Венгрии. В самом деле, разве кто может понять, и в Венгрии и во всем мире, почему Венгерское Революционное Рабоче-Крестьянское Правительство должно допустить, чтобы Надя Имре и его группа, открывшие путь реакции и будучи разгромленными, были вывезены в Югославию". Вопрос о Наде, "ставший спорным между нами и югославскими товарищами", является, отмечалось далее, высокопринципиальным, затрагивает коренные интересы Венгрии и общего дела социализма. Здесь нельзя идти на уступки из-за опасений осложнения отношений с югославами, необходимо проявить настойчивость и принципиальность. "Что касается документов, которые надо будет потребовать от Надя, когда он будет находиться в распоряжении Венгерского Рабоче-Крестьянского Правительства, то к этому вопросу можно будет вернуться позднее" [2. С. 627–629].

Можно предполагать, что именно под влиянием позиции руководства СССР Кадар изменил свою точку зрения, заявив Солдатичу, что Надя и других лиц, скрывающихся в посольстве ФНРЮ, ни в коем случае нельзя отдавать Югославии, так как они являлись "организаторами контрреволюционных выступлений", и кроме того, нельзя допустить, чтобы существовало два венгерских правительства – одно в Венгрии, другое в Югославии [2. С. 628]. Поскольку Югославия не была склонна идти на какие-либо уступки в своих требованиях предоставления Надю и его соратникам гарантий неприкосновенности и не сняла предложения о выезде группы Надя в Югославию, в переговорах возникла тупиковая ситуация. В этих условиях уже к 10 ноября в Москве родилась альтернативная идея – о возможной эвакуации бывшего премьер-министра и его соратников в одну из стран Организации Варшавского договора. Известно, что

польское правительство предлагало Кадару свои услуги в качестве посредника на переговорах с "группой Надя", но получило отказ, мотивированный тем, что руководство ВСРП в диалоге с членами своей партии не нуждается в посредниках (телеграмма М.А. Суслова и А.Б. Аристова в ЦК КПСС из Будапешта от 12 ноября, см. [2. С. 643]). Несомненно, что в условиях ослабления советского контроля над Польшей в результате октябрьских событий 1956 г. эта страна не подходила для осуществления вынашивавшихся планов. Так выбор на Румынию, чье руководство представлялось в то время Хрущеву и его окружению более надежным союзником.

В письме ЦК КПСС в ЦК СКЮ от 10 ноября, предварительно согласованном с руководствами ВСРП и РРП, предлагалось найти разумный выход из сложившегося положения, "в духе дружеских отношений" и с учетом того, что не только югославское, но и новое венгерское правительство заботится о собственном престиже. Конкретное предложение заключалось в следующем: "Надь Имре и его группа подают заявление правительству Кадара о том, что они передают себя в распоряжение Венгерского правительства и просят разрешить им выехать в Румынию, заявляя при этом, что они дают категорическое заверение, что ими не будет предприниматься ничего такого, что могло бы в какой-то степени повредить делу укрепления Революционного Рабоче-Крестьянского Правительства Венгрии". Предложение о выборе именно Румынии мотивировалось тем, что Надь еще до того, как попросил убежища у югославы, обратился к румынскому лидеру Г. Георгиу-Дежу с просьбой дать совет о том, как ему поступить в сложившейся ситуации [2. С. 633–635].

Известно, что поздно вечером 2 ноября И. Надь пригласил к себе румынского посла Й. Попеску. Проинформировав его о продолжающихся передвижениях советских войск по венгерской территории, премьер-министр попросил посла передать Георгиу-Дежу просьбу посоветовать, что нужно делать в сложившейся ситуации [2. С. 534]. В ответ на просьбу Надя в Будапешт срочно прибыл заместитель министра иностранных дел А. Мэлнэшану, в прошлом посол Румынии в Венгрии. Его сопровождал ветеран румынского рабочего движения, член ЦК РРП В. Роман, считавшийся в Бухаресте ведущим экспертом по венгерским делам. Поздно вечером 3 ноября румынские эмиссары приняли участие в заседании исполкома Венгерской социалистической рабочей партии и имели продолжительную беседу с Надем. О конкретном ее содержании свидетельств нет. Можно лишь предполагать, что Надь просил румынского посредничества в скорейшем установлении контактов с Москвой, чтобы добиться от советского руководства прекращения несанкционированных венгерским правительством военных передвижений. Между тем, беседовавшие с И. Надем румынские гости знали о запланированной крупномасштабной военной акции, всецело поддержанной руководством РНР. Очевидно, что в Бухаресте Мэлнэшану и Роман получили инструкции постараться удержать Надя от каких-либо действий, способных помешать осуществлению советского плана. Насколько можно судить по телеграмме Солдатичу из Белграда утром 11 ноября, советский посол Н.П. Фирюбин, ознакомивший югославских лидеров с новыми предложениями ЦК КПСС, интерпретировал контакты Надя с Румынией 2–3 ноября как якобы имевшую место с его стороны попытку договориться с румынским правительством о своем убежище в этой стране [3. 194 old.].

По мнению Москвы, отправка Надя и его соратников в Румынию позволила бы решить вопрос без ущерба для престижа Югославии и в то же время соблюсти интересы венгерского правительства. Кадар дал согласие на этот компромиссный план, заявив также, что готов разрешить отдельным лицам из группы Надя (только не самому Надю и не государственному министру его правительства Г. Лошонци) остаться в Венгрии в случае, если те заявят о признании его правительства. Как отмечалось далее, Георгиу-Деж согласился принять членов группы Надя и предоставить самолет для их транспортировки в Румынию (см. запись беседы посла СССР в Румынии А.А. Епишева с румынскими лидерами [2. С. 635]).

Это предложение, однако, не нашло поддержки правительства ФНРЮ. Солдатич, посетивший Кадара 11 ноября, продолжал от имени своего правительства настаивать на сохранении прежних условий: члены группы Надя остаются в Венгрии, получив от Кадара гарантии неприкосновенности, либо они получают разрешение на выезд в Югославию с правом убежища (во избежание сложностей, связанных с существованием эмигрантского правительства, более предпочтительным югославской стороне представлялся первый вариант). В связи с поступившим контрпредложением о выезде Надя и его соратников в Румынию югославский посол заявил, что в руководстве ФНРЮ и СКЮ "не считают, что Румыния является подходящей страной для эвакуации туда Надя и его группы", и полагают, что переправка этих людей в Румынию отрицательно скажется на престиже Югославии [2. С. 643]. (В беседе с Кадаром Солдатич руководствовался инструкциями, полученными утром того же дня из Белграда. Его просили выразить сомнения в том, что Надя и члены его группы согласятся на выезд в Румынию, а также высказать недоумение в связи с имеющимся местом недоверием к Югославии [3. 194 old.]) Посол РНР в Венгрии Й. Попеску также получил от Солдатича уведомление о несогласии руководства ФНРЮ с предложением о выезде Надя и его окружения в Румынию [3. 226 old.].

Через несколько дней, 16 ноября, Георгиу-Деж принял в Бухаресте югославского посла Н. Вуяновича. Проинформировав его о своих планах выехать в Венгрию в целях содействия в урегулировании там внутривосточной ситуации и, прежде всего, вопроса о Наде, румынский лидер заявил: было бы лучше всего, "если бы Надя и еще несколько лиц из его группы получили убежище и оставались бы в РНР до тех пор, пока урегулируются дела в Венгрии. Им обеспечили бы свободную жизнь и всякого рода помощь, о чем Правительство РНР готово дать письменные гарантии" югославскому правительству. Георгиу-Деж не исключал в то же время и другой, хотя и менее предпочтительной, на его взгляд, альтернативы: Надя выступит с самокритикой, заявит о поддержке правительства Кадара и останется в Венгрии [2. С. 660]. Ответ, который правительство Югославии 17 ноября дало через своего посла, свидетельствовал о его готовности к выработке компромиссного решения: югославская сторона в принципе не имеет возражений против выезда "группы Надя" в Румынию, все зависит исключительно от согласия этих людей. В случае приезда Георгиу-Дежа или его представителей в Венгрию было дано обещание содействовать организации встречи румынских эмиссаров с Надем и его соратниками, в ходе которой обе стороны могли бы без посредников обсудить вопрос о выезде в Румынию [2. С. 660].

Вопрос о судьбе "группы И. Надя" в те же дни продолжал оставаться предметом переговоров между югославским руководством и правительством Кадара. На позицию венгерской стороны не могло не повлиять выступление Тито 11 ноября на партактиве в Пуле, где югославский лидер, возложив (к явному неудовольствию Москвы) на советское руководство часть ответственности за обострение кризиса в Венгрии, вместе с тем публично отмежевался от Надя и заявил о поддержке Кадара, укрепив тем самым последнего в решимости к поискам компромиссов. Необходимо учитывать и сильное давление на Кадара внутри страны, не только со стороны рабочих советов, безуспешно пытавшихся в те ноябрьские дни выступать в качестве альтернативного органа власти, но даже из рядов руководства правящей партии. 11 ноября на пленуме Временного ЦК ВСРП некоторые выступавшие высказывались за достижение соглашения с Надем и, более того, за вовлечение последнего либо его сторонников в правительство в целях расширения социальной базы крайне непопулярной в народе и хорошо сознававшей степень своей непопулярности власти. Под давлением всех этих факторов венгерская сторона, заинтересованная в скорейшем разрешении столь острого вопроса, сделала шаг навстречу югославским пожеланиям, согласившись 16 ноября дать письменные гарантии относительно личной безопасности Надя и находившихся вместе с ним в посольстве лиц [2. С. 659]. Предполагалось, что уже утром 17 ноября все они смогут оставить посольство. Согласно договоренности, Надя и шесть наиболее активных политиков из его

окружения, чтобы не осложнять своим пребыванием в Венгрии внутривнутриполитическое положение, должны были на три-четыре месяца выехать в одну из народно-демократических стран (при этом не исключался выезд в Югославию), другие же могли остаться в Венгрии.

Вопрос об И. Наде, таким образом, казался близким к разрешению. Но как выясняется из документов, в тот же день, 16 ноября, Кадар беседовал с находившимися в Будапеште членами Президиума ЦК КПСС Г.М. Маленковым и М.А. Суловым и секретарем ЦК КПСС А.Б. Аристовым [2. С. 656–657]. Их жесткая позиция оказала влияние на дальнейший ход венгеро-югославских переговоров. 17 ноября Кадар фактически вернулся к прежним требованиям о безоговорочной передаче "группы Надя" венгерскому правительству для их последующей переправки в Румынию. Югославская сторона негативно отреагировала на эти требования, продолжая настаивать на гарантиях личной безопасности и неприкосновенности Надя и его группы. А в ответ на пожелание Кадара добиться от Надя заявления об отставке и поддержке нового правительства Венгрии расценила такое заявление как акт свободной воли со стороны и Надя и внутреннее венгерское дело [2. С. 657–661]. Переговоры, таким образом, снова зашли в тупик, но в тот же день, 17 ноября, к делу втайне от югославов подключилась советская сторона. Маленков, Сулов и Аристов выносят на рассмотрение Президиума ЦК КПСС следующие предложения: подготовиться и обеспечить арест Надя и его группы при выходе из посольства Югославии, отправить Надя и сопровождающих его лиц в Румынию, Кадар, как сообщалось в их телефонограмме, дал на это согласие [2. С. 657].

Венгеро-югославские переговоры, между тем, продолжались. С югославской стороны, наряду с послом Солдатичем, в них участвовал прибывший в Будапешт 18 ноября заместитель секретаря Госсекретариата по иностранным делам ФНРЮ Д. Видич. Поскольку вопрос о предстоящей отправке венгерских беженцев в Румынию был к этому времени в принципе предreshен без участия югославов, с венгерской стороны переговоры носили довольно фарсовый характер. Но показательно также, что и югославская сторона не поставила вопроса о судьбе трех членов "группы И. Надя" – З. Санто, З. Ваши и известного философа Д. Лукача, которые, узнав о предварительной договоренности от 16 ноября, добровольно покинули посольство 18 ноября и вопреки данным обещаниям (а этих людей не было в списке лиц, которых, согласно той договоренности, предполагалось депортировать в Румынию) так и не смогли вернуться домой, но были задержаны советскими органами (позже, 23 ноября, они были отправлены в Румынию вместе с другими членами "группы Надя"). Судя по всему, югославская дипломатия была озабочена не столько судьбой венгерских беженцев, сколько желанием побыстрее и по возможности безболезненно для своей репутации избавиться от неудобных гостей. В результате переговоров венгерское правительство с тем, чтобы ускорить развязку, 21 ноября сделало видимую уступку, заявив, что дает гарантию безопасности всем членам "группы Надя" и никого не будет привлекать к ответственности за прошлую деятельность (нота Госсекретариата ФНРЮ посольству СССР от 24 ноября, см. [2. С. 679–683]). Прежнее требование – заявление Надя и других о поддержке Кадара, теперь уже не выдвигалось в качестве неперемennого условия. Надя и его соратники были ознакомлены с итогами переговоров и дали согласие свободно покинуть посольство. Их выход за пределы посольства по согласованию венгерской и югославской сторон был назначен на вечер 22 ноября. В тот же день Маленков, Сулов и Аристов доложили в Москву о том, что "необходимые меры в связи с этим подготовлены т. Серовым совместно с венгерскими коллегами" [2. С. 669] (председатель КГБ И.А. Серов с 24 октября по начало декабря 1956 г. почти безвыездно находился в Венгрии, собственноручно руководя репрессивным аппаратом). Еще через сутки, 23 ноября, они сообщили, что И. Надя и его группа арестованы и "находятся под надежной охраной" [2. С. 676]. Документы подробно рассказывают о том, как была осуществлена эта акция. 22 ноября в 18.30 Надя и близкие ему лица в соответствии с договоренностью

покинули посольство и заняли места в автобусе вместе с югославскими дипломатами, которые должны были проследить за тем, чтобы бывший премьер-министр и его соратники были развезены по домам. Несмотря на энергичные протесты югославского посланника, с ними сел в автобус подполковник Советской Армии. Автобус проследовал до здания советской военной комендатуры, где подполковник, ссылаясь на приказ своего командования, заставил югославов высадиться. Вслед за этим автобус в сопровождении бронированных машин отправился в неизвестном направлении. Через несколько часов Надь и его люди были переправлены на территорию Румынии.

Единственным юридическим основанием для приема румынской стороной И. Надя и его соратников явился положительный ответ заместителя министра иностранных дел РНР А. Мэленшану от 22 ноября на направленное в тот же день в Бухарест письмо заместителя министра иностранных дел Венгрии И. Шебеша с просьбой предоставить Надю и его группе возможность пребывания в Румынии, обеспечив их безопасность и не позволив вместе с тем вести деятельность, противоречащую интересам ВНР [3. 280–282 old.]. В письме были также изложены мотивы обращения с подобной просьбой. В нем говорилось, в частности, что венгерское правительство, давшее правительству ФНРЮ гарантии, что не будет преследовать Надя и его единомышленников за прошлую деятельность, не может обеспечить их безопасность в Венгрии, поскольку эти люди своим пособничеством контрреволюции навлекли на себя справедливый гнев в обществе и поэтому, оставшись дома, легко могут стать объектом возмездия со стороны многих венгров. С другой стороны, "контрреволюционные элементы" в провокационных целях могут совершить против Надя или кого-то из его группы террористическую акцию и свалить вину на правительство Я. Кадара. Поэтому выезд "группы Надя" в Румынию рассматривался как наилучшее решение проблемы и с точки зрения обеспечения безопасности этих людей. (Кстати, та же иезуитская логика присутствовала в ряде выступлений Кадара, рассчитанных на внутреннюю аудиторию. Так, 25 ноября, во время выступления на партактиве в Будапеште, Кадар, объясняя, почему И. Надь и другие не могли вернуться домой, заметил: случись с ними что-нибудь, тут же свалили бы на нас.) В письме содержалась также ссылка на то, что Надь и другие, находясь в югославском посольстве, выражали готовность выехать в одну из соцстран (при этом не уточнялось, что в качестве альтернативы пребыванию в Венгрии ими не отрицалась лишь возможность выезда в Югославию).

Официальный дипломатический документ призван был обеспечить должные международно-правовые основания той акции, которая с самого начала готовилась и осуществлялась не только с ведома, но и при участии румынской стороны. 22 ноября в Будапешт прибыла делегация РРП во главе с Дежем, в составе которой были два члена Политбюро – Киву Стойка и Э. Боднэраш. Входивший в состав делегации член ЦК РРП В. Роман, знакомый с И. Надем еще со времени работы в Коминтерне, 22 ноября беседовал с ним в югославском посольстве. Два часа между ними шел жаркий спор о том, что же произошло в Венгрии. Роман, ссылаясь на сложную обстановку в стране, от имени Дежа предложил Надю подумать о выезде в Румынию на три-четыре месяца. При этом Надь получил заверение, что румынское правительство сделает все, чтобы он хорошо себя чувствовал в этой стране. Надь ответил на это, что добровольно Венгрию не оставит, и отказался выступать с какими-либо заявлениями в поддержку Кадара. Как комментировали 23 ноября результаты этой беседы Маленков, Суслев и Аристов, "выяснилось, что Надь Имре настроен категорически против выезда из страны, не хочет делать никаких полезных нынешнему Венгерскому правительству заявлений, ссылаясь при этом на то, что он не на свободе". В аналогичном духе высказывались и соратники бывшего премьер-министра. Упорство И. Надя советские эмиссары объясняли тем, что он был "основательно подготовлен югославами" [2. С. 677]. По свидетельству Романа, Надь все еще надеялся на заступничество Тито. Он говорил Роману: "Вот вы увидите, Тито в ближайшие дни

скажет обо мне (Наде) на весь мир другое, чем он говорил недавно в речи" [2. С. 677] (имеется в виду выступление Тито на партактиве в Пуле 11 ноября).

Маленков, Сулов и Аристов неоднократно встречались со своими румынскими коллегами. По итогам этих встреч они отмечали в том же своем донесении от 23 ноября, что Деж, Киву Стойка и Боднэраш "твердо настроены и считают, что надо теперь же отправлять Надя Имре и членов его группы" в Румынию, "где, как сказал нам тов. Деж, будет обеспечено их дальнейшее содержание (под необходимой охраной)".

Вывоз Надя и его соратников в Румынию вызвал крайне негативную реакцию в венгерском обществе. Кое-где возобновляются ранее прекратившиеся забастовки. По донесению председателя КГБ И. Серова от 27 ноября, от рабочих советов к правительству поступили требования "организовать переговоры с Имре Надем для того, чтобы убедиться, что он выехал в Румынию добровольно", была послана соответствующая делегация к советскому военному коменданту [2. С. 704].

Югославская сторона, если и не была непосредственно вовлечена в заговор, организованный с целью отправки Надя и его соратников в Румынию, во всяком случае в свете всего вышесказанного вполне могла предвидеть подобный исход. "Мы не думали, что югославы поднимут шум по поводу переезда Надя Имре и его группы в Румынию", – со всей откровенностью говорил Боднэраш 26 ноября советнику посольства СССР в Румынии В. Николаеву [2. С. 692]. Примерно то же самое сказал Николаеву 26 ноября Деж, сославшись на то, что Тито не возражал против переезда Надя и его соратников в Румынию в случае их согласия [2. С. 694–696]. Но югославы, решив публично отмежеваться в глазах мировой общественности от организаторов неблагоприятной акции, вручили советскому послу ноту протеста. В ней отмечалось, в частности, что "правительство ФНРЮ не может никак принять версию о том, что Имре Надя и остальные упомянутые лица добровольно направились в НР Румынию, так как оно знакомо с желанием этих лиц остаться в своей стране, как и с тем, что до сих пор, пока они находились в посольстве ФНРЮ в Будапеште, они отвергали предложения направиться в Румынию" [2. С. 682]. Нота аналогичного содержания была вручена и послу ВНР [3. 291–293 old.]. В сложившейся ситуации румынская сторона попыталась выступить в качестве посредника в осложнившемся советско-югославском диалоге. Приняв 25 ноября югославского посла, Деж передал через него Тито просьбу о встрече на высшем уровне с югославским руководством для устранения в порядке товарищеской дискуссии тех разногласий, которые возникли между Югославией, с одной стороны, и Советским Союзом и Венгрией, с другой, по вопросу об Имре Наде (до тех пор он просил югославских лидеров воздержаться от дополнительных заявлений) [2. С. 692–693]. В связи с задуманной встречей румынское руководство решило посоветоваться с Москвой. Президиум ЦК КПСС, рассмотрев 27 ноября телеграмму Николаева из Бухареста, счел встречу Дежа и Тито нецелесообразной и поручил Председателю Совета Министров СССР Н.А. Булганину переговорить с Дежем по телефону и подсказать ему, что его беседа с Тито будет "не в нашу пользу и не в пользу Венгрии" [2. С. 698]. Булганин в телефонном разговоре с Дежем, состоявшемся в тот же день, 27 ноября, высказал мнение Москвы: "Встреча на самом высоком уровне с югославским руководством по вопросу о Наде Имре и его группе не предвещает хорошего исхода, так как югославы в этом вопросе занимают определенную позицию". Более того, "такая встреча может даже усложнить обстановку. Югославы могут потребовать свидания с Надем Имре и другими, что вряд ли целесообразно" [2. С. 700]. Но, как узнал Булганин тогда же от Дежа, секретная встреча румынских и югославских руководителей к тому моменту все-таки состоялась, хотя и без участия первых лиц государства – Дежа и Тито. С югославской стороны в ней участвовали Э. Кардель и А. Ранкович, с румынской – Э. Боднэраш и П. Борилэ, попросившие югославов не делать лишней шумихи из истории с "группой Надя". 29 ноября Борилэ вылетел в Будапешт, чтобы обсудить с Кадаром ответ на югославскую ноту от 24 ноября. В ответной ноте правительства ВНР правительству

ФНРЮ от 1 декабря дело И. Надя квалифицировалось как внутреннее дело ВНР [3. 305–307 old.]. Как явствует из письма Тито в ЦК КПСС от 3 декабря, югославское руководство и после румынских попыток посредничества продолжало декларировать свое особое мнение относительно путей разрешения спорного вопроса. "Необходимо было в первую очередь спросить Надя, в какую социалистическую страну он хочет выехать, а не против его воли его и всю группу отправлять в Румынию. Когда румынские товарищи, которые были в Белграде, говорят, что они думают, что Надю было бы опасно быть в то время в Венгрии, почему в таком случае надо было собирать детей, женщин и тех коммунистов, которые известны и могли бы быть полезны в Венгрии, и увезти против их воли в Румынию? Мы считаем это ошибочным". Югославская сторона, отмечал Тито, отнюдь не настаивает на выезде Надя и его группы в Югославию, их можно было бы оставить и в Венгрии. "Одно только его заявление о том, что он сейчас возвращается в Венгрию, с согласия венгерского правительства, и что он не будет мешать усилиям этого правительства в обновлении страны и т.д., имело бы огромный положительный отклик у венгерского народа и отпали бы аргументы для кампании во всем мире против депортации Надя". Нормализация в Венгрии пошла бы, по мнению Тито, быстрее [2. С. 735]. Движимое, в первую очередь, заботой о собственном престиже и стремившееся в силу этого отмежеваться от организаторов незаконной высылки И. Надя, югославское руководство в то же время не было заинтересовано в обострении отношений с социалистическим лагерем. Нота правительства ВНР от 1 декабря осталась без ответа.

Документы свидетельствуют о попытках давления румынских властей на И. Надя в целях изменения им своей позиции. В конце ноября Деж информировал Москву о том, что "они через своих уполномоченных сейчас ведут работу с Имре Надем и его группой. Они ставят своей задачей добиться, чтобы Имре Надь и его группа выступили с заявлением, где бы признали свои преступные действия, а также указали, что единственно правильным решением в настоящее время является поддержка и укрепление" правительства Кадара. Тем самым "мы хотим испытать Надя Имре", – заключил Деж [2. С. 701].

Как можно судить из последующих документов, эти планы были вскоре отброшены румынским лидером. Эволюцию его взглядов передает запись беседы с советником посольства СССР В. Николаевым от 14 декабря. Деж подверг критике позицию руководства ФНРЮ, настаивавшего на возвращении группы Надя в Венгрию, и привел свой главный аргумент: "По нашему глубокому убеждению, Надь Имре – этот бандит, заклятый враг венгерского народа и социализма, не мог быть оставлен в Венгрии, ибо вокруг него концентрировались враждебные народно-демократическому строю силы". Тито негодует, продолжал он, что И. Надь находится не дома, хотя и не представляет якобы никакой опасности. "Между тем, – сказал тов. Г. Георгиу-Деж, – почему-то Тито не оставляет в своем доме – в Белграде бывшего своего заместителя Джиласа, а посадил его на скамью подсудимых¹. Выходит, Тито это можно, а венгерским товарищам нельзя" [2. С. 743].

Заявив, что переправка группы Надя в Румынию совершена на основании договоренности между венгерским и румынским правительствами, и в силу этого ягодно делает беспочвенным какие-либо претензии югославских лидеров к советским военным властям, осуществившим эту акцию, Деж затем откровенно поделился своими мыслями о будущем. Мы "не думаем Надь Имре и его группу всю жизнь держать в Румынии; как только [в Венгрии] окрепнет народно-демократическая власть... мы передадим Надь Имре венгерским товарищам и уверены, что он за его преступление будет повешен не за шею, а за язык" [2. С. 743]. Таким образом, еще задолго до того, как венгерские лидеры открыто поставили вопрос о привлечении Надя к судебной ответственности, румынский руководитель предсказывал суровую

¹ Видный югославский политик и публицист М. Джилас, выступивший в защиту венгерского восстания, был арестован в ноябре 1956 г.

расправу над бывшим премьер-министром Венгрии. Дальнейшие перипетии "дела Имре Надя", находившиеся в довольно тесной взаимозависимости с развитием советско-югославских отношений в 1957–1958 гг., должны стать предметом самостоятельного исследования. Предварительно можно лишь сказать, что судьба бывшего венгерского премьера была брошена в топку того нового конфликта, который разгорелся из-за навязчивого стремления Москвы к сохранению своего диктата над социалистическим лагерем и упорного нежелания амбициозного Тито действовать в русле политики Кремля (при том, что сходство идеологий и общий страх перед крушением коммунистических режимов в Восточной Европе предопределяли множество точек пересечения в позициях Белграда и Москвы²).

Расправа над И. Надем и его единомышленниками в июне 1958 г. вызвала широкий резонанс во всем мире. Для многих была очевидной несостоятельность обвинений против бывшего премьер-министра Венгрии, главная "вина" которого заключалась по сути дела в последовательном отстаивании курса на суверенитет своей страны, который вступал в слишком резкое противоречие с образовавшейся в эпоху Сталина и продолжавшей оставаться в силу и после его смерти неравноправной системой отношений внутри восточноевропейского лагеря. Режим Георгиу-Дежа в Румынии, также стремившийся к расширению самостоятельности, освобождению от мелочной кремлевской опеки, не стал и не мог стать союзником И. Надя. Не только провозглашение многопартийности, но даже самые робкие реформаторские проекты не могли найти сочувствия у Дежа и его окружения, которые явно не принимали идей демократизации социализма и видели в расширении самостоятельности Румынии лишь средство упрочения собственной власти и ограждения страны от нежелательных либеральных веяний, распространившихся в середине 1950-х годов на волне десталинизации в ряде социалистических стран, прежде всего в Венгрии и Польше. Более того, стремясь к расширению поля самостоятельных маневров, Деж считал важным условием для этого укрепление к себе доверия со стороны Москвы. Жестокие репрессии, предпринятые его режимом внутри страны против тех, кто выразил симпатии к венгерской революции, были призваны доказать советским лидерам: за Румынию они могут быть спокойны, там существует прочная коммунистическая диктатура и невозможно ничего подобного тому, что произошло в Венгрии и Польше (этот аргумент сыграл важнейшую роль при обосновании румынской стороной своих требований о выводе советских войск в 1958 г.). Став не только соучастником, но весьма инициативным участником расправы над венгерским премьер-министром и его соратниками, Деж не просто подчинился блоковой дисциплине, но стремился извлечь максимум политической выгоды для себя. Смертельно напуганной революцией в соседней стране, румынский лидер в конечном итоге сумел воспользоваться этим событием в интересах укрепления своей власти. Однако, сколь ни была неблагоприятна роль правившего в Румынии режима в подавлении венгерской революции, совсем по-другому отреагировало на нее румынское общество, дав многие примеры глубокой солидарности с ее идеями и целями [2. С. 697].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гибианский Л.Я.* От первого до второго совещания Коминформа // Совещание Коминформа. 1947/1948/1949; Документы и материалы. М., 1998; *Гибианский Л.Я.* Коминформ в зените активности: создание организационной структуры и третье совещание // Совещание Коминформа. 1947/1948/1949; Документы и материалы. М., 1998.
2. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М., 1998.
3. Top secret/Magyar-jugoszláv kapcsolatok 1956. Dokumentumok (Ar iratokat gyűjtötte, válogatta, szerkesztette és a bevezető tanulmányt írta: Kiss J. – Ripp Z. – Vida I). Budapest, 1995.
4. *Гибианский Л.Я.* Н.С. Хрущев, И. Броз Тито и венгерский кризис 1956 г. // Новая и новейшая история. 1999. № 1.

² См. работу Л.Я. Гибианского о более общих проблемах развития советско-югославских отношений в связи с венгерским кризисом 1956 г. [4].

© 2000 г. Н. ЖИДОВ

ТРАДИЦИИ СЛОВЕНСКОГО НАРОДНОГО ЦЕЛИТЕЛЬСТВА И СОВРЕМЕННАЯ АЛЬТЕРНАТИВНАЯ МЕДИЦИНА

В настоящей публикации я хотела бы обратить внимание на параллели между методами лечения, практиковавшимися в словенской народной медицине в прошлом, и некоторыми методами так называемой альтернативной медицины, которые в последние годы в Словении, как и в других странах, получают все большее распространение. Некоторые авторы отождествляют альтернативную медицину с народной, другие же их разделяют. Мне лично ближе вторая позиция, прежде всего потому, что современная альтернативная медицина, хотя и пользуется некоторыми методами народной медицины, действует в совершенно ином контексте. Люди прибегают к ней по другим причинам, чем в прошлом, различны также их экономические и идеологические основания.

Термин "альтернативная медицина" я употребляю для обозначения разного рода профилактических, терапевтических и реабилитационных приемов, которые в Словении, как и в других, прежде всего развитых, странах распространились в последние 20–30 лет вне рамок официальной медицины. Источники альтернативных методов лечения различны. Это может быть народная, традиционная медицина, это могут быть и "издержки" официальной медицины или же изобретения и разработки отдельных лиц. Деятели альтернативной медицины, как правило, приобретают знания не через специально созданную систему образования, а другим путем. Во многих случаях, кроме знаний, здесь важны определенные способности. Деятельность такого рода не включена в систему государственного и общественного здравоохранения и страхования.

Альтернативная медицина в таком понимании не представляет собой медицинской системы, которая бы принципиально отвергала сотрудничество с медициной официальной. И потому термин "альтернативная медицина" можно было бы с успехом заменить термином "комплиментарная" или "дополнительная медицина", которая предполагает сотрудничество между обеими медицинскими системами. Что касается народной медицины, то в моем понимании это прежде всего раздел народной культуры, т.е. главным образом культуры крестьянской.

Говоря об альтернативной медицине, мы часто забываем, что некоторые ее идеи и приемы, которые сегодня заимствуются извне, имеют в Словении определенную традицию, но эта традиция на какое-то время была прервана. Некоторые методы лечения, которые сейчас в Словении и во всем мире считаются альтернативными, были известны и употребительны в Словении уже очень давно. Поскольку словенская этнография в прошлом занималась преимущественно крестьянской культурой, у нас

есть больше всего свидетельств именно о народной медицине. Многие из того, что этнография фиксировала как часть народного целительства, часто попеременно с суевериями и магией, сегодня могло бы вписаться по своим приемам в рамки альтернативной медицины. Например, в прошлом в Словении были распространены идеи лечения хронических болезней естественными (природными) методами и средствами. Гомеопатия некогда была частью официальной медицины. Жизненно важным являлось нахождение целебных источников. По всей вероятности, существовало и представление о биоэнергии и ее применении. Чрезвычайно широкое распространение имело лечение травами. Лечили также с помощью кристаллов, пользовались мануальной терапией, массажем, диетами и т.п.; верили в целебные свойства человеческой мочи. Верили, конечно, в силу огня, в силу слова, в Божью помощь. Прибегали к разного рода предсказаниям, пророчествам, гаданиям.

Мы ошибаемся, если думаем, что естественные методы поддержания здоровья с помощью воды, свежего воздуха, прогулок на природе, умеренного питания – изобретение наших дней. Уже в середине XIX в. к нам из Германии были занесены и легко привились идеи о лечении хронических болезней с помощью естественных методик. Они опирались на эмпирическую базу и не имели научного обоснования. Странники этих методов в большинстве случаев не были специалистами, они действовали по наитию или опирались на свой личный опыт. По иноземному образцу в Словении начали создаваться природные лечебницы и курорты. Наибольшую популярность приобрели методы немецкого священника С. Кнайпа и швейцарского фабриканта А. Рикли. Метод Кнайпа имел больше всего приверженцев среди простонародья, тогда как лечение Рикли было доступно лишь состоятельным людям [1. S. 47].

Методов Кнайпа придерживались в Любляне и Камнике. В конце XIX в. в Любляне было основано общество приверженцев Кнайпа. В парке Тиволи в 1899 г. построили курорт Вёрисхофен; вдоль него протекал ручей, пациенты могли мочить ноги в ручье и ходить босиком по росе. Курорт действовал еще некоторое время после первой мировой войны. В Камнике в 1876 г. были созданы курорт и водная здравница, владельцем которых был А. Прашникар. С 1891 г. этот курорт взял на вооружение методы Кнайпа. И уже на следующий год количество отдыхающих резко увеличилось, так что из-за перенаселенности Вёрисхофена Кнайп вынужден был направлять пациентов в Камник. Курорт существовал до начала первой мировой войны [1. S. 48–51]. Некоторые крестьяне и крестьянки в конце XIX в. посещали также Крапинские воды в Хорватии [2], где также применялись методы Кнайпа. После первой мировой войны официальных учреждений такого типа уже не было, хотя некоторые методики Кнайпа (хождение по росе, обливание холодной водой, хождение босиком по снегу) сохраняли свое значение еще и после второй мировой войны.

В 1904 г. в Горице начал выходить ежемесячный журнал "Кнајрвец", популяризовавший оздоровительные методы Кнайпа, его методы воспитания, обучения и развлечения. Главным редактором издания был Й. Окич, основатель и руководитель курорта в Крапине. Журнал выходил только до конца 1906 г., так как имел слишком мало подписчиков. Впрочем, методике Кнайпа пропагандировали и многие другие издания: газеты, журналы, календари и т.п.

Знаменитый курорт на озере Блед основал А. Рикли. В юности он много болел и излечился с помощью водной терапии, потому неудивительно, что Рикли стал заядлым гидропатом. В последующем, когда он после перенесенного плеврита приехал лечиться на Блед, ему довелось на личном опыте испытать возможности природных методов. Этот край произвел на него такое впечатление, что Рикли решил строить здесь здравницу. В 1855 г. он переселился на Блед [3. S. 168]. Пациенты Рикли должны были строго соблюдать режим дня. Вставали они очень рано, питались по-вегетариански, курение и алкоголь были запрещены. Жили они в лесу в шалашах, много двигались, принимали водные, воздушные и солнечные ванны. Лечение продолжалось долго (не менее месяца) и было дорогим. Подобные курорты Рикли

основал также в Триесте, во Флоренции и в окрестностях Мерано. Рикли не признавал лекарств, предписываемых врачами, и потому был в постоянном конфликте с ними. Когда возросло число пациентов, Рикли помогали еще два гидропата. После смерти Рикли в 1906 г. санаторием руководил его сын. В первом десятилетии XX в. методу Рикли (солнечные и воздушные ванны) применял также Вовк из Бледа. Курорт Рикли прекратил свое существование после первой мировой войны [3. S. 173].

Гомеопатия была распространена в Словении уже в XIX в. Ее исповедовали как врачи, так и любители. Гомеопатами становились лица духовного сословия, пользовались их услугами некоторые представители дворянства, а также сельские жители. В Любляне в первой половине XIX в. среди врачей был горячий сторонник гомеопатии, тогдашний глава отряда братьев милосердия Фауст (Матевж) Градишек. В 1807 г. он возглавил люблянскую клинику на Айдовщине. Позднее он открыл при больнице медицинское училище, в котором получали образование будущие гомеопаты. В 1811 г. Градишек передал клинику французским властям и, поскольку отряд братьев милосердия был распущен, поселился недалеко от Любляны под Шмарной горой в частном доме, где у него была гомеопатическая лечебница [4]. Люблянские гомеопаты пользовались сочувствием как среди простого народа, так и среди образованных людей и даже медиков. Их деятельность представляла угрозу для официальной медицины. В 1819 г. гомеопатия была запрещена как в гражданской среде, так и в армии, однако некоторые люблянские гомеопаты во главе с Градишком продолжали ее использовать. Ф. Прешерн посвятил Градишку стихи "Pred pevcu, potlej homeopatu": "Popred si pevec bil, / zdaj si homeopat: / popred si časa bil, / zdaj življenja tat" ("Вчера ты был певец, теперь – гомеопат; вчера ты губил время, сегодня – крадешь жизнь").

Люблянские гомеопаты доставляли немало неприятностей городским властям. Наиболее активно с ними боролся Ф.В. Липич, который в 1832 г. стал временным окружным врачом, а спустя год – помощником директора люблянской клиники на Айдовщине, однако он не сумел справиться с люблянскими гомеопатами и вынужден был им уступить. Гомеопатию применяли и некоторые другие врачи, например Й. Кос, окружной хирург и акушер в Быстре, а с 1821 г. окружной хирург в Любляне [5]. В Народном музее в Любляне хранится гомеопатическая аптека времен доктора Модра, который лечил Ф. Левстика (1831–1887).

По-видимому, неплохо владели методами гомеопатии некоторые духовные лица. Так, Я. Трдина в своих записках периода 1870–1879 гг. упоминает священника Млакара из с. Мирна Печ, который "пользовался большой симпатией и доверием людей" [6. Рп. 3. S. 832]. Несомненно, был гомеопатом и метлишкий священник Д. Терчек (1870–1887), о чем свидетельствует его архив, хранящийся в Народном музее в Любляне. Гомеопатией пользовались и некоторые лица дворянского сословия. В замке Хмельник в Доленском крае жил гомеопат барон Ф. Вамболт (1829–1908); после его смерти дело продолжала его жена М. Вамболт (1848–1915) [7]. Гомеопатическими средствами в начале XX в. здесь лечили и людей, и скот. К баронессе обращались за помощью как жители ближайших окрестностей замка, так и люди из отдаленных уголков Словении. В словенском республиканском архиве хранится тетрадь записей, в которой перечислены все лица, обращавшиеся к баронессе, указано их место жительства и предписанные им гомеопатические лекарства [8].

В провинции гомеопатия приобрела популярность в конце XIX в., когда появилось множество гомеопатов-самоучек. По свидетельству Трдины, их было особенно много в Доленском крае: "В Стопчах гомеопатией, по книге лечит людей мельник Ерич, который, однако, не приобрел такой славы, как Маренте в Шент-Петре или как Варавн, признанный ас среди доленских гомеопатов" [6. Кп. 3. S. 832]. В конце XIX в. в Кронове близ Белой Церкви гомеопатическими средствами бесплатно лечил людей староста, землевладелец и мельник Я. Кошак. Варавн, как самый знаменитый доленский гомеопат, пользовался в конце XIX в. такой популярностью, что вынужден был вести прием даже по ночам [9. S. 490]. С уверенностью можно говорить, что в

период между двумя мировыми войнами в Словении было немало гомеопатов. Последним из них считается врач из Севницы, который умер уже после второй мировой войны [10], и с тех пор на какое-то время гомеопатическая традиция в Словении была прервана.

Сегодня много говорят о радиоэстезии. В прошлом подобный род деятельности назывался лозоискательством (*bajaličarstvo*, *studeničarstvo*). С помощью орехового или вербового прута находили подземную воду, а также различные минералы и руды. Словенское *bajaličarstvo* происходит от названия прута *bajalica*, а *bajaličar* – это тот, кто умеет с помощью этого прута находить воду; *studenničarstvo* же – это умение находить место для рытья колодцев. В Словении лозоискательство было известно на протяжении веков – лозоискатели находили воду, копали колодцы и устанавливали насосы. Их труд высоко ценился, поскольку разведка воды и копанье колодцев являлось жизненно важным делом. После первой мировой войны лозоискатели встречались даже среди официально зарегистрированных ремесленников. В народной традиции сохраняется память о нахождении воды с помощью однолетних вербовых прутьев ("баялиц"); это ремесло, по народным поверьям, было доступно не каждому и требовало особых способностей [11].

Так, в Прекмурье разведчиками воды были исключительно мужчины, которые получали свои знания по наследству. Чтобы найти воду, они втыкали однолетний вербовый прут в землю; если он наклонялся, это значило, что где-то рядом была вода. Другой способ состоял в том, что разведчик брал два однолетних прута вербы, причем отрезанный конец должен был касаться его тела; когда он подходил к месту, где имела вода, тонкие концы прутьев приближались друг к другу. Третий способ требовал участия двух мужчин, один из которых был лозоискателем. Они держали перед собой в обеих руках по однолетнему пруту вербы, причем срезанный конец должен был упираться в мизинец каждой руки. Они следили за тем, когда тонкий конец прутьев начнет отклоняться вбок или вверх. Когда прутья отклонялись в сторону, это означало, что под ними текучая вода; если же прутья поднимались вверх, это указывало на стоячую воду. В начале 1960-х годов в Прекмурье еще были три искателя вод [12].

Разведка воды в прошлом была распространена не только в крестьянской среде. Лозоискательством занимался уже Валвасор; в начале XX в. был широко известен люблянский разведчик воды барон А. Коделли. Были такие разведчики в австрийской и югославской армиях. Разведка воды составляет часть современной радиоэстезии. Путь орешника и вербы заменили маятники и радиоприборы.

В наши дни многие верят, что кошки предпочитают лежать на плохих энергетических точках, а собаки – на хороших. В окрестностях Севницы перед второй мировой войной, когда переселялись в новый дом, сначала пускали туда собаку и кошку, чтобы определить хорошие и плохие места в доме и соответственно расставить мебель и прежде всего выбрать место для сна.

Представления о том, что руки некоторых людей имеют особую силу (сегодня говорят о биоэнергии), с помощью которой они лечат окружающих, скорее всего индоевропейского происхождения [13]. В середине XIX в. в Словении был известен магнетизм Месмера. Самый знаменитый человек, который занимался магнетизмом, – священник Ю. Хумар (1819–1890), "кудесник" из с. Примско (там он был священником с 1876 по 1890 гг.), который излечивал посредством собственной биоэнергии [14]. Сам он не мог объяснить происхождение своих необычных способностей. Единственное сходство было им найдено с врачом Ф.А. Месмером (1734–1815), который начал изучать воздействие магнита и магнитного поля на излечение людей. Месмер трактовал магнетизм как всеохватывающий, тонкий и неизмеримый флюид, который влияет на весь микро- и макрокосмос. Сначала он лечил с помощью магнита, позже – контактом. Он утверждал, что умеет вылечивать также лишь посредством концентрации своей воли [15]. Хумар как очень удачливый целитель с необычайными способностями действовал как в своем крае, так и в его окрестностях; к нему часто

приезжали на лечение иностранцы. Доленские крестьяне воспринимали Хумара как всемогущего благодаря его успешному целительству и рассказам о том, как он оживил мертвую женщину. После его смерти люди ходили на его могилу с надеждой на исцеление; некоторые еще до сих пор посещают место его захоронения. Сегодня бы сказали, что он был биоэнергетик и радиоэстезист, ясновидец, владел телепатией и гипнозом, разбирался он также и в травах.

В Превальях перед мировой войной жил кузнец, признанный народный целитель, который лечил ревматизм и подагру; он брал больного за плечо, "чтобы болезнь превратилась в здоровье, как он говорил, и затем болезнь заговаривал" [16. S. 97]. Перед второй мировой войной в Горенском крае были известны люди, которые "накладывали" руки. Вероятно, их можно сравнить с современными биоэнергетиками.

Траволечение, вероятно, один из тех методов медицины, который был очень распространен в Словении и сегодня нам наиболее близок. Некоторые современные специалисты по травмам полностью опираются на рецепты, составляющие наследие словенской народной медицины. Встает вопрос: во всех ли случаях траволечения в прошлом применялись целебные составные части трав или, может быть, в некоторых случаях травы были чисто внешним, мнимым средством лечения? Некоторые современные целители полностью убеждены, что их матери и бабушки, известные как целительницы травмами, обладали и другими способностями, которые сегодня попадают в разряд, например, радиоэстезии и биоэнергетики.

Известно, что в Словении была распространена вера в мощь драгоценных и полудрагоценных камней. Так, были известны "ягоды для глаз" – определенного типа цепочки или ленточки, на которые нанизывались полудрагоценные камни – агат, яшма или шлифованное стекло, влиявшие, прежде всего, на улучшение зрения и здоровья глаз в целом. Люди, имевшие трудности со зрением, носили камни на шею или держали их на себе в течение всей ночи. Встав, они клали ожерелье в посуду с водой. В Селшской долине, Полянских горах, Шкофьей Локе и окрестностях, Кропе "ягоды для глаз" употребляли вплоть до 1900 г. [17; 18]. В Кочевской области особую силу приписывали каменным стрелам (белемнитам). Как "змеиный камень", белемнит был известен в середине XIX в. также и в других местах Словении. Его клали на тело при укусах змей [9. S. 507]. В Каринтии через "змеиный камень" (обычно – кремь с дыркой посередине) цедили молоко и давали его пить ребенку, мучившемуся ночными судорогами [16. S. 101]. В Доленском крае лечили зубную боль с помощью голубоватого камня с красными прожилками. Распространено было верование в целебную силу золота. Золотые серьги в форме колечка или с головой "негра" носили также мужчины, чтобы предотвратить головную боль, глазные болезни и порчу.

И уринотерапия, появившаяся в Словении в последние годы и применяемая, главным образом, при тяжелых заболеваниях, в словенских краях не нова. Так, например, в прошлом жители Предграда, страдавшие туберкулезом, пили свою урину и обмывали ею раны [19. S. 432]; промывание ран мочой было также распространено и у каринтийских словенцев. Они были убеждены в том, что раны быстро затянутся и не загноятся. Больное горло обматывали чулком, намоченным в урине; при вывихе накладывали увлажненные уриной тряпки. Больных водянкой лечили с помощью специальных повязок, намоченных в урине здорового ребенка [16. S. 86, 91, 92, 105, 109]. В Каринтии урина была в употреблении вплоть до второй мировой войны. В Штирии больным приписывалось пить урину натошак. Раньше в Доброве около Любляны и в Полянской долине урину пили прежде всего больные, страдавшие язвой желудка [20]. Также и Трдина отмечает, что некоторые доленцы "пьют свою мочу, и это на некоторое время помогает" [6. Кп. 1. S. 249]; урину использовали и при лечении свежих ран. В Юрклоштре уриной поливали кровоточащие раны, в области словенского Краса – дезинфицировали ссадины [21].

В записях по словенской народной медицине находим неоднократные упоминания о людях, знакомых с различными манипулятивными методами, с помощью которых вправляли кости в случае переломов и вывихов. Трдина, например, замечает, что

"...доктор Навжил, или Павлек, родом из среднего Липовца – час хода от Жужемберка, – руки и ноги умеет действительно исправить..." [6. Кн. 1. S. 175]. В Солчаве в начале XIX в. был крестьянин, который вправлял сломанные руки и ноги. В Зильской долине жила женщина, придававшая костям нужное положение [16. S. 110]. В Белой Краине перед второй мировой войной жил мужчина, лечивший вывихнутые суставы и сломанные конечности. Некоторые мужчины подобные знания приобрели на фронте во время первой мировой войны, некоторые их унаследовали от родителей. Видимо, людей, умеющих вправлять кости и суставы, можно сравнить с сегодняшними целителями, которые пользуются манипулятивными методами лечения. Во многих местах Словении знали в прошлом и о воздействии массажа, в том числе в комбинации с другими методами лечения, например, заговорами. Перед второй мировой войной жители Предграда при ишиасе лечились с помощью специального массажа, во время которого ходили по больному ногами [19. S. 433].

Часть народной медицины составляли также диеты, во многом отличные от сегодняшних, однако же несомненно имевшие определенное значение во время, когда пища в целом значительно отличалась от нынешней. К блюдам, которые должны были подействовать укрепляюще, относились, например, куриное мясо и бульон, яйца, суп с заправкой из муки и т.д. Среди напитков целебная сила приписывалась, в частности, вину.

В прошлом было распространено паломничество. Среди главных причин паломничества можно указать на непереносимые просьбы о телесном и душевном здоровье или благодарности за выздоровление. Относительно некоторых церквей известны легенды о том, что они связаны с чудесной Божьей помощью. Люди приходили туда и в надежде на чудесное выздоровление. И сегодня люди совершают паломничества в определенные места, веря в силу тамошнего святого или в то, что идут к энергетически сильным целебным центрам, где, по убеждению некоторых, находятся многочисленные церкви, которых в Словении немало. Сегодня некоторые целители убеждены, что их слово имеет особую силу. Паломничество совершается или только для разговора с целителями, или за каким-либо типом молитвы, точнее, просьб, с которыми обращаются к Богу. В словенской народной медицине слово также имело особую силу, выступая самостоятельно, например, в случае заговора, или сопровождая иные способы лечения. Особая сила приписывалась и просьбам, т.е. молитвам, с которыми обращались к Иисусу, Богородице, святым.

Огонь как очистительное средство употреблялся в различных обрядах очищения людей, скота и растений, чаще всего в случаях эпидемии чумы. Наиболее эффективным считалось очищение самим огнем – переход или прыжок через пламя. Когда в середине XIX в. в Словении распространилась холера, вокруг деревень зажигали костры. Тот, кто желал уберечься от холеры, должен был трижды перепрыгнуть через огонь. В самых различных случаях применяли также дым и пепел [22]. Очень часто, с целью излечения, через голову больного бросали в воду раскаленные угли. По шипению углей в воде определяли течение болезни. В Добрепольской долине с помощью погашенных водой углей изгоняли порчу. Подвергшийся сглазу человек должен был постоять над дымом, исходящим от погашенных углей [23].

В прошлом в Словении было известно множество действий, призванных влиять на успех во всех областях жизни (любовь, здоровье, дети, скот), и их можно найти в многочисленных обычаях. Отмечено и большое число способов предсказания будущего. Среди тех, что сохранились донныне, прежде всего отметим толкование сновидений. Перед второй мировой войной сонники обычно дополнялись руководствами по гаданию на кофейной гуще, на картах, по руке и т.д. Как и сегодня, была распространена вера в то, что некоторые люди имеют особую силу и способности, которые могут использовать для помощи или нанесения вреда окружающим. Существует большое число записей о болезнях, причиной которых стали дурные мысли и сглаз, хотя были также люди, умеющие подобные болезни излечивать чарами.

Как видим, в прошлом в Словении было много методов, имеющих общее с се-

годняшней альтернативной медициной. Напрашивается вопрос: действуют ли различные неофициальные методы лечения универсально или, может быть, они более характерны для словенской "отечественной" среды?

© 1999 г. Перевод С.М. Толстой и А.А. Плотниковой

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Borisov P.* Zdravilišča in kopaljšča na nekdanjem Kranjskem // *Kronika*. 1968. 16.
2. *Kotnik F.* Iz Ijudske medicine // *Narodopisje Slovencev*. Ljubljana, 1952. 2. S. 127.
3. *Borisov P.* Stodvajset let od ustanovitve naravnega zdravilnega zavoda na Bledu // *Zbornik za zgodovino naravoslovja in tehnike*. 1975. 3.
4. *Borisov P.* Zgodovina medicina. Ljubljana, 1985. S. 312, 355.
5. *Borisov P.* Od ranocelništva do znanstvene kirurgije na Slovenskem. Ljubljana, 1977. S. 142, 236–237.
6. *Trdina J.* Podobe prednikov. *Zapiski Janeza Trdine iz obdobja 1870–1879*. Ljubljana, 1987.
7. *Potočnik B.* Hmeljnik. Način življenja plemiške družine Wambolt von Umstadt med prvo in drugo svetovno vojno. Ljubljana, 1994. S. 73.
8. *Dolenc M.* Knjiga pacientov baronice Marije Wambolt s Hmeljnika // *Glasnik Slovenskega etnološkega društva*. 1989. 29. Št. 3/4. S. 199.
9. *Makarovič M.* Zdravstvena kultura agrarnega prebivalstva v 19 stoletju // *Slovenski etnograf*. 1991. 33/34.
10. *Pope-Toth K.* Homeopatija. Ljubljana, 1994. S. 14.
11. *Janez B.* Domače obrti na Slovenskem. Ljubljana, 1989. S. 186.
12. *Koren V.* Oskrba z vodo in oblike vodnjakov v Prekmurju // *Slovenski etnograf*. 1962. 15. S. 86.
13. *Minařik F.* Od starosloveskega vraštva do sodobnega zdravila. Ljubljana, 1971. S. 26.
14. Čudodelnik s Primovskega Jurij Humar (1819–1890) / Celovec, 1969.
15. *Pintar I.* Kratka zgodovina medicine. Ljubljana, 1950. S. 256–257.
16. *Košir P., Möderndorfer V.* Ljudska medicina med koroškimi Slovenci // *Časopis za zgodovino in narodopisje*. 1926. 21.
17. *Andrejka R.* Jagode za oči // *Etnolog*. 1934. 7. S. 183–185.
18. *Makarovic G.* Slovenska ljudska umetnost. Ljubljana, 1981. S. 307.
19. *Makarovic M.* Predgrad in Predgrajci. Kočevje, 1985.
20. *Möderndorfer V.* Ljudska medicina pri Slovencih. Ljubljana, 1964. S. 149.
21. *Čok M., Kovačič K.* Kalo su se zdravili naši predniki // *Jadranski koledar '85*. Trst, 1984. S. 169.
22. *Lenček R.* Dvoje kužnih obredij iz l. 1854 // *Etnolog*. 1943. 16. S. 61.
23. *Mrkun A.* Ljudska medicina v dobrepoljski dolini // *Etnolog*. 1937–1939. 10/11. S. 6.

© 2000г. М. МЕНЦЕЙ

СЛАВЯНСКИЕ НАРОДНЫЕ ВЕРОВАНИЯ О ВОДЕ КАК ГРАНИЦЕ МЕЖДУ МИРОМ ЖИВЫХ И МИРОМ МЕРТВЫХ

Представление о том, что вода отделяет земной мир от загробного и служит границей, которую преодолевает душа на своем пути к "тому" свету, известно многим народам. Некоторые исследователи, занимавшиеся в прошлом этим вопросом, считали, что оно было присуще также и славянам, но большинство ученых не признавало его исконно славянским. Так, например, Л. Нидерле писал, что славяне в X в., несомненно, разделяли это воззрение, но пришло оно к ним из Греции (миф о переправе Харона) [1]. Посмотрим, однако, насколько это представление отражено в славянской народной культуре, в записях народных верований, в фольклорных текстах – песнях, рассказах, молитвах и т.д., а также в обрядах.

Нетрудно найти подобные свидетельства, например, в Болгарии, где считается, что "душа приходит сначала к полю, потом к некоей широкой и глубокой реке, которая служит границей между этим и тем светом" [2]. Точно так же сербы считают *Йованову стругу* входом на тот свет [3]. Русские в Вологодской губ. верили, что душа на сороковой день по смерти переправляется через Забыть-реку и забывает все, что с ней было на этом свете [4]. По большей части это представление оказывается связанным с теми или иными обрядами, обычаями и относящимися к ним верованиями. Очень часто оно встречается в связи с обыкновением класть покойнику деньги. Так, словенцы Прекмурья (Одранцы) умершему ребенку вкладывают в руку мелочь, которая ему якобы "нужна для того, чтобы перебираться через воду на тот свет" [5]. В Боснии, Сербии и Черногории умершему давали монету, чтобы ему было чем "заплатить за переправу на остров блаженных" [6. С. 161]. В Польше все присутствующие на похоронах переходят через ручей и бросают туда какую-нибудь монету, чтобы умерший мог оплатить свой путь в иной мир, за море. Точно так же на Украине, иногда и в России, покойнику давали деньги для переезда через реку [7. S. 176].

Особенно широко отражено разбираемое представление в славянских погребальных обрядах. Обратимся сначала к обычаю "выливания воды". Исследователи объясняют его по-разному, в зависимости от того, когда это действие производится. Но если мы обратимся к народным интерпретациям этого обычая, то увидим, что ему даются одни и те же объяснения, к какому бы моменту погребального обряда он ни был приурочен. Так, например, предписание вылить воду, поскольку в ней "смерть омыла руки (или нож)", может относиться как к моменту наступления смерти, так и к моменту выноса тела из дома или даже к моменту, когда мимо дома проходит погребальная процессия или когда с ней встречается несущий воду. Как кажется, люди не делают различия между этими действиями и воспринимают их как один и тот

же ритуал, исполняемый в разных местах или даже в одном и том же месте, но в разные моменты погребального обряда. Поэтому, если мы хотим понять, как используется вода в каком-то конкретном погребальном обряде, мы должны учесть все аспекты и все случаи выливания воды, воспринимая их как разновидности одного ритуала. Если же мы хотим выяснить роль воды в разных погребальных обрядах, мы должны будем учесть множество южнославянских свидетельств об обычае выливать всю воду в доме в момент смерти или когда возле дома проходит похоронная процессия (то же, если с ней встречается несущий воду), которому дается иное объяснение: "чтобы в этой воде не поселилась душа покойника" [8. С. 53; 9. С. 10; 10. С. 82].

Это верование известно и западным славянам: по сообщению Хастингса, в Польше широко распространено убеждение, что воду в момент смерти следует выливать для того, чтобы воспрепятствовать погружению в нее души [7. С. 133]. О том, что оно было распространено также и у восточных славян, свидетельствует рассказ священника о Дмитрия Булгаковского: по верованиям пинских крестьян, душа после смерти "погружается или, как говорят, полощется в воде, находящейся в доме, и тем оскверняет ее", и потому воду необходимо выливать [11].

В Швейцарии также принято после смерти выливать всю воду, имеющуюся в доме, потому что душа умершего должна пройти через нее. В Румынии сосуды с водой покрывают, иначе душа, которая "имеет необыкновенную склонность к воде", могла бы упасть в воду и утонуть в ней. По той же причине выливают воду французы [12. С. 363]. Таким образом, создается впечатление, что вода в народных представлениях воспринимается как среда и как локус, в котором душа предпочитает пребывать после смерти, до тех пор пока по истечении 40 дней или года она не отправится на "тот" свет.

Часто говорится в народных объяснениях и о том, что душа приходит пить воду или купаться в воде, и именно для этого люди ставят воду под покойника, на могилу, на окно или в комнату, где лежал покойник. Это верование известно не только южным, но вообще всем славянам и другим народам Европы. В Мекленбурге и Альтмюнстере сосуд с водой ставили рядом с постелью или к окну еще до наступления смерти, чтобы душа могла умыться и очиститься, прежде чем предстанет перед Господом [12. С. 353]. Русские крестьяне ставили на подоконник чашку с водой, чтобы душа подкрепилась перед дальней дорогой на "тот" свет; лапландцы тоже после смерти ставили воду, чтобы душа могла искупаться; в Бельгии верили, что душа проходит через воду и очищается, прежде чем покинуть землю [12. С. 362–363], и т.д. В некоторых русских областях было принято вывешивать на окно полотенце или лоскут (которые спустя 40 дней бросали в воду, в реку или озеро), чтобы душа, приходя домой и умывшись, могла утереться [13]. Представления о том, что душа по смерти поселяется в воде или же приходит купаться в воде, пить воду и т.п., распространены так широко, что трудно с уверенностью сказать, какова истинная, "исконная" причина или цель выливания воды.

Все же, если бы мы стали искать "общий знаменатель" всех этих мотивировок, то легко бы заметили, что все они так или иначе указывают на тяготение души только что умершего к воде: вода во всех случаях оказывается той субстанцией, в которой душа задерживается после смерти обычно 40 дней, пока она "блуждает" по белому свету. При этом, когда душа погружается в воду, она, естественно, эту воду "заражает", отмечает своим "смертоносным" присутствием. Этим объясняются запреты, связанные с такой водой (ее нельзя пить, ее следует выливать в строго определенные места и т.д.). Появляются и более прозрачные мотивировки, объясняющие необходимость выливания воды тем, что она "умерла" или "замерла" [14. С. 44; 10. С. 12; 15]; тем, что она "больна" [16], "нечиста" и способна повредить тому, кто бы ею воспользовался [17. С. 355], привести к потере сознания [6. С. 160; 18. С. 123; 14. С. 44].

Поверья о том, что "смерть мыла в этой воде свой нож, косу, руки и т.п.", "в ней умыл руки *hazreti Azrai* (ангел смерти. – Прим. пер.) после того как вырвал душу из тела" [17. С. 355], очевидно, являются лишь разновидностью основного представления,

по которому душа после смерти поселяется в воде. Оно может сохраняться либо в виде указания на следствие пребывания души в воде (нечистота воды, ее непригодность для питья и т.п.), либо приобретает образ ангела смерти или самой смерти в антропоморфном виде, с косой. Нетрудно видеть, что верования о нечистоте воды вторичны, они проистекают из самого контакта со смертью, хотя большинство ученых интерпретирует обычай выливания воды именно в связи с верой в "нечистоту" умершего и всего, что с ним соприкасалось.

С верованием в то, что в воде поселяется душа умершего, нередко связываются и обряды, которым и народ, и исследователи обычно приписывают защитный смысл ("чтобы покойник не возвращался"), в том числе и обряд выливания воды в момент, когда умершего укладывают в гроб или когда гроб выносят из дома. В этом действии П. Сартори видит охранительную силу воды [12. S. 364]; а Е. Самтер и А. Фишер подобные действия с водой объясняют (или же ссылаются на народные объяснения) стремлением создать препятствие для души, выходящей из тела: выливание воды вслед за мертвым телом, как и другие меры, должны были гарантировать от возвращения покойника [19; 7. S. 255]. Но как раз пример из Мазурии, приводимый Самтером, в какой-то мере противоречит этому объяснению. Дело в том, что там выливают воду, которой обмывали покойника, т.е. воду, которая заведомо "нечиста" (вера в "нечистоту" мертвого тела распространена повсеместно), даже если в ней и не находится душа покойника. И такая вода, которая осквернена нечистотой покойника, вряд ли могла стать препятствием для его возвращения. Естественно думать, что от такой нечистой воды, в которой присутствует или могла бы поселиться душа умершего (но это обычно не та вода, в которой обмывали покойника), стремились избавиться. Поэтому такие объяснения обычая выливать воду за покойником в момент его выноса из дома, как "чтобы умерший не возвращался и не превратился в вампира" (Власина) [29. С. 587] или "чтобы умерший не возвращался в дом" (Копривица) [21], следует также рассматривать в указанном свете. Во всех приведенных примерах обычай имеет также и защитный характер, однако его глубинный смысл, несомненно, связан с верованием о том, что после смерти душа переселяется в воду.

Аналогичное верование лежит также в основе сербского обычая выливать воду, когда мимо дома проходит погребальная процессия или когда несущий воду повстречается с такой процессией. Народные интерпретации этого обычая свидетельствуют о вере в то, что в воду вселилась душа умершего, что вода "замирает", когда мимо дома проходит погребальное шествие, что в ней ангел смерти омывает свой нож и т.п., т.е. все это свидетельствует об убеждении, что в воде поселилась смерть. Поэтому трудно согласиться с мнением П. Сартори, Е. Самтера и А. Фишера, утверждавших, что вода в этих ритуалах воспринималась как преграда, препятствие для души умершего.

Если далее обратиться к обычаям лить воду, в том числе и выливать ее на могилу, достаточно распространенным на Балканах и в других славянских традициях, то следует исходить из той же предпосылки, а именно – что вода была в народных представлениях тем местом, куда после смерти попадала душа покойника, прежде чем отправиться к месту своего посмертного обитания. Тогда поливание водой могилы в нашем примере необходимо для того, чтобы душу, которая после смерти нуждается в воде для своего существования, всеми силами удержать в могиле, не дать ей возвратиться и устрашать живых. Становится понятным, почему в Нижегородской губ. [22], в Черногории [23], в Неготинской краине [24], в Височской нахии [15. С. 176], в Иванковцах [25] и во многих других местах воду льют только на свежие могилы (т.е. туда, где душа еще опасна, ибо она еще не на "том" свете), а в Сербии – на могилы самоубийц и на заброшенные (неизвестные, безымянные) могилы [26], на могилы так называемых нечистых покойников, которые еще более опасны и еще охотнее возвращаются назад и вредят живым. Это вовсе не противоречит тому, что древнейшей формой погребального обряда у славян было трупосожжение, как считал Е. Гаспарини.

Когда появляется опасность, что душа вернется из могилы и будет угрожать жи-

вым, могилу во многих местах поливают водой. Так, например, в Гниляне в случае, когда вдова снова выходит замуж, поливают могилу прежнего мужа холодной водой, чтобы умершему "охладить кости и чтобы он не ревновал" [27]. Также и в Румынии льют воду на могилу умершей жены вдовца, собравшегося вновь жениться, чтобы, как это толкует П. Сартори, "успокоить дух умершей жены" [12. S. 367]. Воду на могилы льют также и в Полесье (с. Стодоличи Гомельской обл.) [28. С. 257, 259]. Авторы объясняют обычай выливания на могилу воды жаждой умерших, однако неясно, насколько при этом они опираются на народные мотивировки обычая. Верование в то, что душа после смерти пьет воду, если и бытует в народе, то скорее всего представляет собой просто наиболее "логическое" народное объяснение, развившееся после того, как содержание обряда было стерто, а сам обряд уже укоренился в народе.

С верованием о том, что душа поселяется после смерти в воде, связан и обычай ставить воду под ложе умершего. В большинстве народных интерпретаций говорится, что воду ставят для того, чтобы "оттянуть" запах, исходящий от мертвеца, чтобы умерший не раздулся и т.п., однако можно встретить и объяснение, согласно которому воду ставят для того, чтобы "в посуде с водой душа освежилась и отдохнула" [14. S. 44; 18. S. 124]. В этом обычае также можно усмотреть желание поместить душу, пока покойник находится в доме, в воду, поставленную под кровать или к ногам, чтобы обеспечить душе наиболее благоприятные условия. В Шентруперте, например, по свидетельству Й. Страйнара, воду приносят для того, чтобы "Матильда вымыла волосы и не губила членов семьи" [29], иначе говоря, для того, чтобы умерший не смог увести за собой кого-нибудь еще. Следовательно, смысл выставления воды в том, чтобы задержать в ней покойного, чтобы он не смог увлечь за собой других членов семьи.

По тем же причинам ставят воду также на гроб или в могилу непосредственно во время погребения и особенно в первые 40 дней, пока душа остается где-то на этом свете. В Полесье в течение 12 или 40 дней после погребения (пока "душа ходит") стоит стакан с водой – уменьшение количества воды означает, что душа пила ее [28. С. 252, 257].

Вера в то, что душа прежде чем уйти на "тот" свет, пребывает, какое-то время в воде, вероятнее всего исходит из представления о воде как некоей промежуточной сфере между "тем" и этим светом. Это находит отражение во многих обычаях, связанных со смертью; вода становится средством, с помощью которого призывают душу умершего, через воду осуществляется контакт между двумя мирами. Во время танца "для мертвых" у сербов кто-либо должен был постоянно лить воду перед ведущим танец [9. С. 95; 8. С. 73], так же в восточной Сербии и Банате перед поминальным обедом присутствующие льют воду [9. С. 76–77; 30]. В Бохине (Словения), если свадьба по времени совпадала с проходившими в селе похоронами, было принято класть под посуду с водой монету, чтобы "откупиться" (устное сообщение М. Цветек); очевидно, здесь вода трактовалась как путь, по которому умерший сможет прийти за монетой. Акт выливания воды на могилу при ее посещении также следует понимать как действие, обеспечивающее связь с умершим (ср., например [31; 32]). В веровании о пребывании души после смерти в воде, которая является посредником между двумя мирами, существует еще и представление (находящее отражение в некоторых обычаях) о том, что вода – на только связь между двумя мирами, но и граница, разделяющая их. В этом пункте наша трактовка воды близка к интерпретации П. Сартори и А. Фишера, которые считают главной разделительную функцию воды, закрывающей дорогу духам. Эта роль воды особенно заметна в переходных обрядах (*rites de passage*), например, во время свадьбы за невестой, покидающей родительский дом, выливают воду, чтобы "выплакать" прошлое, т.е. обозначить границу между одним и другим состоянием [33]. Отчетливо видно значение воды как границы также в обряде из Власины, который исполняется с целью воспрепятствовать возвращению покойника в дом: при прохождении похоронной процессии по селу девушка или молодая женщина должна обойти свой дом с каструлей горячей воды [20. С. 591].

Итак, судя по всему, в обычаях, связанных со смертью, отражается реликт древнего верования, т.е. мифологического представления о том, что душа после смерти переходит на "тот" свет через воду как границу. Эту связь можно найти, по крайней мере, на трех уровнях. На первом уровне обнаруживаем, что вода – элемент, медиум, т.е. место, куда идет душа после смерти: если в мифологических представлениях душа идет через воду в потусторонний мир, то в погребальных обычаях (непосредственно перед отходом на "тот" свет), скорее всего, пребывает в воде. На другом уровне вода представляет собой с в я з у ю щ е е з в е н о между этим и "тем" светом: если в мифологических представлениях вода связывает между собой этот и "тот" свет, то в обрядах возможен контакт между этим и "тем" светом, т.е. между живыми и мертвыми через воду. На третьем уровне вода представляет собой г р а н и ц у между "тем" и этим миром: если в верованиях вода представляется разделителем двух миров, то в некоторых обрядах она также играет разделительную роль, становится знаком размежевания различных состояний.

Следы представления о воде – разделителе между мирами – находим также в фольклоре: в народной прозе, песнях и молитвах.

В рассказе "Исполненное обещание" из сборника Й. Шашела и Ф. Рамовша (издан также в сборнике Ф. Котника "Истории") повествуется о двух приятелях, которые договорились прийти друг к другу на свадьбу. Один из них умер, не дожив до свадьбы, а когда женился другой, его мертвый друг выполнил обещание и пришел на свадьбу. После свадьбы покойник позвал жениха пойти с ним. Через могилу они спустились под землю, и там на траве увидели стадо тощих овец – мертвец объяснил, что это души, которые при жизни имели большое состояние и не подавали бедным; затем они увидели стадо тучных овец – это были души, которые, несмотря на бедность охотно подавали нищим. Наконец, они пришли к воде, около которой росла верба. Мертвый легко переправился через воду, живого же вода понесла, и он едва смог ухватиться за вербовые ветки. Но на вербе было множество черных птиц, и когда дерево затряслось, то некоторые упали в воду, а оттуда, весело щелбеча, с шумом улетели. Живой спросил мертвого, что означают эти птицы. Тот объяснил, что это дети, умершие некрещеными и что теперь те, которых он стряхнул с вербы, спасены. Тогда живой захотел сильно потрясти дерево, чтобы спасти всех детей, но мертвый запретил ему, сказав, что намеренное трясение дерева не будет иметь силы. Тут мертвый внезапно исчез, а живой еще три дня выбирался обратно на белый свет [34; 35]. Интересно, что в этом рассказе не могила представляет собой препятствие для живого (переход на "тот" свет через могилу – распространенный сказочный мотив), а несомненно вода как путь, который ведет в царство мертвых, и одновременно как граница, которую мертвые переходят свободно, а живые не должны переходить.

В другом народном рассказе – "Заключенные души" – вновь находим связь между водой и путем на "тот" свет. Когда-то праведник, который познал "все зло этого света", обмолвился, что предпочел бы провалиться под землю, чтобы не видеть того, что творится на земле. «Едва он это проговорил, как увидел перед собой пещеру и ступеньки, ведущие вниз. На нижней ступеньке стоял человек, который любезно предложил быть его проводником. Праведник пошел за ним в яму. Постепенно тьма рассеялась, и они пришли в прекрасный край. Перейдя через широкую реку, они попали на большой луг с высокой травой по пояс. На лугу паслось больше тысячи исхудавших овец.

Когда они пересекли другую реку, перед ними открылся еще один, меньший луг, где трава была высотой с палец. На лугу паслось малочисленное стадо необычайно откормленных овец.

Перешли они еще более широкую реку и попали на очень большое поле, где колыхались тяжелые колосья зрелой ржи. На краю поля стояли женщины с серпами и жали. Их губы так затекли, что они не могли перемолвиться друг с другом ни словом. Сжатые и связанные в снопы колосья опять вращались в землю, так что жницы постоянно должны были жать на том же самом месте.

Посередине четвертой реки находился маленький островок, на котором боролись два худых барана с такой силой, что летели искры. Рога у них были отбиты, кровь текла из голов, дыхания не хватало, но, несмотря на это, они наскакивали все сильнее один на другого. Берег был крутой, на нем тьма косцов делала свое нелегкое дело.

После этого проводник растолковал своему спутнику все, что они видели: овцы на первом лугу – это души тех, кто жил в богатстве, но был скуп и завистлив. На другом лугу были души людей, которые жили своим трудом и помогали другим. Жницы – души женщин, при жизни клеветавших на благочестивых людей и порочивших их. Дерущиеся бараны – два крестьянина, которые всю жизнь отсуживали друг у друга старую яблоню, они растратили свою землю, и их дети остались без средств и были вынуждены наниматься к соседям в слуги. Косцы – души пьяниц... После этого проводник исчез, и праведник остался один. Когда он вернулся в родное село, там было все по-другому, "так как прошло пятьсот лет с тех пор как он отправился в свое путешествие под землю"» [36].

В этом рассказе появляются даже несколько рек, через которые переправляются герои, однако первая река – та же граница, за которой они встречают души людей, граница, разделяющая мир живых и мир мертвых.

В причитании, записанном в Драшицах в Белой Краине в Словении, дочь, голосящая по умершей матери, упоминает, что путь (после смерти) лежит мимо трех источников: "Ой ли, мама, милая мамочка, куда идете от меня в далекий путь, в далекий путь безвозвратный, с черной горы в ровное поле, ведь там найдете три холодных ключа. Когда придете к первому ключу, не пейте вы у меня той водички, от той водички головка болит. Когда придете ко второму, не пейте вы у меня той водички, от той водички сердечко болит. Когда придете к третьему, не пейте вы у меня той водички, та водичка безвозвратная..." [37. Knj. 3. S. 611–612. № 6346].

Общий мотив приведенных рассказов и причитания – посещение человеком "того" света, который находится на другой стороне какой-то реки. В первом рассказе это особенно очевидно, так как мертвец переходит через воду, а живой – нет, во втором рассказе находим за первой рекой (грешные) души умерших, в причитании показан путь умершей матери.

Путь души, пришедшей на небеса, точно так же проходит через воду, например:

Marija špencera po svetem tempeljnu.
Ena udog a dušaa prišla
Čez visoko goro, čez zeleno trato,
Čez globoko vodo, čez peklenšče vrata...
(Дева Мария по святому храму рассказывает.
Пришла к ней убогая душа.
Шла через высокую гору через зеленый луг,
Через глубокую воду, через адские ворота...)

[37. Knj. 1. S. 422. № 391].

Путь через воду на "тот" свет отмечен не только в этой народной молитве, но и часто появляется в других словенских молитвах:

Ena dušica priteče,
Marija tako reče:
"Vprašajmo to dušico, od kod je prišla!"
"Jest sem prišla
čez kamnite gore
čez globoke vode!"
(Одна душечка прибежала,
Мария так сказала:
"Спросим эту душечку, откуда пришла!"
"Я пришла
через каменные горы,
через глубокие воды!")

[38. S. 239. № 181].

Также и путь к Марии, которая пребывает в раю (или возле него), ведет через воду:

Pojme gledat
Na gorico,
Na vodico,
Kaj Marija dela.
Verne duše napajja,
V sveti raj poslaja...

(Пойдем смотреть
на горку,
на водичку,
что Мария делает
Верные души поит,
В святой рай посылает...)

[38. S. 125. № 75].

Pejmo spat,
Bogje zlat,
Čez vodice,
Čez mejice,
Tam si Marija roke vmiva,
Dušice napaja,
V svet posaja...

(Пойдем спать..
Бог золотой,
через водичку,
через граничку,
там Мария руки умывает
Душечки поит,
В святой рай посылает...)

[38. S. 125. № 79].

В следующей молитве даже упоминается "ладья на тот свет" хотя тут нельзя исключить и метафорического употребления:

Pohvalen bodi Jezus Kristus!
O, sveti križ,
bodi nam en paradiž,
lestvica v nebesa
ino ladja na ovi svet

(Хвала Иисусу Христу!
О святой, крест,
Будь для нас раем,
лестницей в небеса
и ладьей на "тот" свет)

[38. S. 555. № 360].

В песне из Лимач, которую приводит З. Кумер в своей книге "От Долан до Шмохора", мертвому желают счастливого пути и "попутного ветра на море", откуда следует, что душа должна перебраться на "тот" свет через море: "Йоштиня в Лимачах, которому сейчас 93 года, усвоил от своей матери, которая умерла в возрасте 90 лет такую молитву:

...Sa vlika čast bodē dana Bogu Oču,
sa čast bodē dana vsen svetnikan,
pokoj vsem tō mrtvam,
srenča nō potu,
pihast nō morju.
Požegnaj nas dēvica
s tvojan sinan Ježōšan.
Pojdē pred mēnō, pojdē za mēno,
vsako uro, vsako mēnuto, vsakē čas. Amen.
(... Слава великому Богу Отцу,
Слава всем святым,
Упокоение мертвым,
Счастья в пути,
Попутного ветра на море,
Благослови нас, пресвятая Дева
С сыном Твоим Иисусом.
Будь передо мной, будь за мной
Каждый час, каждую минуту,
Во всякое время. Аминь)

[39].

Перевод со словенского С.М. Толстой и А.А. Плотниковой

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Niederle L.* Slovanské starožitnosti, život starých Slovanů // Oddíl kulturní. Praga, 1912. D. I, sv. 1. S. 265–266.
2. *Маринов Д.* Народная вяра и религиозни народни обичаи. Софиа, 1994. С. 331.
3. *Чайкановић В.* Мит и религија у Срба. Изабране студије. Београд, 1973. С. 328.
4. *Успенский Б.А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982. С. 56.
5. *Rešek D.* Verovanja ob Muri in Rabi. Murska Sobota, 1979. S. 56.
6. *Дробњаковић Б.* Етнологија народа Југославије. Београд, 1960. Д. 1.
7. *Fischer A.* Zwuczaje pogrzebowe ludu polskiego. Lwów, 1921.
8. *Зечевић С.* Самртни ритуал и неки обичаји култа мртвих у становништва влашког говорног језика Крајине и Кључа // Гласник Етнографског музеја у Београду. Београд, 1968. Књ. 30.
9. *Зечевић С.* Култ мртвих код Срба. Београд, 1982.
10. *Ђаковић В.* Hrana i riče u posmrtnim obredima, a posebno kao viaticum // Etnološka tribina 8. Zagreb, 1985.
11. *Толстой Н.И.* Перевоначивание предметов в славянском погребальном обряде // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990. С. 121.
12. *Sartori P.* Das Wasser im Totengebrauche // Zeitschrift des Vereins für Volkskunde. Berlin, 1908. 18. Jahrgang.
13. *Шейн П.В.* Великорусс в своих песнях, обрядах, верованиях, сказках, легендах и т.п. СПб., 1900. С. 794.
14. *Вlahовић П.* Обићаји, веровања и празноверие народа Југославије. Београд, 1972.
15. *Филиповић М.С.* Живот и обичаји народни у Височкој Нахији. Смрт и погреб // Српски етнографски зборник САНУ. Београд, 1949. Књ. 61. С. 177.
16. *Semiza S.N.* Nekoliko narodnih gatanja. O smrti // Bosanska vila. Sarajevo, 1901. Knj. XVI. S. 185.
17. *Kajmaković R.* Neki arhaični elementi u pogrebnim običajima Muslimana u Bosni // Rad XI-jg kongresa Saveza folklorista Jugoslavije u Novom Vinodolskom 1964. Zagreb, 1966.
18. *Schneeweis E.* Grundriss des Volksglaubens und Volksbrauchs der Serbokroaten. Celje, 1935.
19. *Samter E.* Feuer und Wasser als Hindernis für die Geister, Geburt, Hochzeit und Tod, Bertrage zur vergl. Volkskunde. Leipzig; Berlin, 1911. S. 86–87.
20. *Кнежевић С.* Смртни и посмртни обичаји на Власини // Гласник Етнографског института САНУ. Београд, 1957. Књ. 2–3.
21. *Horvat R.* Smrt. Koprivnica u Hrvatskoj // Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. Zagreb, 1896. Zv. 1. S. 207.
22. *Zelenin D.* Russische (Ostslavische) Volkskunde // Grundriss der Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Berlin; Leipzig, 1927. S. 326.
23. *Murko M.* Das grab als Tisch // Wörter und Sachen II. Heidelberg, 1910. S. 90.
24. *Стојановић Д.* Посмртни обичаји у Неготинској крајини // Развитак. Зајечар, 1968. № 2. С. 61.
25. *Филиповић М.С.* Етнолошке белешке из северних села // Гласник Етнографског музеја у Београду. Београд, 1932. Књ. 7. С. 73–77.
26. *Gasparini E.* I riti popolari Slavi. Venezia, 1951–1952. P. 9.
27. *Kus-Nikolajev M.* Neki narodni običaji u Gnjanu. Smrt // Vjesnik Etnografskog muzeja u Zagrebu. Zagreb, 1935. Knj. 1, zv, 1/2. S. 263.
28. *Седакова О.А.* Материали к описанию полесского погребального обряда // Полесский этнолингвистический сборник. М., 1983.
29. *Strajnar J.* Smrt v Šentrupertu (1900–1966) // Naloga na Oddelku za etnologijo Filozofske fakultete v Ljubljani. Б.г., б.м. S. 3.
30. *Чайкановић В.* Студије из религије и фолклора // Српски етнографски зборник. Београд, 1924. Књ. 31. С. 59.
31. *Мијатовић С.* Обичаји у Ресави. Погреб и даћа // Гласник Етнографског музеја у Београду. Београд, 1928. Књ. 3. С. 27.

32. *Lovrić I.* Bilješko o putu po Dalmaciji opata Alberta Fortisa. Zagreb, 1948. S. 179.
33. *Hoffmann-Krayer E., Bächtold-Stäubli H.* Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens. Berlin, 1938/1941. S. 115–116.
34. *Šašel J., Ramovš F.* Narodno blago iz Roža. Maribor, 1936–1937. S. 14–15.
35. *Kotnik F.* Storijske. Koroške narodne pripovedke in pravljice. I, II. Celovec, 1957, 1958. S. 22–25.
36. *Möderndorfer V.* Narodne pripovedke iz Mežiške doline. Ljubljana, 1924. S. 113–115.
37. *Štrekelj K.* Slovenske narodne pesmi. Ljubljana, 1918–1923. Knj. 1–4.
38. *Novak V.* Slovenske ljudske molitve. Ljubljana, 1983.
39. *Kumer Z.* Od Dolan do Šmohora. Iz življenja Ziljanov po pripovedovanju domačinov. Celje, 1981. S. 104–105.

© 2000 г. Т.В. ВЕРНИКОВСКАЯ

СУДЬБА ДАТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА В ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

В XVIII в. дательный падеж польского языка был назван *celownik*'ом. Автор этого термина Онуфры Копчинский обосновывает его следующим образом: "Celownik призывает в третий падеж слова, отвечающие по стремлению к своей цели или намерению на вопросы *komu? czemu? jakiemu?..*" [1]. По мнению Здислава Кемпфа, известного исследователя польской падежной системы, *celownik* – название неудачное для дательного падежа, который в истории польского языка выполнял две основные функции: "давания" (донативную) и сближения (аллативную). Функция цели была актуальна для дательного падежа еще в дописьменную эпоху, когда говорили *woda picia* 'woda do picia', *miecz boju* 'miecz do walki'. Поэтому "термин *celownik* является анахронизмом, – утверждает З. Кемпф, – и Копчинский, создавая его, каким-то окружающим метафорическим путем сумел описать функцию давания, основную у этого падежа, через понятие цели" [2]. Однако дальнейшее развитие дательного падежа в польском языке и его современное состояние в некоторой степени оправдывают столь "неточное" название. *Celownik* развивается "от противоположного": в течение нескольких веков из его значения выделяются те семантические признаки, которые были близки к понятию цели, предназначенности и более или менее последовательно объединяются в две формы *do* + род.п. и *dla* + род.п. Это явилось причиной существования вариантных форм дательного падежа. Таким образом, уникальное для славянских языков название польского дательного падежа – *celownik* – отражает не менее уникальную судьбу данного падежа.

По замечанию Дануты Буттлер, в XVII–XVIII вв. дательному падежу грозило полное исчезновение из польского языка [3]. В это время значение дательного падежа очень часто выражалось с помощью различных предложных форм. Причем "основной чертой этого процесса была полная свобода и огромное разнообразие предложенных конструкций, заменяющих дательный падеж" [4. S. 37]. Все функции дательного падежа могли быть реализованы в речи с помощью предложных форм, среди которых не было никакой иерархии: любой предлог, близкий по семантике к значению данного падежа, мог выполнять его функцию. В течение двух-трех веков беспредложный дательный падеж заменяло около десяти форм: *na* + вин.п., *ku* + дат. п., *do* + род.п., *dla* + род.п., *kwoli* + дат.п., *przed* + твор.п., *przeciw*(ko) + род.п., *wobec* + род.п., *względem* + род.п. и некоторые другие. Наиболее распространенной в этой функции в XVII–XVIII вв. была форма *na* + вин.п. (более 50% по сравнению с другими предложными формами), а в XVIII в. столь же популярной стала конструкция с предлогом *dla* [4.S. 45]. Постепенно положение дательного падежа в польском языке

становится более стабильным, он передает часть своих конкретных значений предложным конструкциям, сближается с глаголом и в XIX в. получает статус синтаксического (грамматического, абстрактного, по терминологии Е. Куриловича) падежа, т.е. чаще всего используется для выражения косвенного дополнения.

Столь бурное развитие дательного падежа привело к дифференциации его значения и в итоге породило в современном польском языке конкуренцию трех форм: *celownik // do + род.п. // dla + род.п.* Причем соотношение этих форм очень разнообразно.

Ситуация выбора между беспредельным дательным падежом и родительным с предлогом *do* возникает в предложениях со значением передачи информации, в основе которых лежат предикаты *krzyżeć, mówić, powiedzieć* и др. Использование названных форм позволяет выразить в польском предложении различие между ближней и дальней перспективой действия. Ведь в предложениях такого рода действие не замыкается на субъекте и объекте, а имеет перспективу развития – адресат. Данный актант (подобно другим третьим актантам, таким, как, например, локатив) остраивает "пространство" предложения, оформляет его "задний план". Другими словами, адресат конкретизирует значение предиката, уточняет, совершается ли действие специально для участника реальной ситуации, воплощенного в качестве адресата, или же данный участник осознается говорящим как одна из дополнительных характеристик речи (наряду с местом и временем). В первом случае адресат представляет собой ближнюю перспективу развития действия и оформляется беспредложным дательным падежом, во втором случае адресат является дальней перспективой и выражается соответственно родительным падежом с предлогом *do* (ср. анализ этих конструкций с точки зрения теории речевых актов [5]). Рассмотрим подробнее условия выбора данных форм.

1. Сильная семантическая связь между адресатом и субъектом (т.е. отношения, характерные для ближней перспективы) возникает в таком предложении, в котором присутствует также и объект, выраженный винительным падежом или конструкцией *o + предл.п.* На уровне поверхностного синтаксиса подобное соотношение адресата с объектом и субъектом обуславливает выбор такой адресатной формы, как беспредложный дательный падеж, ср.: *W sobotę przy wyptacie wymówił mu to kasjer* (W. Reymont); *A ja tobie bajki opowiadam, / szeptów moich słuchasz bardzo rada* (K.I. Gałczyński); *No, a teraz niech pan mi powie coś o Polsce, której tak jestem ciekawa* (S. Dydat); *Miłość ta, tak egzaltowana, opiera się głównie na możliwości mówienia o niej* *T y t u s o w i* (J. Iwaszkiewicz).

2. Если при предикатах со значением передачи информации имеется дополнительная характеристика качества речи (*mówić szeptem, głośno, z uśmiechem*), то это значит, что для говорящего важен прежде всего субъект предложения, адресат же в данном случае рассматривается как одно из обстоятельств речи, он помещается говорящим на "задний план" предложения и оформляется с помощью конструкции *do + род.п.*, например: – *No, ale dzisiaj toś się pan nie ukrywał ze swoimi amorami – mówił ze smutnym uśmiechem Klejn do M r a c z e w s k i e g o* (B. Prus); – *Zdaje mi się, panie Leśniewski, że ten chłopczyk jest bardzo żywego usposobienia? – rzekła melodyjnym głosem pani hrabina do mego ojca* (B. Prus); *Już raz ktoś do m n i e przemawiał w podobny sposób* (S. Dygat). Ср. также: *Wróciła do pokoju, lecz jeszcze zawołała do m n i e przez okno: – Ja zakaszle... Pamiętaj!* (B. Prus) – здесь *do mnie* такое же обстоятельство речи, как и *przez okno: zawołała jak? – do mnie przez okno; Kiedy spotykam cię w lesie, / Co szumem w sen się kołysz, / Pytam: "Dlaczego ty do m n i e nie mówisz, / Lecz echo słów jeno twych słyszę?"* (L. Staff) – в этом предложении форма *do mnie* называет только направление действия и подчеркивает избыточность информации как таковой (избыточность объекта), причем эту форму нельзя заменить на *mi* (**dlaczego ty mi nie mówisz*), так как в этом случае необходимым был бы объект (*nic mi nie mówisz*).

По этой же причине именно с предлогом *do* используются стилистически окрашенные (как правило, разговорные) глаголы, например: – *Oto są skutki wychowania w moskiewskim gimnazjum... – mruczał do o t a c z a j ą c y c h ksiądz Anastazy* (S. Żeromski); – *Czekaj za kulisami! – wrzasnął do T e o f i l a* (J. Parandowski); *Ja tu do w a s będę gadał, ale czy wy co rozumiecie?* (S. Dygat).

3. Исследуемые адресатные формы могут встречаться в рамках одного предложения, и тогда "ближний" и "дальний" адресаты наиболее точно противопоставляются друг другу как, например, в следующих высказываниях: *Prezydujący szepnął mi coś i wnet potem Kryspin rzekł głośno do Ł u k a s z a*: – *Czy zrobisz kiedy w życiu jaką ofiarę, na przykład na cel dobroczynny?* (B. Prus); *I, łowiąc fali cichotne echa, / U ś m i e c h o m własnych ust się uśmiecha, / Jak do swej myśli w sercu tajonej, / Co patrzy ku niej zza snów zastony* (L. Staff). В первом примере два участника ситуации противопоставляются друг другу не только по признаку удаленности от председателя суда (*prezydującego*), но и по некоторым социальным качествам: шепнуть что-то "своему человеку" и громко сказать обвиняемому; это противопоставление подчеркивается в польском языке разными адресатными формами. Во втором предложении автор использует устаревшую форму дательного падежа (в современном польском языке можно *uśmiechać się* только *do kogoś*), а точнее, создает ее заново для того, чтобы противопоставить "улыбку на губах" и "тайную мысль сердца" (ср. по этому поводу замечание Е. Куриловича: "Гиперархаические формы, кажущиеся ошибками только с точки зрения исторической грамматики, не являются таковыми с точки зрения той функции, которую они выполняют: это не архаизмы языкового археолога, а лишь поэтические формы, созданные по аналогии с формами, встреченными поэтом в известных ему литературных образцах" [6]).

Примерно такая же ситуация возникает и в предложениях с прямой речью, если в них использованы два предиката со значением передачи информации. В этом случае форма дательного падежа употребляется в прямой речи (как внутренней структуре), а форма родительного падежа с предлогом *do* – в словах автора (как внешней конструкции по отношению к прямой речи). Ср. примеры: *Tego samego dnia, przy obiedzie, rzekła do m n i e z miną tajemniczą*: – *Przyjdź o trzeciej; powiedziałam już L o n i, że będziesz* (B. Prus); – *Powiadam ci, że takich ludzi nie ma, może trzech na świecie – mówił do m n i e z naleganiem* (H. Sienkiewicz); *"Ja ci wcale nie powiadam – mówiła do E l ż b i e t y – że świat jest dobrze urządzony i że każdy ma, co mu trzeba* (Z. Nałkowska).

Использование вариантных форм дательного падежа и родительного с предлогом *do* способствует уточнению семантики приведенных выше конструкций, помогает говорящему дифференцировать пространство предложения – выделить ближнюю и дальнюю перспективы.

Совсем другие отношения наблюдаются между дательным падежом и сочетанием *dla* + род.п. В предложениях со значением передачи информации замена дательного падежа на родительный с предлогом *dla* не только вносит новые оттенки значения в семантику предиката и адресата, но и изменяет смысл структуры в целом: адресатная ситуация (типа *mówić mi o czymś*) преобразуется в дестинативную (типа *robić dla niego coś*). Покажем это на конкретном примере. Высказывание *Proszę opowiedzieć mi raz jeszcze o tym zdarzeniu* имеет значение 'Już jeden raz słyszałam o tym zdarzeniu, ale chciaabym usłyszeć raz jeszcze'. В то время как фраза *Proszę opowiedzieć dla mnie raz jeszcze o tym zdarzeniu* значит, что 'Ktoś opowiadał już komuś o tym zdarzeniu, chciaabym, żeby zrobił to raz jeszcze dla mnie'. В первой конструкции семантическая связь между предикатом и адресатом такая же сильная, как и между предикатом и объектом, поэтому обстоятельство *raz jeszcze* относится ко всему высказыванию: [*proszę opowiedzieć mi o tym zdarzeniu*] *raz jeszcze*. Во второй конструкции связь между предикатом и объектом намного сильнее, нежели между предикатом и дестинативом,

и поэтому *raz jeszcze* поясняет непосредственно предикат, т.е. данное предложение состоит из двух семантически равноправных частей *Proszę zrobić to (opowiedzieć o tym zdarzeniu) raz jeszcze* и *Proszę zrobić to dla mnie*.

Более наглядно различие между дательным падежом и *dla* + род.п. проявляется в конструкциях с донативными предикатами (предикатами со значением передачи предмета). Ср. *dawać mi czasopic* и *dawać czasopic dla niego*. В последнем случае предполагается наличие посредника между субъектом и дестинативом, т.е. в этом сочетании обязательно присутствие адресата: *dawać czasopic komuś, żeby ten mi go oddał*.

В других типах предложений, например, с дестинативными предикатами, различие в значении рассматриваемых форм полностью стирается, ср.: *kupić mi coś* и *kupić coś dla niego*.

Таким образом, семантика, присущая дательному падежу, регулярно выражается в польском языке формами *do* + род.п. и *dla* + род.п. Однако условия замены дательного падежа названными сочетаниями различны. Родительный падеж с предлогом *do* используется в тех же высказываниях, что и дательный падеж, – в конструкциях со значением адресатности (предназначенности информации или предмета для кого-то), т.е. данные формы служат для выражения адресата. Родительный падеж с предлогом *dla* выполняет иную функцию и употребляется в другом контексте, нежели адресатный дательный падеж. Более того, использование формы *dla* + род.п. отражает изменения в значении адресатных конструкций, свидетельствует о переходе их в дестинативные.

Кроме названных форм, примерно то же значение может выражать и родительный падеж с производным предлогом *pod adresem*. Развившись из сочетания существительного с предлогом, данная конструкция начинает использоваться не в локативных, а в адресатных предложениях, но при этом частично сохраняет свое первичное локативное значение, т.е. называет направление действия, подчеркивая его опосредованный характер. В этом заключается основное отличие высказываний *Mówić mi coś, Mówić (coś) do niego* от *Mówić (komuś) coś pod jego adresem*. (Ср. развитие аналогичной конструкции в русском языке: здесь этот предлог, стремясь отделиться от производного сочетания, изменяет свою форму *po adresy* – *в адрес*, что нередко является причиной контаминаций, например: *Отошлите его [кроссворд] в адрес редакции не позднее чем 18 декабря 1997 года...* (Ком. правда. 11 XII 1997)). Адресатные предложения с предлогом *pod adresem* стремительно расширяют сферу своего употребления и встречаются не только в научных текстах (что вполне характерно для аналитических форм), но и в художественной литературе: – *Żeby to najjaśniejsze spaliły! Człowiek pracuje jak wół, a jeszcze spokoju nie ma! – zaklął rano, ale sam nie wiedział, pod jakim adresem* (W. Reymont) и даже в разговорной речи: *Czy jest coś ważnego pod adresem naszego gościa?* (Seminarium naukowe). Более того, данный предлог уже в новом адресатном значении регулярно используется в письменных текстах с неодушевленными существительными. Ср. примеры из научной литературы: *Tak więc podstawowym zarzutem poprawnościowym kierowanym pod adresem tekstów prasowych jest nadużywanie zwrotów opisowych w przypadkach nie uzasadnionych ani funkcją, ani celem wypowiedzi* (J. Anusiewicz); *Przykłady pokazują, że leksemy spójnikowe ŻE i ŻEBY różnią się, i to w sposób jaskrawy, wymaganiami pod adresem zdania-reszty* (Z. Saloni, M. Świdziński); *Natomiast w wypadku: poświadczyć, przyświadczyć, zaświadczyć; dosvědčit, dotvrdit, přisvědčit kontext wskazuje na upřednie zglaszanie wątpliwości pod adresem OOK* (Z. Greń).

До сих пор речь шла о чередовании дательного падежа с *do* + род.п. и *dla* + род.п. Однако в отдельных случаях данные предложенные формы полностью вытесняют дательный падеж и конкурируют только между собой. Такую ситуацию можно наблюдать в предложениях с эмотивным значением, в основе которых лежат аналитические предикаты типа *czuć nienawiść do kogoś, budzić litość dla kogoś* и т.п. Для

многих славянских языков в данном случае характерно однообразие форм выражения объекта чувств, в то же время как в современном польском языке наблюдается конкуренция двух форм: *do* + род.п. и *dla* + род.п. В некоторой степени выбор одной из форм обусловлен одушевленностью / неодушевленностью актанта (ср. [7]), как, например, в следующем высказывании: *Horus westchnął na wspomnienie ukochanego przyjaciela, którego Ranizes wygnał z kraju za to, że w duszy wnuka i następcy szczepił odraze do wojen, a miłość dla uciśnionego ludu* (В. Prus). Однако такое разграничение не является последовательным и безусловным (ср. критерии выбора предлога при существительном *miłość* в работе [8]). Если при неодушевленных существительных регулярно используется предлог *do*, то одушевленные существительные далеко не всегда сочетаются исключительно с предлогом *dla*. При одушевленном объекте в ситуации эмотивности употребляется и предлог *dla*, и предлог *do*. Отличие между этими формами сводится к различной (более или менее подробной) характеристике говорящим самого чувства.

Если в эмотивном предложении для говорящего важно только, на кого именно направлено чувство, то с этой целью используются конструкции с предлогом *do*, который в данном случае сохраняет свое пространственное значение. В таких высказываниях говорится, как правило, о возникновении или наличии чувства, поэтому в них употребляется выражение типа *czuć niechęć do kogoś, budzić wstręt do kogoś, mieć żal do kogoś*. Например: *I znowu bez powodu uczułem nienawiść do owego trzecioklasisty, którego nigdy nie widział* (В. Prus); *Właściwie lubiła w sobie wszystko i to z zadowoleniem uczuwała jako miłość do Boga i ludzi* (Z. Nałkowska). Как наиболее нейтральный (по сравнению с предлогом *dla*), предлог *do* всегда используется в выражении *mieć stosunek do kogoś*.

Если же в эмотивных предложениях для говорящего важно подчеркнуть значительность, силу или "положительность" чувства, то для этого в польском языке могут использоваться не только лексические, но и грамматические средства, а именно: конструкция *dla* + род.п. Предлог *dla*, имея значение причинности, предназначенности, сообщает в таких высказываниях о важности чувства, а не просто констатирует его наличие. Например: *Syn okazywał ciągle najwyższe uwielbienie dla ojca* (J.I. Kraszewski); *Teofil odzyskał spokój, lecz ostatecznie stracił dla siebie szacunek* (J. Parandowski); *Przy całym szacunku dla sekretarza Episkopatu Polski, słowa te mijają się z rzeczywistością* (Wprost. 1996. № 36). В анализируемых конструкциях употребление предлога *dla* часто сочетается с обязательным (необходимым по смыслу) использованием определения, поясняющего существительное со значением чувства, например: *Dla matki czuła bezwzględną miłość, ona mi bowiem najwięcej sprawiała przyjemności* (В. Prus). Таким образом, в описании чувства лексические и грамматические средства в польском языке используются "на равных". Это наглядно прослеживается при сопоставлении переводных и оригинальных высказываний. Ср. перевод на польский язык одного предложения из повести А. Куприна: *Теперь во мне осталось только благоговение, вечное преклонение и рабская преданность* – *Pozostał mi tylko teraz najwęższy dla niej szańce, człobitność niezmienna i niewolnicze oddanie*.

Разница между рассматриваемыми формами становится более очевидной и значительной, когда данные конструкции встречаются в одном и том же высказывании. Ср., например, описание обычной привязанности и "королевского" преклонения: *Lękałem się, czym mi dosyć okazał moją cześć i przywiązanie do niego, moje uwielbienie dla naszej świętej i czystej królewiczowej* (J.I. Kraszewski), а также противопоставление положительного и отрицательного чувства, которое усиливается с помощью предлогов *dla* и *do*: *Uczułem sympatię dla naszej dziedziczki, a nawet dla guwernantki, obok niechęci do brodatego pana i do pisarza* (В. Prus). Подобные отношения могут переноситься говорящим и на предложные конструкции даже с неодушевленными существительными: *Fala uwielbienia dla Prawa wezbrała w nim i poruszyła równą falę*

niechęci do zła (S. Mrożek). Приведенные примеры показывают, что в современном польском языке для выражения эмотивной ситуации кроме лексических средств широко используются и грамматические – предлоги *dla* и *do*.

Итак, можно утверждать, что в ходе развития польского языка происходит перераспределение основной (ядерной) семантики дательного падежа: значение адресатности и более широкие значения направленности и предназначенности выражаются в современном языке не только дательным падежом, но и формами *do* + род.п. (больше со значением направленности) и *dla* + род.п. (больше со значением предназначенности). Это говорит о том, что сфера употребления дательного падежа суживается (по крайней мере, суживалась), даже свою основную функцию – называние адресата в ситуациях информативности и донативности – этот падеж с конструкцией *do* + род.п.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Grammatyka języka polskiego przez X. Onufrego Kopczyńskiego pisana. Warszawa, 1817. S. 173.
2. Kempf Z. Wokół polskiej terminologii przypadków // Poradnik Językowy. 1969. № 6. S. 327.
3. Buttler D. Innowacje składniowe współczesnej polszczyzny. Warszawa, 1976. S. 147–148.
4. Brodowska M. Historyczne procesy przekształceń polskiego celownika w formy przyimkowe // Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej. 1955. № 1.
5. Wierzbicka A. "Akty mowy" // Semiotyka i struktura tekstu. Warszawa, 1973. S. 203–205.
6. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 426.
7. Buttler D., Kurkowska H., Satkiewicz H. Kultura języka polskiego. Zagadnienia poprawności gramatycznej. Warszawa, 1986. S. 357–358.
8. Wiśniewska H. Oboczność przyimków *dla* i *do* wobec braku przyimka // Język Polski. 1974. № 1. S. 38–39.

© 2000 г. О.В. НИКИТИН

"В СУДЬБЕ МОЕЙ ПРОИЗОШЛИ ЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ".
ТРИ ПИСЬМА Н.С. ТРУБЕЦКОГО 1922 ГОДА

Н.С. Трубецкой был одним из тех потомков российской культурной династии, которые вынесли перипетии нелегкой жизненной судьбы, оставаясь верными своим принципам. Этим людей, так сильно разнящихся по своим убеждениям, укладу и профессиональным интересам, объединяло одно – желание видеть Россию не потерянной духом. Они воспринимали ее как наследницу традиций многоликих культур древних цивилизаций, давно ушедших в небытие, но по-прежнему дышащих притягательной силой Русской Земли. Таким течением, которое поддерживали, страстно пропагандировали и которому сочувствовали в разное время Г.В. Вернадский, П.Н. Савицкий, П.М. Бицилли, П.П. Сувчинский, Г.В. Флоровский и многие другие, стало евразийство. Этот термин, объединительный по своей сути, включает в свой состав разнообразные компоненты: от историко-географических и этнических до культурных, социальных, языковых. Один из видных идеологов этого направления, Петр Николаевич Савицкий, писал: «Определяя культуру, как "евразийскую" – евразийцы выступают, как *осознаватели русского культурного своеобразия*» [1].

Ранний Н.С. Трубецкой мало известен современным исследователям. В письмах и трудах начала 1920-х годов он выразил то, что стало основополагающим после в его историко-культурных и лингвистических взглядах. Но здесь не "наброски" мыслей и тезисы, а уже вполне выраженные и осмысленные идеи, будь то его полемика с П.М. Бицилли по вопросам истории Востока, представленная в настоящей публикации, или же глубокий анализ политической ситуации в Болгарии в начале 1920-х годов. Везде чувствуется не простое "присутствие" мысли и ее декларация, что совсем не было свойственно Н.С. Трубецкому, а критически осознанный взгляд. Конечно, с позиции нынешней науки мы можем сказать, что многое из того, о чем рассуждал ученый со своими коллегами, было обусловлено "моментом" времени, исторической ситуацией и политической конъюнктурой. Но есть идеи, находящиеся вне времени, которые не потеряли своей актуальности и сейчас. Так, проблема "Восток – Запад", национальное своеобразие малых народов, "романогерманизация" российского общества и другие заставят нас еще не раз обращаться к письмам и трудам Н.С. Трубецкого.

Историческое поле "местодействия" было одним из основных тезисов евразийства, но понималось не одинаково. Не случайно поэтому Н.С. Трубецкой столь внимателен к статье П.М. Бицилли «"Восток" и "Запад" в истории Старого Света», по поводу

Никитин Олег Викторович – ассистент кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского педагогического университета.

которой он заявляет: "Пренебрежительный тон по отношению к туранцам бестактен...". По свидетельству А.В. Антощенко, «именно осознание черт туранской психологии в русском народе и строительство культуры в соответствии с ними должно было... привести к ликвидации раскола между "верхами" и "низами" русской культуры, который был результатом петровских преобразований и привел к социальным катаклизмам начала XX в. в России» [2]. Кроме собственно восточной части статьи П.М. Бицилли, представляет интерес взгляд ученого на проблему "Восток – Запад" в истории культуры, также обсуждаемую Н.С. Трубецким. По П.М. Бицилли, она опирается на три позиции: 1. «Антагонизм "Востока" и "Запада" в Старом Свете может означать не только антагонизм Европы и Азии»; 2. "Борьбой двух начал история Старого Света не исчерпывается..."; 3. "Концепция истории Старого Света как история дуэли Запада и Востока может быть противопоставлена концепции взаимодействия центра и окраин как не менее постоянного исторического факта" [3].

Дискуссия Н.С. Трубецкого и П.М. Бицилли, полемика ученого с П.Н. Савицким, пожалуй, наиболее близким ему из "евразийских" коллег, имеют глубокий смысл, так как основаны на научном понимании вопросов исторического развития славянства и Востока. И здесь позиция Н.С. Трубецкого – не стороннего наблюдателя. Его философия (и жизненная, и исследовательская) – это философия действия, в которой строгий системный подход к изучению и оценке исторических фактов всегда имел конкретную практическую направленность.

В публикуемых письмах нами сохраняются особенности авторского словоупотребления, пунктуация приведена в соответствие с современными нормами, незначительные исправления и приписки нами специально не оговариваются.

I

Н.С. ТРУБЕЦКОЙ – П.М. БИЦИЛЛИ¹

Многоуважаемый Петр Михайлович!

От Г.В. Флоровского я узнал, что Вы не желаете вносить никаких изменений в Вашу предназначенную для евразийского сборника статью?² Изменения, о которых Вам писал П.Н. Савицкий, были предложены в результате обмена мнений между всеми нами. Я считаю, однако, необходимым указать Вам на несколько пунктов, которые я лично считаю в Вашей статье совершенно либо ненужными, либо вредящими общему впечатлению. Во-первых, статья настолько широко захватывает историю Старого Света и изображает эту историю в настолько непривычном для среднего читателя виде, что она может навлечь на автора упрек в легковесности и поспешности обобщений. И именно поэтому, что к статье этой критики будут подходить с такой точки зрения, необходимо, чтобы все фактические неточности или сомнительные гипотезы из нее были устранены. А между тем, таковые имеются. Я могу судить, конечно, лишь о том, чем занимаюсь сам. И вот: во-первых, с Заратуштрой дело обстоит совсем не так, как оно Вам рисуется. По Вашему выходит, будто он был приблизительно современником Будды. Смею Вас заверить: что это не так. Язык проповедей Заратуштры (так называемое гатическое наречие) по своей архаичности стоит приблизительно как итальянский язык Данте к латинскому языку Плавта. Таким образом, уже с лингвистической точки зрения между Заратуштрой и Буддой приходится предположить промежуток, по крайней мере, в несколько веков.

¹ Автограф на листах в клетку тетрадного формата черными чернилами. Дата написана голубыми чернилами.

² Для евразийских сборников П.М. Бицилли написал две статьи: «"Восток" и "Запад" в истории Старого Света» [4] и "Католичество и Римская Церковь" [5]. Здесь Н.С. Трубецкой упоминает первую работу.

Это подтверждается и самим содержанием древнейших частей Авесты, рисующих бытовую картину несравненно более примитивную, чем та, которая могла существовать в Иране в VII и VI вв. [до н.э.]. Но кроме всего прочего, мы имеем и почти прямое свидетельство о том, что в VIII в. маздеизм уже существовал: на одной надписи (ассирийской) около 700 г. упоминается иранский вождь Маздака, а между тем, до Заратуштры слово Мазда (собств[енно] "премудрость") еще не было собственным именем Бога и потому вряд ли могло с уменьшительным суффиксом-ка служить человеческим именем. С другой стороны, прибол[изительно] в 1400 г. до Р.Х. царь народа Митанни клянется старыми арийскими богами, среди которых упоминается и Царуна, переименованный Заратуштрой в Ahuro Mazda, и Индра, и Насатья, которые в Авесте выступают в качестве демонов. Значит, Заратуштра действовал между 1400 и 700, во всяком случае не в седьмом и не в шестом веке! – Далее, действовал он во всяком случае не в западном, а в восточном Иране. На это указывает и язык, и имя пророка (зап[адно]-иранская форма была бы не Zaratuštra, а Zaga'uštra – откуда греч[еская] Ζοροάστρoς), и самое содержание не только проповедей Заратуштры (так называемых "гат"), но и позднейшей Авесты, в которой упоминаются исключительно восточноиранские географические и бытовые условия. В этом отношении книга Гейтлера "*Ostiranische Kultur*", несмотря на свою устарелость в деталях, все-таки и до сих пор может считаться "glundlegend"³. – Это касается Заратуштры.

Далее, имею возразить против предполагаемого буддийского влияния на Евангелия (в частности, на Евангелие от Луки). Либеральные лютеранские богословы, считающие признаком хорошего тона уличать апостолов, евангелистов и самого Христа в плагиатах, очень муссируют мысль об этом влиянии, точно так же, как и некоторые маниакальные индоманы. Однако всякий, кому приходилось заниматься индийской литературой и религией по подлинным памятникам, знает, как шатки все хронологические построения в этой области. Так, время жизни поэта Калидасы одни ученые относили к III-му в. до Р.Х., другие – к III-му в. по Р.Х., третьи – к V-му, четвертые – к VII-му. При таких условиях совершенно невозможно доказать того, что легенды, якобы повлиявшие на Евангелие от Луки, действительно существовали до написания этого Евангелия. Самые сопоставления далеко не вполне убедительны. Поэтому, несмотря на мнение такого глубокого авторитета, как Пишель⁴, гипотезу об этом влиянии следует признать рискованной и недоказанной. Пишель, кстати сказать, и не такие еще гипотезы выставлял, напр[имер], в области экзегезы Риг-Веды. – Итак, вот те пункты в Ваших построениях об истории религий Старого Света, против которых я лично возражаю.

В остальном мои возражения скорее лишь редакционного характера. Относительно терминологии Вам Савицкий уже писал: слово "средиземный", ассоциирующееся у нормального читателя с Средиземным морем, непременно вызовет у этого читателя ряд недоразумений и затруднит понимание всего построения. Этот термин для ясности и во избежание недоразумений хорошо бы заменить каким-нибудь другим. Есть еще один пункт, который стоит в связи с общим контекстом "евразийства". Это оценка туранцев. Правда, Вы не грешите огульным низведением туранцев до степени скотоподобных варваров, не повторяете вместе с Бунаковым⁵ несправедливого ходячего места о "ноге Азии". Но все-таки в некоторых местах, где Вы говорите о туранцах как о этническом типе, в Ваших словах сквозит некоторая нотка пренебрежения. Вы говорите о культурной пассивности туранцев, о их неспособности к творчеству, о их религиозной бездарности. Прежде всего, это не совсем справедливо: туранцам просто "адски не везло", ибо они попали в силу

³ Основной, основополагающий (нем.).

⁴ Известный востоковед: автор трудов по истории индийских языков и литератур (см. [6]).

⁵ Фондаминский Илья Исидорович (1880–1942) (псевд. Бунаков) – публицист и общественный деятель, издатель "Современных записок".

исторической необходимости под влиянием самых обезличивающих и убивающих национальное культурное творчество религий, – мусульманства и буддизма; исследуя народное творчество тюрков (о монголах судить не берусь), приходишь к тому заключению, что при более благоприятных условиях эти народы могли бы создать весьма ценные национальные культуры, но что поделаешь, когда в силу мусульманских предрассудков все тюркское (начиная с языка!) безжалостно преследовалось до самого недавнего времени (в турецком литературном языке на 80 персидско-арабских слов приходится лишь 20 турецких, и это – после национальной "пантуранской" реформы младотурок!). Я охотно допускаю, что туранцы не обладали свойственной иранцам и индусам способностью печь религии и секты как блины (хотя кое-какое религиозное творчество и у них есть, напр[имер], "Белая Вера", возникшая на Алтае в XIX в.). Но статически они переживают религию интенсивно: ни турок, ни казанских татар, ни азербайджанцев, ни узбеков в религиозном индифферентизме упрекнуть нельзя. Но даже независимо от вопроса о творческих способностях туранцев в области создания духовных ценностей, нельзя отрицать в них дарований государственных и грюндерского темперамента; вовсе не случайно туранцы основывали свои колоссальные государства и быстро налаживали в этих государствах какой-то административный аппарат: ведь даже у тех тюрков, которые не имели никогда государственной организации, обычное право всегда разработано гораздо лучше, чем у всякого другого народа, живущего в тех же условиях. А т[ак] к[ак] мы, русские, в области нашей государственности чрезвычайно многим обязаны именно этим чертам туранских народов, то поэтому подчеркивать их бездарность в культурном отношении является не только несправедливым, но и неблагодарным и бестактным. Пренебрежительный тон по отношению к туранцам бестактен, в частности, и для нас, евразийцев. Мы аполитичны, но некоторая политическая ориентация на восток (в частности, на Турцию) у нас существует. Сейчас туранцы – наши друзья, а об недостатках друзей не говорят, лучше их умолчать, подчеркнув достоинства. Тем более, что туранцев в "вульгаре" всегда было принято ругать.

Что касается до всего Вашего построения, то оно мне кажется чрезвычайно интересным. По-моему, "очередная задача момента" – составление учебника истории для русской средней школы. Для этой цели Ваша схема, конечно, не вполне подходит, но исходя из этой схемы, можно было бы все-таки создать кое-что. При этом, разумеется, надо иметь в виду, что объективной наукой может быть в университете, а в гимназии особенно история непременно должна быть тенденциозна. Не знаю, разделяете ли Вы мой взгляд на то, какая тенденция сейчас должна быть в воспитании русской молодежи; я считаю, что при современном положении, когда Россия становится в ряды колониальных стран Азии, эксплуатируемых романо-германцами, и когда спасение наше, как и спасение других колониальных народов, зависит исключительно от способности культурного отпора романо-германизации, – при таком положении молодежь нужно воспитывать в протесте против притязания романо-германцев на всемирное господство и на общечеловечность их культуры. И вот в этом-то направлении и должен быть тенденциозен тот учебник истории для русских гимназий, о котором я говорю. Если Вы с такой постановкой вопроса согласны, и если Вы вообще принципиально не возражаете против возможности и допустимости тенденциозного преподавания истории в средней школе, то мне очень было бы интересно обменяться с Вами некоторыми мыслями по поводу этого учебника. М[ожет] б[ыть], Вы бы взяли такой учебник составить! Повторяю, это – задача момента, переход к практической деятельности. А к этой деятельности пора переходить.

Примите уверение в моем искреннем к Вам уважении.

Кн. Н.С. Трубецкой

Адрес: София, ул. Шейново, 2.

12/1922

[София]

ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 390. Л. 1–5.

Н.С. ТРУБЕЦКОЙ – П.Н. САВИЦКОМУ⁶

Христос воскрес,
дорогой Петр Николаевич!

Давно собирался Вам писать, но все откладывал то ввиду говенья, то из-за накопившихся срочных корреспондентских *devoir*'ов. К тому же, у нас тут сложилось убеждение, что Вы с Флоровским друг другу читаете письма, так что написав одному из вас, в то же время как будто пишешь другому. Флоровскому же я писал несколько раз. Теперь, после ошеломляющего события, о котором Вы написали в Вашем последнем письме, полагаю, что Флоровский временно перестанет существовать в качестве "специального корреспондента", и что эти функции перейдут на Вас. Флоровскому мы с женой напишем письмо по поводу его женитьбы, Вы же пока вкратце приветствуйте его от нас.

Жизнь в Софии протекает своим чередом. Особых событий пока нет, но все время ожидаются. Политическая атмосфера сильно сгущена, отчасти, м[ожет] б[ыть], благодаря отмене цензуры. Во всяком случае, очень реально чувствуется близость радикальных перемен и неизбежность смены власти. При этом, зная современную здешнюю власть, Вы легко можете себе представить, что такая смена не может быть мирной и непременно будет связана с потрясениями. Трудно предвидеть, кто "сменит", буржуи или коммунисты. В общем, это будет зависеть главным образом от междупарадной конъюнктуры. Но что какой-то переворот не за горами, это – несомненно, и благодаря этому создается какое-то нервное настроение. Положение живущих здесь русских как будто ухудшается. Против "армии" Врангеля была сильная травля (притом не только со стороны коммунистов), толчком послужил приезд старого идиота Бурцева⁷, даввшего потрясающе бестактные интервью газетам и болтавшего всякую ерунду болгарским общественным деятелям. Теперь русские главным образом боятся признания большевиков, которое, если состоится, действительно может повлечь за собой большие неприятности для многих, особенно состоящих на государственной службе. Положение мое и вообще русских профессоров сейчас совсем дурацкое. У университета идет длительный и абсолютно неразрешимый конфликт с министром. В сущности говоря, совет университета просто объявил политическую забастовку выставив требованием в скрытом виде уход правительства. Занятия прекращены. Вследствие автономии министр ничего не может сделать, ибо для увольнения каждого отдельного профессора по закону требуется согласие совета университета. Единственное, что по закону возможно, это проведение в законодательном порядке полного упразднения университета с тем, чтобы потом начать формировать новый на новых началах. А на это министр не решается. В результате министр придумал только один способ борьбы, именно, не платить жалованья. При этом мы, русские, оказались в особом положении, как служащие по контракту. Сначала в министерстве была тенденция использовать нас как штрейкбрехеров. Но мы встали на формально-законную позицию, заявив, что согласно контракту мы обязаны во всем подчиняться совету как высшему органу власти в автономном университете и что поэтому мы лекций читать не можем. Т[аким] о[бразом], оказалось, что мы по независящим от нас обстоятельствам не можем выполнить принятых нами обязательств (чтения лекций), вследствие чего, согласно контракту, мы подлежим увольнению с уплатой за 6 месяцев вперед. Т[ак]

⁶ Автограф на больших листах квадратного формата черными чернилами.

⁷ Бурцев Владимир Львович (1862–1942) – общественный деятель, публицист, историк. Издавал газету "Общее дело". Написал "отчет о своей деятельности" – книгу "Борьба за свободную Россию (1882–1924)" Берлин, 1924 и др.

к[ак] болгары не любят единовременных расходов, то нам пока платят ежемесячно, надеясь на то, что тем временем конфликт как-нибудь уладится. Но во всяком случае, Народное Собрание уже постановило с 1-го октября всех нас уведомить и контракта с нами не возобновлять. Для меня лично это в конце концов скорее упрощает вопрос, ибо мой контракт все равно истекает 1-го октября, и до сих пор я был в нерешимости возобновлять ли его или нет, а теперь Народное Собрание решило за меня. Это развязывает мне руки и дает право искать место вне Болгарии. Но, разумеется, искать не значит найти. Мои взоры естественно направлены на Чехословакию, но судя по тому, как бесконечно и безнадежно тянется дело с теми из членов нашей Акад[емической] Группы, которые еще в прошлом году были приглашены в разные чешские университеты (Погорелов, Иванов, Вилинский), я боюсь, что особенно надеяться на эту перспективу не придется. Я попросил Н.П. Кондакова похлопотать за меня и дал ему на всякий случай свое curriculum vitae и список научных трудов. Очень буду Вам благодарен, если Вы при случае спросите его, предпринимал ли он что-нибудь по этому делу. В конце концов, м[ожет] б[ыть], если расчет переехать в Прагу, даже не имея никакой заручки в университете и заняться там каким-нибудь другим делом, ведь все равно, уж если академическое поприще придется бросить и приняться за что-нибудь другое, то лучше при этом жить в приличном городе, а не в Софии. В Софии нас сейчас удерживает в сущности только служба жены, ибо такого хорошего места (3000 лев. при 3 или 4 часах в день работы), конечно, нигде не найти. Чтобы менять Софию на Прагу, нам нужно иметь если не загрузку в Университете, то во всяком случае перспективу возможности найти место и для меня, и для жены. С этой целью мы сейчас усиленно учимся чешскому языку и даже наняли учителя-чеха. Летом я по-прежнему надеюсь хотя бы на короткое время посетить Прагу. Застану ли я Вас там? Или Вы собираетесь летом уехать из города?

Как продвигаются Ваши научные занятия? Удалось ли Вам что-нибудь сделать, и будете ли Вы держать магистерские экзамены? По евразийским делам у нас ничего нового нет. Я уже писал Флоровскому о том, что генерал Гурко через Сувчинского⁸ предложил мне организовать перевод "Европы и Человечества" на экзотические языки. Теперь он списался непосредственно со мной: перевод на арабский язык, по-видимому, близок к реальному осуществлению. Турецкий же пока только в области предположений. Что слышно о втором сборнике? Когда он выйдет? – Высылаю Вам заказным письмом переписанную на машинке в 2-х экз. рецензию Мирского⁹ на первый сборник (по-английски, из "Russian Life") и вырезку из польской социалистической газеты, испугавшейся евразийства как нового вида империализма. Из Польши сведения, что там нами интересуются, но достать "Исход" и "Европу и Чел[овечество]" совершенно невозможно. Некий Авдиев¹⁰ (теперь помощник Эйлера) послал "Исход" и "Европу и Чело[вечество]" заказной бандеролью в Москву своему сыну. Представьте, – дошло, имейте это в виду. От молодого Авдиева, оставленного при Московском Ун[иверсите]те по русской истории, получено из Москвы восторженное письмо о евразийстве.

Пока до свидания. Жена Вам кланяется. Передайте сердечный привет Георгию Васильевичу.

22/IV 1922
София

Ваш кн. Н.С. Трубецкой
P.S. Как адрес Кондакова?

⁸ Сувчинский Петр Петрович (1892–1985) – одно из основателей евразийского движения, талантливый публицист и литературный критик. В конце 1920-х годов разошелся по идейным соображениям с Н.С. Трубецким. Позже отошел от евразийства и занимался музыковедением.

⁹ Святополк-Мирский Дмитрий Петрович (1890–1939) – литературный критик. С 1922 по 1932 гг. преподавал в Англии. После возвращения в СССР был репрессирован и погиб. Н.С. Трубецкой имеет в виду его рецензию на сборник "Исход к Востоку" [8].

¹⁰ Авдиев Всеволод Игоревич (1898–1978) – доктор исторических наук, профессор. С 1951 г. – зав. кафедрой истории Древнего мира МГУ.

Милый Петр Николаевич¹¹

Вы наша последняя надежда. Все, что Котя (так домашние называли Н.С. Трубецкого. – *О.Н.*) до сих пор писал и предпринимал для того, чтобы попасть на будущий год в Прагу, осталось без ответа. Петр Николаевич, хоть Вы отзовитесь и помогите! Котя дал свой *curr[iculum] vitae* Кондакову. Расшевелите старика, и сами, если имеете к тому возможность, прозондируйте почву и постарайтесь для нас. [Ведь] еще одну зиму в Софии – и Котя совсем рамолизируется (так в тексте – *О.Н.*) и впадает в неврастению. Так я на Вас полагаю все свои надежды.

Искренне Вам преданная кн. Трубецкая.

ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 390. Л. 8–10 об.

3

Н.С. ТРУБЕЦКОЙ – П.Н. САВИЦКОМУ¹²

Дорогой Петр Николаевич!

В судьбе моей произошли значительные перемены. Мне предложили кафедру славянской филологии в Венском университете, и я это предложение принял. Теперь жду утверждения со стороны австрийского министерства. С нового года я должен приступить к чтению лекций, а в течение декабря – к руководству семинарием. Мне приходится сейчас усиленно работать, подготавливать курс на немецком языке и спешно заполняя пробелы в своих чисто филологических познаниях, ибо я собственно не филолог, а лингвист. Таким образом, с одной стороны, работа приковывает меня к Австрии, а с другой – моя поездка в Прагу для устройства моей личной судьбы становится излишней. Ввиду всего этого я решил в ближайшее время никуда не уезжать. Если удастся до Рождества закончить все, что нужно, то, м[ожет] б[ыть], на рождественские каникулы я поеду за границу, но еще неизвестно в Прагу ли. Уж очень у вас высокая валюта. М[ожет] б[ыть], целесообразнее было бы устроить съезд в Берлине. Впрочем, все это я говорю в форме на воде писанных предположений. Позитивным фактом остается только то, что в ближайшее время я в Прагу не поеду. Из этого вытекает необходимость усилить нашу письменную связь. Вы меня очень мало информируете, и я мало в курсе Ваших предположений и новостей. Несколько беспокоит меня Ваша американская ориентация. "Княгиня Мария Алексеевна" – не жупел, а вполне реальная опасность. Ведь раз наш предполагаемый сборник имеет цели пропаганды, мы по необходимости должны думать о тактике и учитывать пропагандную тактику противоположной стороны. Думаю, что с этой тактикой Вы просто мало знакомы. Я же здесь читал католические журналы и могу себе приблизительно представить, какова будет тактика патеров в интересующем нас вопросе. Небезынтересны также в этом отношении беседы с моим дядей Григорием Николаевичем¹³, который, хотя и стоит на почве строгого православия, но как представитель старого мягкотело-либерального направления склонен к некоторому

¹¹ Окончание письма – автограф В.П. Трубецкой – жены Н.С. Трубецкого.

¹² Автограф на листе в клетку тетрадного формата голубыми чернилами.

¹³ Трубецкой Григорий Николаевич (1873–1929) – философ. Один из трудов этого периода, раскрывающих его взгляд на проблему католицизма и православия, называется "Католический богослов о русской религиозной психологии" [9].

примиренчеству и проповедует идею внешнего политическо-тактического союза с Ватиканом для борьбы против "общего врага всех христианских исповеданий". Я, разумеется, ничего не говорил ему о возможности американского финансирования, но о проекте самого сборника говорил. Характерно, что он при этом стал убеждать меня, что это предприятие только доставит удовольствие врагам христианства, и высказал уверенность в том, что эти враги даже окажут нам поддержку, и прямо задал мне вопрос: неужели мы сочтем возможным и допустимым вступить в союз с врагами христианства для борьбы против одной из христианских церквей? Из этого я имею полное право заключить, что подобная аргументация, точнее подобный отвод против нас будет иметь успех. Ибо дядя Гриша в данном случае является типичным представителем значительной части русского общества. А что источник наших средств скрыть будет трудно, – в этом я не сомневаюсь: шила в мешке не утаишь, особенно от отцов иезуитов, у которых информация поставлена прекрасно. Поэтому-то я и настаиваю на желательности русского издания.

Что касается до моей статьи, то я в ней недоволен местом (кажется, на стр. 17), где говорится о том, что нестроения церковной жизни и личные недостатки священнослужителей не должны смущать верующего. В сущности, я при этом имел в виду Софию и епископа Серафима и самому себе читал нотацию. Между тем, судя по рассказам моего двоюродного брата, высланного из России, там церковные дела в гораздо более плачевном виде, чем это мы себе представляем. Необходимо поэтому будет изменить соответственно (главным образом, в отношении тона) упомянутое место моей статьи.

Пишет ли Флоровский?

Книгу свою (немецкий перевод) только что получил. Внешность и перевод, по моему, недурны. Предисловие Гёцша неважно¹⁴.

Пожалуйста, сообщите мне, не израсходовались ли Вы хлопоча о моей визе. Все издержки я, разумеется, возмещу.

Пока – до свидания. Жду интересных писем. Приветствую всех.

Ваш Н. Трубецкой

28/X 1922

ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. В. 402. Л. 2–3 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Савицкий П.Н.* Евразийство // Евразийский временник / Под ред. П.Н. Савицкого, П.П. Сувчинского и кн. Н.С. Трубецкого. Берлин, 1925. Кн. IV. С. 8.
2. *Антощенко А.В.* Николай Сергеевич Трубецкой // Историки России XVIII–XX веков. М., 1998. Вып. 5. С. 113.
3. *Бицилли П.М.* Избранные труды по филологии. М., 1996. С. 317–318.
4. *Бицилли П.М.* "Восток" и "Запад" в истории Старого Света // На путях. Берлин, 1922. Кн. 2.
5. *Бицилли П.М.* Католичество и Римская Церковь // Россия и латинство. Берлин, 1923.
6. *Pischel R.* Kalidasa's Sakuntala. The Bengali resesion. Kiel, London, 1877; *Pischel R., Geldner K.F.* Vedische Studien. Stuttgart, 1889–1892. Bd. 1–2.
7. *Раев М.* Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994.
8. *Mirski D.* "The Exodus to the East" // Russian Life: A review of facts and documents relating to the Russian situation. London, 1922, № 6.
9. *Трубецкой Г.Н.* Католический богослов о русской религиозной психологии // Путь. 1925. № 1.

¹⁴ Речь идет о книге Н.С. Трубецкого "Европа и Человечество". В ее переводе на немецкий язык принимал участие брат Р.О. Якобсона С.О. Якобсон, работавший в то время в Берлинском университете.

B. BIAŁOKOZOWICZ. Między Wschodem a Zachodem: Z dziejów formowania się białoruskiej świadomości narodowej. Białystok, 1998. 180 S.

Б. БЯЛОКОЗОВИЧ. Между Востоком и Западом: Из истории формирования белорусского национального самосознания

В серии "Беловежа", издающейся Белорусским литературным обществом в Польше с 1990 г., вышла в свет рецензируемая книга известного польского слависта Б. Бялокозовича, посвященная некоторым моментам истории становления национального самосознания белорусов.

На обложке книги помещены цветная фотография живописных руин замка в местечке Смоляны неподалеку от г. Орши, как бы вводящая нас в тему авторского разговора. Правда, логичнее было бы видеть на обложке изображение иных руин, находящихся не на востоке, а на западе Белоруссии или же на Белосточчине, издревле заселенной белорусами. Учитывая все дальнейшее, сказанное автором в книге, это могли бы быть остатки замка в Новогрудке, где жил, а возможно и родился, А. Мицкевич, которому посвящен первый из четырех разделов исследования Б. Бялокозовича, носящий весьма символичное заглавие – "Белорусские корни Адама Мицкевича".

По сути, заглавие это стало и неким смысловым стержнем всей книги, рассматривающей, с одной стороны, белорусские национальные искания в их польско-западнических противоречиях, с другой – повествующей о "польской музыке кресов", вынужденно обращенных к Востоку. Эпиграфов у книги три. Все они взяты из знаменитого в среде белорусских возрожденцев XX в. эссе-воззвания "Извечный путь", написанного рано умершим поэтом, философом и экономистом И. Абдзираловичем (псевдоним И. Кончевского) [1]. Впрочем,

своеобразную эпиграфическую роль выполняет и часто упоминаемое имя А. Мицкевича, образ которого постоянно присутствует в книге, свидетельствуя о весьма запутанных, трагичных страницах истории белорусского и польского национального самосознания, многие из которых еще не прочитаны или читаются различными сторонами весьма неоднозначно, противоположно. Недаром Б. Бялокозович приводит слова И. Абдзираловича о том, "что Мицкевич – творец польского мессианизма западного типа – по происхождению был белорусом" (S. 21). О белорусском роде А. Мицкевича по линии отца упоминают сейчас все больше и больше исследователей, в том числе и польских. Важно другое: почему не поляк по крови, который, по словам Я. Рымкевича, "мог бы стать (в последний момент остановился написать: должен был стать) поэтом белорусским или еврейским", "станет поэтом поляков" [2]? Как это могло случиться два столетия назад в центре нынешней Беларуси, где великий поэт родился и прожил безвыездно почти восемнадцать лет жизни, окруженный не только людьми, исповедующими католичество и причисляющими себя к польскоязычной "панской" среде? Б. Бялокозович пытается дать некоторые ответы на эти непростые вопросы, непосредственно связанные с судьбой белорусской идеи, белорусского самосознания, и отвечает именно на них не только в первом разделе своей книги, но и во всех остальных ее частях. Постепенно, вольно или невольно, перед читателем рождаются новые, пока еще не решенные,

но уже достаточно ясно обозначившиеся, притом весьма давно, жгучие для всех народов польскоязычного культурного пространства вопросы, например о "польском и польскоязычном". Безусловно, в небольшой книге Б. Бялокозович не стремится более или менее определенно ответить на них. Однако несомненная заслуга исследователя в том, что он достаточно смело и тактично их формулирует, часто не облекая в конкретные слова, пользуясь приемом, сформированным еще древними слагателями притч, позволяющим создать глубокую, контрастную, диалектичную картину, не прибегая к конкретным именованиям, не упоминая их. Вот и известное восклицание А. Мицкевича из "Пана Тадеуша" – "О Литва, моя отчизна" – видится ключом ко многим загадкам, связанным не только с великим поэтом, но, прежде всего, с характером польского народа, его становлением, самоощущением. Недаром Б. Бялокозович цитирует слова А. Малаховского: "Если бы мы в прошлом не пересекли линии Буга, были бы другим народом" [3] и констатирует факт "многоэтничности польского народа", а что особенно примечательно – "мультикультурных начал польской письменности" [S. 21].

Написанный в основном на белорусском языке второй раздел книги Б. Бялокозовича ("У истоков становления современного белорусского национального самосознания") является своего рода расширенным вариантом критической реплики в адрес известного белостокского исследователя и журналиста Е. Мироновича, который в соответствующей главе своей книги "Белорусы в Польше" [4] ничего не пишет о Белосточчине как о месте "зарождения белорусского национального движения". Проблема эта в широком смысле поднята уже достаточно давно, в последнее время на эту тему очень активно пишет председатель Белорусского исторического общества в Польше О. Латышонек, начиная с публикации в бюллетене Белорусского демократического объединения Польши и минском журнале "Спадчына" [5]. Ему достаточно резко возражает Н. Хаустович [6], а Б. Бялокозович, в целом соглашаясь с О. Латышонком, подчеркивает, что тогда все же "был период не осознанного национального возрождения, тогда еще только рождались предпосылки для нового этапа белорусского движения, который возник и сформировался значительно позднее" [S. 57]. Впрочем, никаких новых деталей и фактов автор книги в доказательство своих тезисов не приводит. Все это скорее констатация давно из-

вестного, высказанного в более сжатом или распространенном видах в работах, ныне ставших классическими, А. Цвикевича [7], А. Станкевича [8] и других, которые достаточно хорошо знакомы исследователям в Белоруссии и в среде белорусской эмиграции, однако только в самое последнее время начинают интересовать польских ученых. Безусловно, приоритет этого интереса в нынешней Польше принадлежит молодым исследователям, входящим в число членов Белорусского исторического общества, выпускающего интереснейший журнал "Белорусские исторические тетради" [9] (порусски правильнее было бы сказать "записки"), десять изданных томов которого являются не только своего рода историческим архивом Белосточчины, в значительной мере относительно XIX и XX вв., но и архивом разнообразных фактов и аналитических материалов, касающихся поднятого в данном разделе книги вопроса.

Следующие два раздела книги Б. Бялокозовича целиком связаны с анализом некоторых сторон деятельности известного исследователя, уроженца Подляшья Н. Янчука, о котором автор много писал, а в 1996 г. опубликовал монографию "Николай Янчук (1859–1921): Подляшские перекрестки славянских традиций" [10]. Как и материалы первого и второго разделов, содержание третьего и четвертого разделов уже было опубликовано автором в основном в польской и белорусской печати. В настоящую их редакцию внесен ряд дополнений. Впрочем, самые значительные и принципиальные дополнения внесены в первый раздел, куда был включен аналитический блок о "белорусских корнях Адама Мицкевича". В начале третьего раздела [S. 91–92, 99], говоря об известной записке Н. Янчука касательно издания "памятников белорусского языка и словесности" [11], рассмотрению которой и посвящая раздел, Б. Бялокозович едва ли справедливо пытается противопоставить обстоятельства ее появления смыслу по-сути всей деятельности крупнейшего белорусоведа и слависта, академика Е.Ф. Карского, создателя энциклопедического свода "Белорусы" [12], окончательно утвердившего во всеобщем мировом понимании факт существования белорусского народа и его богатейшей многовековой культуры. Тема Белоруссии для Н. Янчука, в отличие от Е.Ф. Карского, никогда не была самой главной, хотя огромные заслуги уроженца Подляшья в становлении белорусоведения несомненны [13]. Строго говоря, жизненный путь самого Н. Янчука, человека пограничья, очень

интересен в качестве объекта исследования обозначенной в заглавии книги темы. Сын старосты униатской церкви из с. Корница, расположенного на этнографическом белорусско-украинско-польском порубежье за рекою Бугом неподалеку от нынешнего польского города Бяла Подляска, Н. Янчук скорее относил себя к "малороссам", украинцам, назвав уже первую свою большую работу "Малорусская свадьба в Корницком приходе Константиновского уезда Седлецкой губернии" (М., 1886). Тем не менее некоторые другие моменты скорее всего фиксируют колебание в данном вопросе, порой, возможно, даже стремление предать какой-то особый статус родному местному подляшскому говору, на котором он иногда писал и сам, о чем свидетельствуют рукописи [14]. Вместе с тем один из псевдонимов Н. Янчука "Białogusin" и "białogusin" этот мог писать на русском, белорусском, украинском, польском языках, на "простой мове", "тутейшей", не имевшей никакой нормализации, но издавна являвшейся родным языком "подляшских русинов", каковыми считали себя его отец и мать.

Четвертый раздел книги Б. Бялокозовича назван "Франтишек Скорина в трактовке Николая Янчука" и представляет собой полемический разбор скориноведческой части брошюры последнего "Нарысы па гісторыі беларускае літаратуры: Старадаўні пэрыяд" (Менск, 1922) в сравнении с мнениями некоторых современных белорусских ученых. При этом, горячо возражая В. Свежынскому, Б. Бялокозович пишет об издании "в 1562 году Сымоном Будным в переводе на белорусский язык в Несвиже Катехизиса Мартина Лютера" (S. 136). Отнесение этой замечательнейшей во всех отношениях книги Б. Бялокозовичем к лютеранским, а тем более к произведениям самого М. Лютера заставляет предположить, что подобная констатация – досадная описка, что-то вроде той, когда "Белорусские исторические тетради" были названы "Белостокскими" (S. 74). В противном случае нужно говорить о весьма незаурядном для нашего времени исследователем взгляде на судьбы старобелорусской литературы...

Завершая свою книгу, Б. Бялокозович справедливо пишет о весьма трудных, порой трагичных этапах становления белорусского национального самосознания, скорбный список творцов которого насчитывает "тысячи имен". Однако его вступительный тезис о том, что "в Белоруссии не было восстаний и вооруженных движений, ставящих главной целью отстаивание суверенности и создание

независимого белорусского государства, то есть не сформировалась традиция борьбы за независимость" (S. 16), несомненно, нуждается в особых пояснениях и значительной корректировке. "Белорусское национальное движение, имевшее этнокультурный и просветительский характер, было всегда далеким от неумеренного национализма и нездорового шовинизма, что также характеризует национальный облик современной Белоруссии" (S. 16). За всем этим не стбит, правда, забывать, что именно белорусы во время второй мировой войны целыми семьями уходили в партизаны, организовали всенародное сопротивление врагам, с которыми сражались почти в 1300 партизанских отрядах сотни тысяч коренных жителей Белорусской ССР и еще столько же активно им помогали, непосредственно не участвуя в боях. Десятки белорусских партизанских отрядов действовали во время германской и польской интервенции 1918–1920 гг., а также в период вхождения Западной Белоруссии в состав межвоенной Польши, II Речи Посполитой. Тогда и неподалеку от родного села Б. Бялокозовича Видово, что в восточном предместье г. Бельска Подляшского, где вот уже полвека работает знаменитый Белорусский лицей им. Б. Тарашкевича, действовали белорусские партизаны. В первом номере их "ежемесячного беспартийного журнала борцов за Родину" "Беларускі партызан", издававшегося "Галоўным Штабам беларускіх партызанаў" в "Белавежскай Пушчы", читаем строки "ультиматума... начальнику Польской дзяржавы Пілсудскаму", копия которого была предназначена также "Старшыне Лігі Нацый ў Жэневе": "Мы уполномочены от партизан и всего населения поватов Белостокского, Бельского, Брест-Литовского, Волковыского, Пружанского и др. обратиться к Вам, господин Пилсудский, и, через Вас, ко всему польскому народу о признании наших следующих требований, а именно:

1) Во имя справедливых человеческих прав отказать от претензий на Беларусь и признать ее право на самоопределение, как нации..." (1922. № 1. С. 3–4).

А вот те простые и мудрые слова, которые как ничто иное могут служить ключом к пониманию внутреннего мира белорусов, их этнонационального восприятия, правильному видению его образа. Написаны они в начале 1920-х годов еще одним великим поэтом, еще одним Мицкевичем – Константином, родившимся в семье лесника не так далеко от родины Адама (о вполне вероятно "простом", "из крестьян" происхождении отца Адама

Мицкевича исследователи спорят до сих пор, (см. [15]). К. Мицкевич, он же Якуб Колас, пламенно и исповедально восклицал в начале своей знаменитой поэмы "Новая земля" (как когда-то А. Мицкевич о своей "Литовской отчизне", о своем "литвинстве" в "Пане Тадеуше"):

*"Мой родны кут, як ты мне
мілы!..*

Забыць цябе не маю сілы!"

© 2000 г. Ю.А. Лабынцев

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдзіраловіч І. Адвечным шляхам: Дасьледзіны беларускага сьветагляду. 4-е выд. Мінск, 1993.
2. Rymkiewicz J.M. Kilka szczegółów. Kraków, 1994. S. 39.
3. Małachowski A. Zapiski z wizyty na Białorusi // Wiadomości Kulturalne. 1995. № 10. S. 3.
4. Mironowicz E. Białorusini w Polsce. Warszawa, 1993.
5. Латышонак А. Беласточчына й народзіны беларускае думкі // Беларускія навіны. 1991. № 2; Латышонак А. Народзіны беларускай нацыянальнай ідэі // Спадчына. 1992. № 1.
6. Хаустовіч М. Заблытаньня карані: Яшчэ пры беларускую нацыянальную ідэю //

Літаратура і мастацтва. 25 студзеня 1995.

7. Цьвікевіч А. Адраджэньне Беларусі і Польша. Менск; Вільня; Берлін, 1921; Цьвікевіч А. "Западно-руссизм". Менск, 1929.
8. Stankiewicz A. Mahnu e ski-Pa luk Bahrum-Babro shi (Da wyтока białaruskaha adradžeńnia). Wilnia, 1937; Stankiewicz A. Białaruskі chryścijanski ruch. Vilnia, 1939; Станкевіч А. Хрысьціянства і беларускі народ. Вільня, 1940.
9. Białoruskie Zeszyty Historyczne. 1994–1998. T. 1–11.
10. Białokozowicz B. Mikotaj Janczuk (1859–1921): Podlaskie skrzyżowania tradycuj słowiańskich. Olsztyn, 1996.
11. Янчук Н.А. Записка об издании памятников белорусского языка и словесности // Известия Академии наук. Отделение русского языка и словесности. 1907. № 9. С. 225–232.
12. Карский Е.Ф. Белорусы. Варшава; М.; Пг., 1903–1922. Т. 1–7.
13. Петровская Г.А. Не погасла звезда: Жизненный и творческий путь Н.А. Янчука. Минск, 1987.
14. Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 218.
15. Szapska M. Szkice mickiewiczowski // Londyńska Biblioteka Literacka. Londyn, 1963. T. 17. S. 33.

Славяноведение, № 1

ГЕОРГИ ДИМИТРОВ. *Дневник (9 марта 1933 – 6 февраля 1949) /* Съставителство, преводи, редакция, предговор, бележки и указатели: Димитър Сирков, Петко Боев, Никола Аврейски, Екатерина Кабакчиева. София, 1997. 794 С.

Г. ДИМИТРОВ. *Дневник (9 марта 1933 – 6 февраля 1949)*

Имя видного деятеля болгарского и международного рабочего и коммунистического движения 20–40-х годов XX в. Г. Димитрова хорошо известно не только болгарской, но и международной общественности. Особенно хорошо его знают в России, где он прожил большую часть жизни после эмиграции из Болгарии, вслед за поражением Сентябрьского восстания 1923 г.

До конца 1980-х годов в марксистской историографии, как болгарской, так и зарубежной, Димитров характеризовался однолинейно и в большинстве случаев апологетически. Подчеркивались его заслуги как видного марксиста-ленинца, генерального секретаря Исполкома Коминтерна в 1935–1943 гг. и как болгарского политического и государственного деятеля. Безоговорочно

признавалась также его роль в деятельности Балканской коммунистической федерации, одним из лидеров которой он был в 20-е годы. Особое внимание уделялось роли Димитрова в разработке и проведении новой стратегии и тактики международного рабочего и коммунистического движения накануне и во время второй мировой войны. Отмечался также его вклад в политическую и государственную жизнь Болгарии после окончания мировой войны, где он провел последние годы своей жизни, а в 1946–1949 гг. был ее премьер-министром.

После радикальных перемен в бывшем социалистическом лагере в конце 80-х – начале 90-х годов произошла коренная переоценка не только марксистско-ленинского учения и коммунистического движения в целом, но также жизни и деятельности его виднейших представителей, в том числе Димитрова. В публицистических, журналистских и других подобных изданиях в Болгарии и зарубежных проводился курс на тотальное отрицание всех его заслуг. Применительно к нему использовались самые уничижительные эпитеты и определения.

Возможно, по этой причине историческая наука не только в Болгарии, но и в других странах придерживается тактики умолчания в отношении Димитрова. По моему мнению, эта тактика проистекает не только из всеобщего недоумения, вызванного резким изменением обстановки в странах Восточной Европы. Другой, не менее важной, причиной было то, что до 1989 г. значительная часть документального наследства Димитрова оставалась недоступной для широкого круга историков, изучающих новую историю Болгарии, Балкан и в целом Юго-Восточной Европы. Это относится прежде всего к его "Дневнику", доступ к которому имел очень узкий круг исследователей. Эту лакуну не могло заполнить предпринятое новое издание "Сочинений" Димитрова, к тому же остановленное сразу после изменений, произошедших в Болгарии после 1989 г. (вышли в свет только 16 томов).

В такой ситуации понятен интерес к "Дневнику" Димитрова, проявленный историками Болгарии и других стран, занимающихся проблемами рабочего и коммунистического движения и новой политической истории. Обстановка резкой конфронтации и крайне негативного отношения к деятельности Димитрова, имевшая место в Болгарии, заставила его сына Бойко Димитрова взять из Центрального партийного архива при ЦК КПБ находившийся там на хранении "Дневник". Несколько лет подряд

он отвергал все предложения, поступавшие с разных сторон, издать "Дневник". И согласился сделать это только после того, как эту задачу предложили взять на себя одни из лучших знатоков жизни и деятельности его отца и всего международного рабочего и коммунистического движения, а именно: проф., д-р Димитр Сирков, ст. научн. сотр. Петко Боев, ст. научн. сотр. Николай Аврейский и Екатерина Кабакчиева. Благодаря их труду "Дневник" Димитрова стал достоянием не только болгарской, но и международной общественности. Историки получили солидный источник, который позволит им обогатить свои представления не только в отношении ряда моментов жизни и деятельности Димитрова, но и событий болгарского и мирового рабочего и коммунистического движения накануне, во время и непосредственно после окончания второй мировой войны.

Хронологически "Дневник" охватывает отрезок времени с 9 марта 1933 г. по 6 февраля 1949 г. Вошедшие в него заметки, записи, копии различных оригинальных документов Исполкома Коминтерна и другие можно сгруппировать в несколько разделов:

1. Материалы личного характера, относящиеся к жизни Димитрова, его семьи, близких и родных, с которыми он поддерживал контакты в это время;

2. Материалы, связанные с его работой в качестве руководящего деятеля БКП и после 1945 г. – Болгарии;

3. По вопросам балканского рабочего и коммунистического движения и отношения Болгарии к ее соседям (во время и после второй мировой войны);

4. По вопросам международного рабочего и коммунистического движения в качестве генерального секретаря Коминтерна (1935–1943).

Следует сказать и о материалах еще одного раздела, которые освещают отношение Димитрова к советскому партийному и государственному руководству и советской общественности. На этом разделе я хотел бы остановиться специально.

Как уже говорилось, став политическим эмигрантом после сентябрьских событий 1923 г., Димитров большую часть этого времени провел в бывшем Советском Союзе. После Лейпцигского процесса 1933–1934 гг. он получил советское гражданство и нашел радужный прием в СССР. В 1937 г. был даже избран депутатом Верховного Совета СССР. Став генеральным секретарем Исполкома Коминтерна, Димитров получил возможность контактов с И.В. Сталиным и его ближайшим советско-госу-

дарственным и партийным окружением. Это обстоятельство позволяло ему не только в любой момент сверять свое мнение с позициями советского руководства, но и быть свидетелем важных, а в определенных случаях и напряженных моментов истории СССР. В этом отношении достаточно указать на его специальные записи от июня 1941 г., проливающие свет на поведение Сталина после начала гитлеровской агрессии против СССР. Хотя по этому вопросу существует огромная литература, но думаю, заметки Димитрова в его "Дневнике" в немалой степени будут способствовать дальнейшей разработке темы.

Что касается взаимоотношений Сталина и Димитрова, то материалы "Дневника" в значительной степени подтверждают существующие оценки, особенно сделанные после 1989 г. и говорящие о всесии советского лидера над руководителем мировой коммунистической организации, о принятии последним во внимание даваемых ему по тем или иным вопросам указаний. Однако при всем этом существует и много сведений иного рода, говорящих о попытках Димитрова быть в известной степени самостоятельным в своих действиях. Конечно, его заметки в этом отношении очень осторожны, так как он хорошо понимал, в какой обстановке ему приходится вести свой дневник.

В "Дневнике" сохранилось много сведений о контактах Димитрова с рядом других видных деятелей СССР того времени, в частности с Д.З. Мануильским, с которым Димитрова много лет связывала совместная работа.

Об отношении Сталина к нему Димитров пишет очень лаконично, и не только из-за отмеченных выше обстоятельств, но и по причине личной скромности. Но тот факт, что после роспуска Коминтерна в 1943 г. Димитров был назначен заведующим отделом ЦК ВКП(б), к тому же отделом, занимавшимся международными контактами ВКП(б), свидетельствует о большом доверии, которым он пользовался у советского руководства и после того, как перестал занимать высокий международный пост.

В "Дневнике" читатель найдет много данных об отношении Сталина и других советских деятелей к Димитрову, к Коминтерну, к проводимой им политике накануне и во время второй мировой войны. Особого внимания заслуживают страницы, посвященные причинам роспуска мировой коммунистической организации летом 1943 г.

Не меньший интерес вызывают записи Димитрова, характеризующие позицию Ста-

лина по вопросу о болгаро-югославских отношениях во время второй мировой войны и после ее окончания. Речь идет прежде всего об отношении советского лидера к так называемому македонскому вопросу, по которому в болгарской исторической науке публично даже не велось дискуссий. Можно со всей определенностью утверждать, что после документов Коминтерна, рассекречивание которых произошло несколько лет назад, "Дневник" Димитрова является вторым по значению источником по этой проблеме.

Кроме того, большую важность представляют заметки Димитрова о взглядах Сталина на южнославянскую федерацию, вопрос о которой возник раньше, но в отношениях между двумя балканскими государствами вышел на первый план именно в конце второй мировой войны и непосредственно после ее окончания. Общественным достоянием впервые становятся важные документы о встречах, переговорах, указаниях и т.п. Сталина относительно этой исключительно напряженной проблемы.

Интерес читателя вызовут также страницы "Дневника", посвященные болгаро-советским отношениям во время и после окончания второй мировой войны. Излишне говорить об их противоречивой, а в последнее время и противоположно заостренной, а нередко и голословно отрицательной оценке. По моему мнению, материалы "Дневника" хорошо освещают два важных подвопроса этой проблематики: во-первых, о навязывании так называемой сталинской модели строительства социализма в Болгарии, и, во-вторых, о помощи СССР в первые послевоенные годы в восстановлении и укреплении экономики Болгарии. Негативная оценка в первом случае мешает немалому числу историков подойти с реалистических позиций ко второму и оценить действительные заслуги СССР в этом отношении.

Конечно, в "Дневнике" Димитрова по этим и другим проблемам много лакун, что связано со многими и различными обстоятельствами. Дело в том, что после Лейпцигского процесса здоровье Димитрова было сильно расстроено, он часто болел неделями, а иногда и месяцами. Кроме того, нельзя забывать об условиях, в которых велись дневниковые записи. Димитров жил и работал в СССР в крайне деликатной, чтобы не сказать опасной, обстановке, при начавшихся там массовых репрессиях, жертвой которых становились не только миллионы советских граждан, но и иностранцы, нашедшие приют в Советском

Союзе. Достаточно упомянуть о трагической участи такой яркой личности в истории Венгрии как Б. Кун.

Наконец, следует помнить, что дневник это – не научное исследование. Потому на первом месте в нем – личные предпочтения автора; потому в нем встречаются заметки о мелких событиях и незначительных личностях. Тем не менее они в той или иной форме привлекали внимание Димитрова и играли определенную роль в его жизни. Имеющиеся в дневнике заметки личного характера позволяют думать, что он действительно не предназначался для публикации.

Недостаток места лишает возможность обозначить даже в самых общих чертах отношение Димитрова к самой советской общественности, осветить его деятельность в качестве депутата, рассказать о его встречах с десятками и сотнями советских людей, о его благодарности советским врачам, усилиями которых его жизнь была продлена на несколько лет.

В заключение отмечу, что издание отвечает строгим требованиям археографии. Не было произведено никаких сокращений дневниковых записей, включая некоторые

интимные моменты жизни автора. Издание снабжено несколькими указателями, подготовленными составительским коллективом. Все это позволяет читателю легко пользоваться "Дневником", быстро ориентироваться в его содержании.

Противоречивые оценки жизни и деятельности Димитрова, характерные для начала 1990-х годов, будут иметь место и в будущем. Несомненно, однако, что опубликованный "Дневник" поможет в немалой степени сбалансированности этих оценок, большей объективности в подходе к расстановке акцентов при исследовании жизни и деятельности Димитрова с начала 30-х годов до кончины.

© 2000 г. М. Куманов

Перевод с болгарского Р.П. Гришиной

Примечание от переводчика. Димитров вел свои записи на русском, болгарском, немецком языках. Составители и издатели, однако, посчитали возможным весь текст представить на болгарском языке, что не способствует археографической "чистоте" издания.

Славяноведение, № 1

J. RYCHLÍK. Češi a Slováci ve 20. století. Česko-slovenské vztahy, 1945–1992. Bratislava, 1998. 554 S.

Я. РЫХЛИК. Чехи и словаки в XX столетии. Чешско-словацкие отношения, 1945–1992.

В 1998 г., через год после выхода в свет первой книги, появился второй том объемного труда чешского автора Я. Рыхлика, посвященный истории существования чешского и словацкого народов в едином государстве. Второй том указанной работы является продолжением первого, повествующего о событиях чехословацкой истории в 1914–1945 гг. (рецензию на первый том см.: [1]).

По признанию самого автора, особые проблемы возникали при работе над последним периодом (конец 80-х – начало 90-х годов), что объясняется отсутствием архивных материалов и близостью событий, затрудняющих объективность оценок. Именно поэтому автор в предисловии к работе оговаривает необходимость еще раз-

вернуться к исследованию процессов, имевших место в 1989–1992 гг.

Второй том, еще более объемный, чем первый, и насчитывающий более полутора тысяч страниц, основывается по преимуществу на материалах партийных архивов чешской и словацкой компартий (ныне являющихся частью соответственно Государственного центрального архива в Праге и Словацкого национального архива в Братиславе). Частично автор использует и архивные фонды различных министерств и ведомств. Так, в качестве дополнительного источника Я. Рыхлик привлекает документы Министерства внутренних дел Чешской республики и Архива бывшего Федерального собрания (в настоящее время входящего в Архив Парламента Чешской

республики), а также выборочно материалы архива Э. Бенеша, Моравского земского архива в Брно, местных чешских и словацких архивов. Что касается специализированных фондов, то автор пользовался собраниями архивов литературы и искусства Матицы словацкой в Мартине, Национального музея в Праге, Союза св. Войтеха в Трнаве, Национального технического музея и Профсоюзного архива. Кроме того, в книге широко используются и разнообразные документальные публикации, в том числе и вышедшие в последние годы. Поэтому без преувеличения можно сказать, что работа выполнена на богатой источниковой базе, позволившей автору коснуться самых разных сторон во взаимоотношениях двух народов.

В центре внимания автора – словацкая политика по отношению к чехам и Чехословакии. Главной темой исследования является различная позиция чешского и словацкого общества в вопросе государственно-правового устройства Чехословакии. Книга состоит из введения, семи глав и заключения. В приложении к книге автор помещает 37 наиболее интересных и содержательных документов, дает краткую аннотацию книги на английском и немецком языках, публикует список использованных источников и литературы, а также именной указатель к обоим томам.

Во введении Я. Рыхлик рисует государственно-правовые аспекты воссоздания Чехословакии в конце второй мировой войны. Он считает, что конфедеративное объединение, возникшее весной 1945 г., было непрочным и нефункциональным. Дальнейший конфликт в чешско-словацких отношениях он объясняет тем, что чешская сторона желала видеть в обновленной Чехословакии централизованное государство, а словацкая – сохранить как можно больше свободы. Автор также останавливается на характеристике литературы и приходит к выводу, что марксистская историография переоценивала значение введения федеративного устройства в 1968 г., а в людацких эмигрантских трудах, наоборот, отрицалась какая-либо роль этого события в жизни страны. Я. Рыхлик не ограничивается анализом чешской и словацкой литературы, характеризуя также работы зарубежных авторов.

В первой главе, названной "Чешско-словацкие отношения в 1945–1948 гг.", рассматриваются государственно-правовое положение Словакии в рамках ЧСР, ход чешско-словацких переговоров и заключенные соглашения об изменении этого

положения, словацкий вопрос в связи с подготовкой Конституции в 1948 г. Наиболее интересны, на наш взгляд, параграфы, посвященные персональным и имущественным вопросам в чешско-словацких отношениях, проблеме ретрибуций, а также процессу над Тисо и так называемому людацкому заговору.

Во второй главе анализируются отношения чехов и словаков в период "народной демократии" 1948–1953 гг., для которого было характерно усиление централистского режима в Чехословакии.

Глава третья, хронологически охватывающая 1954–1960 гг., повествует о политических изменениях внутри государства, ведущих от централизации к автономии, а затем снова к еще большему централизму. По мнению автора, эти изменения в концепциях государственно-правового устройства страны были связаны в первую очередь с общими изменениями политической ситуации (борьба с культом личности и некоторая либерализация середины 50-х годов сменились иным политическим курсом, отразившим внешнеполитический фактор, перестановки в высшем эшелоне власти и подготовку новой Конституции 1960 г.).

В четвертой главе автор предоставляет в распоряжение читателей интересные материалы о процессах реабилитации в чешском и словацком обществе. Он не обходит своим вниманием роль чехословацкой историографии и позиции чехословацких писателей в отношении внутривнутриполитических проблем.

Пятая глава целиком посвящена событиям 60-х годов и возникновению чешско-словацкой федерации. Автор полагает, что оценить конституционный закон о чехословацкой федерации 1968 г. весьма сложно, так как, с одной стороны, он отвечал чаяниям большинства словаков на тот момент, но, с другой стороны, даже в условиях демократии он не смог бы стать достаточно прочным основанием для решения национального вопроса в государстве.

Следующая, предпоследняя, глава описывает период так называемой нормализации. Здесь рассматриваются процесс практической реализации закона о федерации, изменение внутривнутриполитического курса, замена Дубчека Гусаком, массовые чистки 1969–1970-х годов и их отличительные особенности в Чешской и Словацкой республиках, последовавшая деформация федерации и эпоха так называемого "реального социализма" (1971–1989). В главе автор затрагивает и такие вопросы, как оппозиция против нормализации, роль чешской и

словацкой эмиграции в развитии дальнейших отношений чехов и словаков. Заканчивает эту главу автор, показывая развитие чешско-словацких отношений во время "перестройки" и в момент краха коммунистического режима.

Последняя, седьмая глава, воскрешает в нашей памяти события 1990–1992-х годов, вскрывая динамику развития двусторонних отношений в условиях демократии. В ней анализируются попытки государственно-правового решения национального вопроса в этот период. Здесь автор стремится дать объяснение причин распада Чехословакии. Рыхлик склонен считать главной из них то обстоятельство, что за все годы существования общего государства не удалось выработать единого чехословацкого самосознания. В этом смысле Рыхлик связывает распад Чехословакии с распадом Австро-Венгрии в 1918 г., также не сумевшей справиться с проблемами идентичности своего населения.

Что касается заключительной части исследования, то здесь было бы интересно провести параллель с распадом других стран

с посткоммунистическим режимом.. Дальнейшего исследования заслуживал бы и вопрос о том, связана ли демократизация режима с распадом государства, а также какая форма государственного устройства Чехословакии (унитарная, автономия, федерация, конфедерация) в большей мере отвечала бы задачам сохранения государственного единства. В выводах к работе можно было бы попытаться ответить на вопрос, чего больше – позитивного либо негативного – принес распад государства для чешского и словацкого народов.

В целом же надо признать, что очередная книга Я. Рыхлика является серьезным научным исследованием, весомым вкладом в разработку проблем, связанных с решением национальных вопросов в современную эпоху.

© 2000 Е.П. Серапионова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Славяноведение. 1998. № 5.

Славяноведение, № 1

N. MIKHAILOV. Frühslovenische Sprachdenkmäler. Die schriftliche Periode der slowenischen Sprache (XIV. Jh. Bis 1550). Amsterdam, 1998. 449 S. (+ 16 страниц факсимиле). (= Studies in slavic and general linguistics. Vol. 26)

Н. МИХАЙЛОВ. Памятники раннесловенского языка. Рукописный период словенского языка (XIV в. – 1550)

Появление монографии Н. Михайлова о памятниках раннесловенского языка следует считать значительной вехой в развитии современной словенистики. Прежде чем указать на ее новаторский характер, уточним, что же понимает автор под раннесловенским языком. Для него это период между древнейшими Брижинскими (Фрейзингскими) отрывками (конец X – начало XI в.) и первой печатной словенской книгой "Катехизисом" Приможа Трубара (1550). Н. Михайлов называет этот хронологический отрезок *рукописным периодом словенс-*

кого языка, хотя ясно, что рукописным должен считаться также и период Брижинских отрывков, не говоря уже о том, что рукописные тексты в большом количестве появлялись также параллельно с печатанием книг, т.е. с середины XVI в. и позднее. Представляется, что период истории словенской письменности и литературного языка с X–XI вв. и до середины XVI в. предпочтительнее называть *допечатным* (см., например, [1]). Следует заметить, что заявленный в подзаголовке хронологический отрезок "XIV в. – 1550 г." в действительности в книге

начинается с XIII в. (точнее, с 1227 г.), когда появляется так называемое "Приветствие Ульриха фон Лихтенштейна", в немецкий текст которого вклинено одно словенское предложение (рассматривается на С. 59–60).

Допечатный период истории словенского литературного языка изучен еще недостаточно. Разумеется, недостатка в публикациях, касающихся отдельных памятников, нет (см. обширный раздел "Литература". С. 389–403). До последнего времени показательным являлось отсутствие синтетизированного труда, в котором указанный период был бы представлен систематически и полно. Даже в трудах таких известных исследователей, как Ф. Рамовш (1924), Р. Ленчек (1982), Й. Топоришич (1991), содержатся далеко не полные обзоры и характеристики памятников словенской письменности до середины XVI в. Лишь в недавно вышедшей монографии М. Орожен этот пробел значительно заполняется рассмотрением различных аспектов развития словенского литературного языка от Брижских отрывков до XIX в. [2].

Монография Н. Михайлова состоит из двух разделов: в первом (С. 16–90) рассматривается история изучения раннесловенских текстов, второй (С. 91–383) составляют сами тексты, комментарии к ним и их языковой анализ. Автор дает весьма детальный критический обзор истории исследования проблемы, причем сначала он делает это по авторам – от первой публикации 1879 г. П. Радича до работ Й. Топоришича 1990-х годов и своей книги, вышедшей в 1997 г. на итальянском языке и по сути посвященной этому же вопросу [3], затем обзор ведется по памятникам. При этом Н. Михайлов объективно оценивает результаты исследований своих предшественников. О каждом памятнике подаются, можно сказать, энциклопедические сведения, позволяющие читателю составить представление об истории его находки, о проблемах датировки, месте происхождения, возможном создателе, обо всех публикациях памятника, о попытках установления диалектной основы и т.д. В сводных таблицах многие из этих сведений обобщены. Так, в таблице № 1 (С. 53) указывается, кем и когда издан памятник, в каких трудах он только упоминается или не затронут вовсе; таблица № 2 (С. 87) касается датировки памятников, а таблица № 3 (С. 88–89) раскрывает географию их распространения.

Какие же памятники составляют объект внимания исследователя? Это рукописи Целовецкая/Ратечская (1362–1390), Стичненская/Стишская (1428–1440), Краньская/Край-

нская (1440–1556), Удинская/Видемская (1458), Шкофельокская (1466), Старогорская (1492–1498), Чернейская/Чедадская/Чивидальская (с 1497 г.), Ауэршпергова (XV в.?) и так называемая "Homilieskizze" (начало XVI в.). Очень важно, что автор побывал во всех местах, где хранятся оригиналы этих рукописей или же их копии. Наличие только копий свидетельствует о том, что оригиналы в разное время были утеряны, а то и просто выкрадены из архивов или библиотек. Так, не найдены оригиналы рукописей Краньской, Ауэршперговой, а также "Homilieskizze". Из Archivio arcivescovile в Удине выкраден оригинал Старогорской рукописи – на ее месте автор обнаружил лишь копию второго листа, поэтому вынужден был пользоваться полной фотокопией, хранящейся в Народной и университетской библиотеке в Любляне (детали этой почти детективной истории на С. 205).

Каждая глава второго раздела посвящена конкретной рукописи. Сначала автор дает необходимую информацию о месте хранения рукописи, ее состоянии и т.д., затем следует сам текст с указанием мельчайших разночтений, допущенных предшественниками при публикации памятника (нередко текстологические исправления занимают две, а то и три страницы); затем текст подается в "переводе" на современный словенский, а в ряде случаев и на немецкий языки; в комментариях каждый элемент (гесп. словоформа) текста подвергается детальному истолкованию (отмечаются его грамматические и иные особенности, связь с родственными словами и словоформами и т.д.). Особый подраздел посвящен всестороннему анализу графики, орфографии и языка памятника: выявляются рефлексы праславянских гласных и согласных, реконструируются морфологические модели частей речи (с неизбежными лакунами в падежной системе, в спряжении и под.), выделяются синтаксические и лексические особенности, и в этой связи высказываются соображения о возможной диалектной основе текста, а также о его авторстве. Завершает описание и анализ памятника алфавитный список слов в исходной форме и с переводом на словенский и немецкий языки (полный перечень слов из всех рассматриваемых текстов помещен в конце книги. С. 405–440). Таким образом, каждый памятник получает в монографии Н. Михайлова детальное представление, а приложенные к книге копии страниц ряда рукописей дают возможность ознакомиться с их исполнением.

Целовецкая рукопись представляет собой

переводной религиозный текст, состоящий из трех молитв, в том числе и "Отче наш". Н. Михайлов, как и его предшественник Б. Графенауэр, склоняется к тому, что ее создатель опирался на более ранний словенский образец-перевод. Однако мнение Б. Графенауэра о полидиалектном характере языка рукописи автор рецензируемой монографии не поддерживает, полагая, что в ее основе лежит гореньский диалект с небольшими вкраплениями элементов доленьского и зильского диалектов (С. 108). Считалось, что Целовецкая рукопись была написана тремя переписчиками (resp. переводчиками); Н. Михайлов высказывает мысль о том, что, вероятно, переписчик или переводчик был один и к тому же не словенец по происхождению. Кстати, при этой рукописи, находящейся в Земельном архиве в Клагенфурте (словен. Celovec/Целовец); автор обнаружил небольшую записку (без даты) русского слависта Г.А. Ильинского, в которой тот благодарит неизвестное лицо за предоставленную возможность фотокопировать рукопись. Судьба этой фотоконии, как пишет Н. Михайлов, неизвестна. Напомним, что Г.А. Ильинский побывал в архиве в Клагенфурте во время своего путешествия по славянским землям в 1901–1903 гг. Вероятно, текст этой рукописи он так и не опубликовал – по крайней мере просмотр нами огромной по объему библиографии публикаций этого слависта не дал никаких результатов (см.: [4]).

Стиченская рукопись также религиозного содержания. Ее отдельные части, по мнению автора, создали монахи, один из которых был чехом, о чем свидетельствует "чешский" графико-орфографический характер письма, срав., например, *g* для [j]: *zdvchugeme*. Именно поэтому рукопись пестрит графико-орфографическими, фонетическими и морфологическими непоследовательностями (только для передачи [č] в рукописи использовано десять способов – в основном это комбинации различных букв).

Религиозного содержания и Старогорская рукопись (три молитвы, в том числе и "Отче наш"), а также Ауэршпергова и "Nomilieskizze". Язык Старогорской рукописи в целом гореньского диалектного происхождения, однако в нем ощущается стремление к наддиалектности. Несмотря на то, что памятник создан в венецианско-словенско-фриульской области, в нем почти нет черт из диалекта итальянских словенцев. Более того, в тексте обнаруживаются лексические заимствования не из итальянского,

а из немецкого, да и графика ближе к "немецкой", нежели к "итальянской" (С. 216–227).

Остальные рукописи не касаются религиозной жизни. Так, Краньская состоит из четырех, в основном рыцарских, присяг на верность королю (С. 182–185), Удинская содержит имена числительные – простые, десятки, сотни и тысячи. Примечательно, что отдельные числительные здесь акцентированы. Шкофельокская рукопись содержит названия месяцев, вклиненных в немецкий текст ее составителем Мартином из Локи. Самая большая по объему рукопись светского содержания – Чернейская, первоначально опубликованная В. Облаком (1891–1892), а потом и И.А. Бодуэном де Куртенэ (1906). Это записи прихожан о пожертвованиях для церкви братства св. Марии, расположенной в д. Чернея (итал. Segrneu), недалеко от Чивидале (во время землетрясения в 1980-е годы церковь полностью была разрушена). По содержанию тексты эти однотипны и составлялись не только носителями словенского языка. Однако они содержат богатый топонимический и антропонимический материал и вообще дают некоторое представление об административном словенском языке XV в. В. Облак считал, что Чернейскую рукопись писали 14 человек; Н. Михайлов уточняет – 13 человек (С. 324–325). Автор монографии приходит к выводу о том, что язык этого памятника достаточно близко стоит к современному словенскому литературному языку ("der modernen slowenischen Hochsprache sech nah ist").

Тщательно проведенный анализ графико-орфографических и языковых особенностей памятников словенской письменности допечатного периода создает базу для сравнительного изучения этих особенностей на протяжении нескольких веков и тем самым делает возможным определение тенденций развития графико-орфографических, фонетических, грамматических и лексических систем в направлении создания литературно-письменного языка словенцев. И это несмотря на то, что, как справедливо отмечает автор, ряд памятников характеризуется отчетливой диалектной ориентацией: в Целовецкой рукописи преобладает гореньская основа, в Стиченской – доленьская, в Краньской – нотранские черты смешаны с гореньскими, а Старогорская отражает своего рода "nadnarečje", т.е. некоторый наддиалект. Показательно, что процессы, связанные с созданием литературно-письменного словенского языка проходили в западной и центральной частях

словенского ареала (Каринтия, Венецианская Словения – Венеция, Крайна и Нотраньско), что наглядно видно по приложенной к книге карте "География раннесловенских языковых памятников" (ошибочно в названии карты вместо *раннесловенских* напечатано *старословенских* – *altslovenische*). Наличие большой доли переводных текстов (в основном с латинского, немецкого, а также итальянского) дает возможность автору говорить о существовании весьма развитой переводческой традиции у словенцев в допечатный период истории их литературного языка (С. 385).

Как в любом новаторском исследовании, в монографии Н. Михайлова есть и некоторые дискуссионные положения и трактовки. Так, нам кажется спорной интерпретация буквосочетания *sch* только как [ʃ] (С. 154): в словах типа *čezelchu* [čeʒu] – да, но в формах типа *odpušcho* [odpuščo] скорее всего следует под *sch* видеть [ʃč], как, впрочем, и в слове *kerščansko* [kerščansko] (С. 217). Вероятно, вопрос об ассимиляции типа $\check{s} < \check{s}\check{c}$ (С. 158) требует особого анализа. Не до конца выдержана трактовка сочетаний графем для [č] (С. 154): признавая, что за сочетанием *ščz* стоит [č], автор приводит пример в виде *otšze* [oče], т.е. не учитывая элемента *-t-*, но чуть ниже этот элемент оказывается в связке с другим именно для выражения [č] – [tʃ] в слове *otzo* [očo]; ср. также форму *otzha* [oča] в которой сочетание *tzh* выражает аффрикату [č] (С. 217). На С. 105 буквосочетание *tsch*[č] иллюстрируется примером *wfemogotšchega*, а в алфавитном списке форм (С. 117) реестровому слову *otšcha* соответствует пример *othšcha*; страницей ранее слово *nafs* иллюстрируется примерами типа *naffiga*, *naffen*. Кстати, только в Целовецкой рукописи автор отметил формы *dolu yide* "спускается" и *gori wstaa* "поднялся", которые он рассматривает в разделе наречий, имея в виду компоненты *dolu* "вниз/у" и *gori* "вверх/у" (С. 112). Между тем здесь речь идет не о наречиях, а об отделяемых адвербиальных приставках глаголов. Это явление в литературном языке градицанских хорватов исследовал в свое время Л. Хадрович [5]; на материале этого, словенского и других славянских языков, а также ряда германских и финно-

угорских данных вопрос исследуется также в [6]. При анализе лексики памятников, может быть, следовало бы обращать внимание не только на заимствования, но также и на собственно словенские (и славянские) слова. Опечаток в книге немного: на С. 16 "Приветствие Ульриха фон Лихтенштейна" датируется 1227 г., а в таблице № 2 на С. 87 – "1227 (1255?)"; на С. 53 источник "Ain newes lied" получает сокращение *ANL*, а в таблице № 1 на той же странице он обозначен как *an*. В "Литературе" сборник "Slovenska zvrstna besedila" (1981) указан дважды – под сокращением SZB 1981 и под редактором Toporišič 1981. Однако все это по существу своему – детали.

В завершении хотим подчеркнуть: история словенского литературного языка пополнилась серьезным трудом, который, несомненно, станет основой для дальнейших разысканий, а в словенистику вошел талантливый молодой исследователь, по образованию классический филолог. Вошел стремительно и – весьма результативно.

© 2000 г. А.Д. Дуличенко

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дуличенко А.Д. Словенский язык // Основы балканского языкознания. СПб., 1998. Ч. 2.: Славянские языки / Под ред. А.В. Десницкой и Н.И. Толстого. С. 92–93.
2. Orožen M. Poglavlja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika (Od Brižinskih spomenikov do Kopitarja). Ljubljana, 1996.
3. Mikhailov N. I monumenti linguistici sloveni dell' "epoca dei manoscritti". Lingua e letteratura slovena dai Monumenti di Frisinga a P. Trubar con una nuova edizione del Manoscritto di Cergneu. Pisa, 1997 (= Studi slavi. 6).
4. Журавлев В.К. Григорий Андреевич Ильинский (1876–1937). М., 1962. С. 40–72.
5. Hadrovics L. Adverbien als Verbalpräfixe in der Schriftsprache der burgenländischen Kroaten // Studia slavica. Budapest, 1958. T. 4. Fasc. 1–2. S. 211–249.
6. Duličenko A.D. Verbal subtractive adverbial particles (prefixes) as an object of contact grammar in Slavic, Germanic and Finno-Ugric languages (with special reference to full number of adverbially prefixal verbs in Burgenland-Croatian) // Fenno-Ugristica 22. Tartu, 1999 (в печати).

МИТО ЦЕКОВ ИСУСОВ**(1928–1999)**

Известие о безвременной кончине видного болгарского историка академика Мито Исусова глубокой болью отозвалось в сердцах его российских коллег, многих из которых связывали с покойным долгие годы тесного научного сотрудничества и человеческой дружбы.

Мито Цеков Исусов родился 27 марта 1928 г. в с. Вылкова Слатина Михайловградского округа. Alma mater М. Исусова – Софийский университет "Климент Охридский", который он окончил в 1954 г. Вся его яркая научная жизнь была связана с Институтом истории БАН. Здесь М. Исусов проработал до своих последних дней, руководил сектором новейшей истории Болгарии (с 1973 г.), затем (с 1979 г.) возглавлял Единый центр по изучению истории.

Научные интересы М. Исусова были связаны в первую очередь с новейшей историей страны. Этой проблематике он посвятил многочисленные статьи, документальные публикации и монографии. Как исследователя М. Исусова всегда отличало стремление сосредоточиться на разработке наиболее сложных, спорных научных вопросов. Исключительным был его вклад в изучение первого послевоенного десятилетия, вошедшего в историю под названием "народной демократии". Вокруг экономических и особенно политических проблем этого периода не одним поколением историков было сломано немало копий, не затихают острые споры и поныне. Ведя полемику, исследователи непременно обращаются к таким фундаментальным работам М. Исусова, как "Рабочий класс Болгарии. 1944–1947 гг." (1971), "Политические партии Болгарии. 1944–1948 гг." (1978), "Коммунистическая партия и революционный процесс в Болгарии. 1944–1948 гг." (1983), "Последний год жизни Трайчо Костова" (1990) и др.

Он был первопроходцем в освещении вопросов социальной структуры болгарского общества после второй мировой войны; плодотворным оказалось и обращение историка к проблемам формирования и функционирования политической системы в стране в указанный период. Одним из первых М. Исусов обратился к дискуссионной проблеме альтернативности исторического развития и на основании многолетних и тщательных изысканий пришел к убедительным выводам о наличии различных вариантов политической динамики болгарского общества в 40-е годы. Естественным было внимание ученого и к проблемам методологии изучения истории и периодизации исторического процесса.

Труды М. Исусова выдержали проверку временем. Секрет этого заключается прежде всего в их полноценной и тщательно проработанной источниковой базе. Прекрасный знаток национальных архивов, подлинный энтузиаст работы с документом М. Исусов ввел в научный оборот поистине огромное количество документальных свидетельств, "заставил" целую историческую эпоху в истории своей страны заговорить образным языком документов, внося тем самым неоценимый вклад в объективное прочтение и объяснение прошлого. Сам получая подлинное наслаждение от работы в архивах, ученый заражал своей увлеченностью учеников, многих из которых он буквально за руку приводил в хранилища, знакомил с архивистами и ориентировал в безбрежном море материалов.

Именно глубокое изучение архивных документов уберегло М. Исусова от превращения в ортодоксального "классика" официальной исторической науки, хотя, сформировавшись как

ученый и гражданин в период "коммунистической Болгарии", М. Исусов, несомненно, был созвучен своему времени. В каком-то смысле ученый олицетворял собой трагедию поколения, которое, видя изъяны общественной системы, оказалось бессильным что-либо изменить. Выход из создавшейся ситуации М. Исусов нашел для себя в способе изложения накопленного и осмысленного им материала. Широко используя документы, прибегая к пространному цитированию, он терпеливо подводил думающего читателя к самостоятельному выводу, при этом нередко отказывался от собственного заключения или окончательной оценки. Работы М. Исусова располагали прежде всего к чтению между строк, и это зачастую оказывалось более важным и ценным, нежели та или иная не шедшая вразрез с официальной идеологией формулировка.

Последние годы жизни М. Исусова пришлось на сложный, переломный период в истории Болгарии. Он болезненно реагировал на утвердившуюся в национальной историографии явную тенденцию отрицания каких-либо достижений исторической науки предшествующих лет, страдал от фактической изоляции, в которой оказался, отхода некоторых учеников. Все это тяжелым грузом давило на ученого, хотя до последних дней он продолжал строить планы будущей научной работы, обсуждал с некоторыми из нас творческие идеи. Открытость М. Исусова в этом плане, его щедрая готовность делиться знаниями и замыслами была отличительной и необыкновенно привлекательной чертой ученого. Проявлялась она и в работе Комиссии историков СССР и Болгарии, деятельности которой в 70-е годы М. Исусов отдал много сил и душевного тепла.

Несправедливо рано ушел из жизни академик М. Исусов, остающийся в благодарной памяти его коллег и друзей в России одной из крупных, масштабных фигур в болгарской исторической науке.

Академик РАН Г. Г. Литаврин, директор Института славяноведения РАН проф. В.К. Волков, Е.Л. Валева, Т.В. Волокитина, Р.П. Гришина, Ю.Ф. Зудинов, А.В. Карасев, Т.Ф. Маковецкая, В.В. Марьина, Г.П. Мурашко, Ю.С. Новопашин, А.Ф. Носкова, А.А. Улуян

Новые издания Института славяноведения РАН

В 1997–1999 гг. в Институте славяноведения РАН вышли следующие издания:

- *Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997.
- *Балканские исследования. Вып. 17: Церковь в истории славянских народов. М., 1997.
- *Венелин Ю.И. Грамматика нынешнего болгарского языка. М., 1997.
- Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. I: 1944–1948. М.; Новосибирск, 1997.
- *История литератур западных и южных славян. М., 1997. Т. I–II.
- *Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. М., 1997.
- *Македония. Путь к самостоятельности. Документы. М., 1997.
- *Материалы "Особой папки" Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений. 1923–1944 гг. М., 1997.
- *Натура и культура. М., 1997.
- Николаева Т.М. "Слово о полку Игореве". Поэтика и лингвистика текста. "Слово о полку Игореве" и пушкинские тексты. М., 1997.
- *Никольский С.В. История образа Швейка. Новое о Ярославе Гашеке и его герое. М., 1997.
- *Политический ландшафт стран Восточной Европы. М., 1997.
- *Славянский вопрос: Вехи истории. М., 1997.
- *Славянские соединительные союзы. М., 1997.
- *Фрейдзон В.И. Далмация в хорватском национальном возрождении XIX в. К истории югославизма и его неудачи. М., 1997.
- *Аншаков Ю.П. Становление Черногорского государства и Россия (1798–1856 гг.). М., 1998.
- *Васильев М.А. Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. М., 1999.
- *Волокитина Т.В. "Холодная война" и социал-демократия в Восточной Европе. 1944–1948 гг. М., 1998.
- *Заборовский Л.В. Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х – 80-х гг. XVII в. Документы. Исследования. М., 1998. Ч. 1.
- *Мургулия М.П., Шушарин В.П. Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII–XIII веках. М., 1998.
- *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 1989. Ч. 1.
- *Славянская идея: история и современность. М., 1998.
- *Славянские литературные языки эпохи национального возрождения. М., 1998.
- *Слово и культура. Памяти Н.И. Толстого. М., 1998. Т. II.
- *Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946. Документы российских архивов. М., 1998.
- *Февраль 1948 г. Москва и Прага. Взгляд через полвека. М., 1998.
- *Центральная Европа в новое и новейшее время. М., 1998.
- *Шемакин А.Л. Идеология Николая Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998.
- *XVIII век: славянские и балканские народы и Россия. М., 1998.
- *Ю.И. Венелин в Болгарском возрождении. М., 1998.
- *Автопортрет славянина. М., 1999.
- *Власть и интеллигенция. Культурная политика в странах Центральной и Восточной Европы. 1920–1950-е годы. М., 1999. Вып. 3.
- *Геннадийос. К 70-летию академика Г.Г. Литаврина. М., 1999.
- *Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М., 1999.
- *Дмитриев М.В., Заборовский Л.В., Турилов А.А., Флоря Б.Н. Брестская уния 1596 г. и общенационально-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – первой половине XVII в. Ч. II: Брестская уния 1596 г. Исторические последствия события. М., 1999.
- *Македония: проблемы истории и культуры. М., 1999.
- *Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999.
- *Славянские этюды. Сборник к юбилею С.М. Толстой. М., 1999.
- *Славянский альманах. 1998. М., 1999.

*Фрейдзон В.И. Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII в. – начала XX в. Дубна, 1999.

Книги, отмеченные звездочкой, Вы можете приобрести по адресу: 117334, Москва. Ленинский пр-т, 32А, корп. В, Институт славяноведения РАН, комн. 920. Тел. (095) 938-54-66, Гурьева Маргарита Васильевна. Только за наличный расчет.

ВАСИЛЬЕВ М.А. *Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира* / Отв. ред. А.А. Турилов. М., 1999. 328 С.

Монография является первым в историографии комплексным исследованием проблем, связанным с функциями, обликом, временем и путями проникновения в восточнославянское язычество иранских (сармато-аланских) по своему происхождению богов Хорса и Семаргла, а также "первой религиозной (языческой) реформой" (980–988) великого князя Владимира Святославича. В Приложениях рассматриваются вопросы о соотношении *словен* и *антов* раннесредневековых письменных памятников и о новгородской *Перыни* как гипотетическом месторасположении капища Перуна в годы языческого реформирования Владимира. Книга написана на основе обширного круга источников (письменных, лингвистических, фольклорных, изобразительных и иных), принадлежащих к различным лингво-культурным и религиозным традициям (славянской, иранской, индийской и др.).

VASILYEV M.A. *Eastslav Paganism on the Eve of Rus'Christening: Religious and mythological interaction with the iranian world. Pagan reform of grand duke Vladimir. Moscow, 1999. 328 P.*

The monograph is devoted to the problems of functions, aspects, times and ways of penetration into eastslav paganism of the gods *Chors* and *Semargl* (iranian, sarmat-alanian by origin) and to the "first religious (pagan) reform" (980–988) of grand duke Vladimir. The author is also analysing in the ethnohistorical aspect the issue of correlation of *slovene* and *anti* of Early Middle Ages sources and also the issue of Novgorod *Peryn*'s hypothetic location of god Perun idol in the times of the pagan reform.

ARTICLES

<i>Aksenova E.P.</i> (Moscow). Slavic Studies in the Academy of Sciences: A Short Sketch. Towards the 275 th Anniversary of the Russian Academy of Sciences.....	3
The Proclamation of Bulgaria's Sovereignty as a Stage of Bulgarian Statehood. Conference Proceedings.....	14
<i>Kareeva E.I.</i> (Moscow). The Autonomy of Voevodina: the Search for Possible Solutions.....	38
<i>Kral L.</i> (Ljubljana). Expressionism in Slovenian Drama (a Review).....	47
<i>Efimova V.S.</i> (Moscow). Using Adjectives as Nouns in Old Slavonic Texts.....	56

COMMUNICATIONS

<i>Stykalin A.S.</i> (Moscow). Soviet-Yugoslav Polemics Around the Fate of "Nad's Group" and the Attitude of the Rumanian Leadership (November–December 1956).....	70
<i>Zhidov N.</i> (Ljubljana). Slovenian Traditional Popular Healers and Modern Alternative Medicine.....	82
<i>Mencej M.</i> (Ljubljana). Slavic Popular Beliefs Concerning Water as a Boundary Between the World of the Living and the World of the Dead.....	89
<i>Vernikovskaya T.V.</i> (Minsk). The Dative in Polish.....	98

PUBLICATION

<i>Nikitin O.V.</i> (Moscow). "Considerable Changes occurred in my Life". Three N.S. Trubetsky's Letters from 1922.....	104

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

<i>Labyntsev Yu.A.</i> B. Białokozowicz. Między Wschodem a Zachodem: Z dziejów formowania się białoruskiej świadomości narodowej.....	112
<i>Kumanov M.</i> Георги Димитров. Дневник (9 марта 1933 – 6 февруари 1949).....	115
<i>Serapionova E.P.</i> J. Rychlík. Češi a Slováci ve 20. století. Česko-slovenské vztahy. 1945–1992....	118
<i>Dulichenko A.D.</i> N. Mikhailov. Fruhslovenische Sprachdenkmaler. Die Schriftliche Periode der slovenischen Sprache (XIV. Jh. bis 1550).....	120

PERSONALIA

Mito Cekov Isusov (1928–1999).....	124
The New Publications of the Institute for Slavic Studies of RAS.....	126

Технический редактор *В.М. Пахомова*

Сдано в набор 11.10.99	Подписано в печать 30.11.99	Формат бумаги 70 × 10 ¹ / ₁₆
Офсетная печать	Усл.печ.л.10,4	Усл.кр.-отг. 6,1 тыс.
	Тираж 576 экз.	Уч.изд.л. 11,9
	Зак. 3177	Бум.л. 4,0

Свидетельство о регистрации № 0110184 от 4 февраля 1993 года
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская Академия наук, Институт славяноведения и балканистики РАН

Адрес издателя: 117864, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6
E-mail: vasilyev@FL09.tower.ras.ru

Индекс 70891

0100 1200